

Бремя страстей

Тайная жизнь наших душ

Оглавление

Отложенный рассвет и невидимое бремя.....	3
Прежде чем вступить в борьбу.....	3
1. Утро гордецов	6
Не преклонять колени даже перед Богом.....	6
Терпеть и прощать ближнего.....	14
Мир через цветное стеклышко страстей и грехов.....	15
2. В западне зависти.....	18
Ненасытный — самый бедный человек	18
Сербская сказка о братьях.....	20
3. Рабы чрева своего	24
Диктатор человеческой жизни — чрево.....	24
Грех — болезнь — смерть. Причинно-следственная связь.....	27
«Люди-еда», «человек-лекарство» и «человек-болезнь».....	28
Истинный пост — воздержание от всякого зла.....	31
По зернышку!	31
О здоровом образе жизни.....	32
4. Про любовь и нелюбовь.....	35
О настоящей любви и погоне за миражами	35
Безнравственно жить на своей земле как туристы	36
О целомудренной и безнадежной любви	37
Великое искусство смотреть на красоту	39
Брачные узы: кандалы или лестница спасения?	40
Правда без добра — ложь, а красота без истины и добра — лишь ловушка	45
«Со страхом Божиим и верою приступите!»	47
Великие пророчества в художественной литературе.....	47

5. Тяжелые гроздья	50
Разгневайся, человек, сам на себя и исправься!	50
Связь гнева и мщения	52
Проникающая радиация мысли	53
Спасительное молчание	55
Что в голове у Каина	57
Как не превратить свою жизнь в царство антихриста	58
6. Денежный идол и коварные хотелки	61
Воля к деньгам	61
Доллар и Библия короля Якова	61
О «хватательном» рефлексе	62
Камень, пробивающий стену равнодушия	63
Искусство брать и отдавать	64
В чем духовная жизнь похожа на банковскую систему	66
Сила разжатой ладони	68
Служение пылинок	70
Главное — внимание!	73
7. В сетях уныния	75
«Сбит с ног — сражайся на коленях. Идти не можешь — лежа наступай!»	75
Самоукорение — ближайший путь ко спасению	76
Время плакать и время смеяться	77
Тест на скрытое уныние	79
Молитва по расписанию?	80
Имя человеку — немощь, и молитву ему дает Господь	82
Религиозная гордость — один из худших недугов души	83
Благодарность — лекарство от зависти, невнимательности и уныния	85
Научиться тому, что умеем	87

Отложенный рассвет и невидимое бремя

Один мой знакомый жалуется, что по утрам просыпается неотдохнувшим. Такое ощущение, что и не спал. Тяжесть в ногах. Голова как после бурного веселья. А ведь ничего не было. Он просто прожил ушедший день, ничем не надорвав своих мышц, не съев и не выпив лишнего. *Он просто жил*, и ему было *невыносимо трудно* просыпаться утром нового дня, который точно так же предстояло просто прожить.

«Вот бы отложить тяжелый рассвет, вот бы сбросить это невидимое бремя!» — однажды выразился он. Невидимое бремя? Ноша, которой не видно, но давящую тяжесть которой не заметить нельзя. Знакомый спрашивал, что сделать, с чего начать лечение, чтобы вновь испытать то не оставляющее его в детстве и в молодости чувство легкости и просыпаться отдохнувшим.

Я не смог помочь своему знакомому в наших разговорах, но очень надеюсь, что ответ на свой вопрос он найдет в этой книге о тайной, невидимой нам жизни наших душ — того самого органа, который нужно лечить, чтобы перестать чувствовать тяжесть невидимого бремени страстей.

Страсти? Конечно, каждый знает, что это такое. Или думает, что знает. Однако, даже те, кто знает, как правило, не ведают, что делать со своими знаниями, когда начинается... Когда мы видим, как «заносит» окружающих, например, вчерашние друзья и даже родственники вдруг становятся злейшими, непримиримыми врагами, или чувствуем, что нами управляют какие-то силы: мы испытываем гнев, завидуем, начинаем одержимо желать чего-то или кого-то, орем на подчиненных, несправедливо ругаем детей, обижаем родителей, а потом не понимаем: а что произошло? Почему мы были такими, какими были? Почему не делали того, чего хотели, а чего не хотели—делали? И очередное пробуждение станет еще более тяжелым.

Надо разобраться во всем этом, чтобы управлять собой. Многие даже не подозревают, что православная традиция всегда понимала эту тему глубоко и тонко — как особое состояние каждой человеческой души, на которую действуют определенные силы. Тайная жизнь наших душ — жизнь, скрытая от нас самих, и именно наших — потому что это общий опыт, это касается каждого: страсти, искушения и сами грехи.

Я также надеюсь, что ни один читатель этой книги, узнав в ее содержании и свой опыт, больше никогда не пожелает откладывать свой рассвет, не желая пробуждения и радостной встречи нового дня своей осмысленной жизни, дарованной Богом.

Прежде чем вступить в борьбу

Нет отдельных грехов и нет отдельных добродетелей. Всякое доброе дело влечет за собой другие добрые дела, стоит только начать. За что бы ни взялся, когда начнешь движение, не сразу остановишься.

Молитва побуждает к примирению с обидчиками и к милостыне. Пост поможет ощутить силу Писания и тайный яд, скрытый в пустых удовольствиях. Чувства, закрытые для праздных звуков и зрелищ, помогут помыслам собраться воедино, как лучам — в линзе, согреют сердце и родят сердечную молитву. Любое святое дело, как цепь, потянет за собой другое, и этой цепью корабль души поднимет якорь и медленно тронется в путь, постепенно набирая скорость.

Так же и с грехами. Бесы не ходят в одиночку, но влекут за собой «семь злейших себя». И влекут до тех пор, пока не будет имя им «легион». Поэтому никто на Суде не будет осужден лишь за один грех. Нет такого грешника, который совершил бы только одно прегрешение. Если было одно заметное согрешение, значит, были десятки тайных грехов, незримых, накапливающихся, подводящих мало-

помалу к явным отступлениям. Были и потом бесчисленные последствия, как крути на воде, расходящиеся в разные стороны от согрешившего человека.

Внимательное отношение к греху и ответственности заставило Ф.М. Достоевского сказать, что «всяк перед всеми виноват». Это подлинные, истинные, Евангелием рожденные слова, а кто ощутил их, тот начал вырываться из невидимого плена, в котором находится нераскаянное человечество. «Если бы я был лучше, лучше было бы не только мне, но и всем, кто рядом, и даже всем вообще. — так может думать всякий человек. — И человечество не исцелится от внутренних страданий, пока я не начну возделывать тот небольшой кусочек Вселенной, который отдан под мою опеку».

Этот «кусочек Вселенной» есть душа человеческая и ее внутренний мир, который дороже и больше всего остального мира. Несмотря на то что Земля — песчинка в немыслимо огромных пространствах космоса, несмотря на то что человек — песчинка на поверхности Земли, внутренний мир человека шире и глубже, а главное — дороже в глазах Божиих, чем весь огромный мир. Никакой галактике и никакому огромному скоплению звезд не сказал Господь: «Я буду жить у тебя, и ты вместишь Меня». А людям Бог сказал: *«Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим»* (Ин. 14, 23).

И может показаться, что мы проповедуем эгоизм и индивидуальность, раз подчеркиваем такое достоинство отдельной души. Но это лишь «может показаться», как «показалось» и привиделось во время оно христианам на Западе противоречие между верой и знанием, между оправданием от дел и оправданием от веры.

Все, что происходит в Церкви, и все, ради чего она существует, направлено на отдельную душу таким образом, что благое воздействие неизбежно выйдет за рамки одной души, коснется многих и продолжит действие в ускользящих от взора далях даже до Страшного Суда.

Вот в некоторой семье родилось дитя, и родители собрались его крестить. Выбрали крестных и получили их согласие стать для младенца восприимчивыми. Вот священник, к которому обратились будущие крестные, не отнесся формально к своим обязанностям и удержал будущих крестных для беседы. Он рассказал им о смысле таинства и особенно подробно об искупительном Страдании Богочеловека и о Его Воскресении. Он, по сути, своими словами пересказал то, что будет читаться в апостольском чтении Крещения, но что неизбежно ускользнет от сознания, если подробно не растолковать человеку смысл прочитанного.

Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы по-греблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни (Рим. 6, 3-4).

Священник объяснил эти слова и умилил сердца собеседников. Они думали, что услышат, сколько нужно взять денег, какой купить крестик, когда прийти, а услышали простые слова, западающие в самую глубину сердца и рождающие слезы.

Ребенок не сделал еще ничего доброго или злого. Он только-только родился, а мы лишь приготовились его крестить. Но будущее крещение младенца уже родило проповедь о Христе, уже умягчились сердца взрослых, уже в ком-то окрепла, а в ком-то и родилась вера! Фактом рождения и будущего крещения ребенок приводит к вере взрослых людей, собирающихся его крестить! Не чудо ли это?!

А разве не то же происходит в каждом таинстве и во всяком молитвословии? Смерть одного человека не заставляет ли молиться многих? Не набрасывает ли смерть одного на многих узду воздержания и страха, узду отвращения от суеты и глубокого раздумья? Набрасывает. Даже посреди своей немощи и беспомощности один спасает многих. Таков закон. И там, где не видно рати, выстроенной на битву, дело не в том, что ее не видно. Дело в том, что не нашлось там кого-то одного,

вокруг которого сплотилось бы войско.

Сначала всегда нужен кто-то один. Именно потому, что он никогда одним не останется, со временем придет и второй, и третий: к преподобному Антонию Печерскому придет преподобный Феодосий. К Кузьме Минину присоединится князь Пожарский. Андрей Первозванный позовет своего старшего брата.

Слабость, если Бог благословит, превратится в силу: рыбаки посрамят философов. И наоборот: имена царей сотрутся из памяти. Необходимо знать, что всякий труд и всякое — кажущееся незаметным — усилие очень важны. Надо победить лень и встать рано, чтобы не опоздать на службу. Важно заметить приближение греха и начать борьбу не тогда, когда он уже сел тебе на плечи, а раньше, на стадии льстивого и вкрадчивого шепота. Есть тысячи важных вещей, которые по отдельности столь малы, что мы склонны не придавать им значения. Но, собранные вместе, они приобретают силу прочного каната, сплетенного из слабых по отдельности волос.

Если человек пренебрежет этими простыми истинами, враг победит его, поскольку он-то этими истинами не пренебрегает. Враг прекрасно знает, что человек не станет творить большое зло, пока его не оплести по рукам и ногам мелкой ложью и «повседневными» грехами. Он также знает, что человека на дно может потащить и один большой камень, и мешок песка. Поэтому он без устали подсыпает в нашу рабскую ношу мелкий песок «небольших грехов», напевая при этом песенку о том, что «это не страшно».

Обязательно нужно прозреть прежде, чем вступить в борьбу. Слепой борец будет лишь бить по воздуху и быстро выбьется из сил. Поэтому Господь говорит: «Глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть» (Откр. 3,18).

Покаянная слеза — вот название «глазной мази», от которой приобретается духовное зрение. Это тот подарок, который надо смиренно выпрашивать у Бога. Если получить этот подарок, то он не останется один, а приведет с собой другие, не менее ценные дары, потому что нет отдельных грехов и отдельных добродетелей.

1. Утро гордецов

Не преклонять колени даже перед Богом

Тема гордости — главная в борьбе со страстями, это самое тяжелое бремя. Смысл борьбы с ней — практический, так как гордость — это скрывающийся в каждом из нас змий. И человеку, вступившему на путь борьбы со страстями, предстоит долгая борьба с гордыней... до самой смерти. Борьба с остальными грехами — это уже борьба с его, змией, детьми-змеенышами.

Христианские подвижники учат нас, что гордость есть корень всех грехов. Верующему человеку не надо объяснять, что такое гордость. Зато человеку нецерковному как раз необходимо растолковать, чем она опасна, потому что гордость для него есть кодекс чести, знак, что он «не животное, не тварь дрожащая, а право имеет...»

С чего необходимо начать разговор о гордости? Вот с чего: смиряться нас зовет Господь Иисус Христос. Он говорит: «*Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим*» (Мф. 11, 29). Мы, говорит Господь, найдем покой. Найдем то, чего нам так не хватает — богатым и бедным, старым и молодым. Покой душам нашим мы найдем лишь у Христа, ибо Он кроток и смирен сердцем. Это слово Христово читается самыми разными людьми в самых разных оттенках смысла.

Неверующие люди упрекают христиан в том, что мы якобы проповедники некоего овечьего безгласия и смиренного бессилия. Фридрих Ницше полнее и ярче всех выразил эту позицию проповедью против непонятого ему христианства к книге «Антихристианин». Дескать, христиане — это поклонники слабосильных и ничтожных людей, возведшие свои слабости в добродетели. Слово было сказано громко, и с тех пор христианам часто приходится опровергать это ложное обвинение.

Христос говорит: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем*. Кажется, что это проповедь слабости. Однако стоит взглянуть в образ Господа Иисуса Христа. Где в Нем зажатость и слабость? Где в Нем овечье молчание в ответ на грех? Где в Нем страх или заискивание перед сильными мира сего? Он, никого не боясь, говорил ровно и свободно со всеми людьми: с архиереями, начальниками, старцами, книжниками, рыбаками, простыми женщинами — со всеми. У Него не было высокомерия и пренебрежения к людям, которые находились социально ниже Него: Он не презирал и не гнал от Себя нищих, калек, бедных и убогих. Гордецы обычно согрешают, презирая тех, кто стоит, как им кажется, ниже, чем они. В Господе не было подобострастия по отношению к тем, кто по социальному статусу, по людскому глазомеру представлялся выше «простого» Плотника из Назарета. Он был совершенно прям и прост. В Нем было целомудрие — без ханжества и без ригоризма. В Нем была храбрость без дерзости, сила без наглости. И при этом Он кроток и смирен сердцем. Неужели в этом не видно подлинного величия?

Если бы каждый человек был силен, как Ангел, жизнь его была бы ужасна. Это была бы битва гордых титанов, переворачивающих горы, но неспособных смиряться. Господь же Иисус Христос вел себя чрезвычайно скромно, зная за Собой великую силу и свободно пользуясь ею. Он совершенно свободный, благородно-спокойный Человек, не имеющий в Себе греха. И при этом Он силен как Бог. Вот Кто говорит: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем*. То есть учиться надо у безгрешного, красивого, сильного, совершенного Человека.

О смирении и кротости нам говорит не старик, которого уже согнули болезни. Это пожилые люди могут сказать: «Когда постареешь — смиришься». Ведь человек приобретает опыт и разум с годами — с потерями, болезнями. Выпадают волосы, слабеют глаза, расшатываются зубы, сгибается

спина, скрипят колени, сыплется песок — и человек смиряется, хочет он того или нет. Бродский сказал: «Так я и буду здесь жить, теряя волосы, зубы, глаголы, суффиксы». Пронзительно и поэтично говорит об этом старческом смирении последняя глава книги Екклесиаста.

А во Христе не было старческой усталости и печальной мудрости битого жизнью человека. Он смиренный не потому, что Он старый или больной, Он смиренный не потому, что Он слабый или ничтожный. Он велик, Он может все, и Он — смиренный. Это удивительно! Как этого не увидел Ницше с его филологической гениальностью и музыкальной одаренностью? Как вообще умные и талантливые проходят стройными колоннами мимо этой ослепительной очевидности? Смирение во Христе не предполагает забитости и нарочитой униженности. Да, грешник будет бит. И смирят его, если он сам не захочет смириться. Его смирят болезни и неудачи, одиночество и безденежье. Даже зубная боль и длинные очереди в присутственных местах. И смирится он, никуда не денется! Но именно поэтому Христос хочет, чтобы мы приобретали опыт и мудрость — это и есть смирение — не из-под палки, а через веру и благодать.

Христиане учатся смирению у Господа. В беседе с неверующими на их высказывание: «Вы бессильные овцы!» — христиане отвечают: «Какие же мы овцы бессильные? Мы можем и сдачи дать, и воевать мы умеем!» На самом деле христиане могут все: строить мосты, летать в космос, защищать слабых вооруженной рукой. Но во всем должно быть смирение.

Гордость — антитеза смирению. Оказывается, это главная проблема человечества! В Библии об этом не говорится прямо, а сказано скрыто, образами. Лукавый обманул наших прародителей словами: «Будете как боги». Гордость — это соблазн, обещающий человеку, что он быстро и легко получит запредельное величие. Ключень на посул — и опозоришься. Как в рекламе. Помните: Леня Голубков в одном из известных роликов сказал: «Возьму кредит, куплю жене сапоги!» А потом еще то-то и еще то-то куплю, взяв еще один кредит. А потом, через пару месяцев, такой вот реальный, а не рекламный Леня Голубков говорит: «Пойду почку продам, чтобы долги отдать».

Гордость—это болезнь. Болезнь самого дьявола. Он первый заболел гордостью и затем передал эту болезнь человеку. Сеет он ее в наши души через помыслы, с помощью лживых обещаний.

Стандартный прием дьявола — обещать, что ты станешь значительным, великим. Он Самого Христа искушал в пустыне, показав ему все царства мира в мгновение ока: «Я все Тебе дам, только поклонись мне!» А можем ли мы представить себе, что это такое: показал все царства мира в мгновение ока? Это феерическое зрелище! Лукавый не просто возил Христа на горбу в Лувр, скажем, или в Петергоф, или на Великий Каньон, или к египетским пирамидам. Ничего подобного! Дьявол перед очами Христа развернул как бы фантики-мультики. Взрыв фантазии! Сколько разных зрелищ предстало перед взором Господа! А дьявол говорит: «Это все мое! Вот царства, вот челядь, вот золото, вот серебро, вот танцовщицы, вот музыка, вот охрана, вот великие здания!» И все это — в секунду! «Смотри! Видишь, какое величие? Все дам! Ничего не пожалею за один только поклон! Поклонись мне. Ведь все же кланяются...» Это был великий соблазн, который невозможно было бы выдержать, если бы Христос не был Тем, Кто Он есть. А затем, уже в христианскую эпоху, появились и люди, силою Христовою совершавшие нечто подобное, например, Антоний Великий. Но это были уже плоды Христовой победы.

Итак, человеку предстоит всю жизнь бороться с гордостью. Однажды гордый дьявол соблазнил глупого человека, и с тех пор глупый человек стал гордым человеком. Раньше он был просто глупым, а теперь стал гордым. И вечно решает вопрос: что я значу в этой жизни? Ведь значу же я что-то! И об этом хотелось бы поговорить с точки зрения практики. Неверующие могут сомневаться, ведь гордыня для них — это честь и достоинство. «Я вам не позволю так поступать со мной!» — говорит человек с повышенным чувством собственного достоинства. У смиренного все по-другому. Он знает, чего делать нельзя и что можно, не унижаясь. Смиренный не скажет, например: «Я не буду мыть пол. Я не

слуга вам!» Он спокойно вымоет пол, потому что это не унижение. А когда дело связано с грехом, смиренный твердо скажет: «Я этого делать не буду!» Знаете, ведь подлинно смиренного человека на грех не сдвинешь и самосвалом! А гордый пошумит, повозмущается и... согласится на грех, потому что нет в нем Духа Божия, а есть гордость. Человек перепутал гордость с достоинством. Необходимо, по мере сил, разобраться, где гордость, а где достоинство. До конца, до доньшка разобраться, может, и не получится, но нужно знать, что в грехе достоинства нет. Там один стыд. И смиренный человек отворачивается именно от греха.

Есть такой святой — Нектарий Эгинский. Это епископ без кафедры, вечно гонимый. Святой старец в достоинстве епископа, но без епархии, которой бы он управлял. То есть все равно, что без дома. Святитель Нектарий говорил, что есть гордость ума и гордость сердца. Очень ценное замечание!

Гордость ума — это помраченное состояние, при котором у человека нет авторитетов. Он считает, что он всегда прав и что он все знает. Вспомните фразу: «Не учите меня жить!» Это фраза Элочки Людоедки. У нее в словаре было 33 слова, но она все знает! Гордость ума—это состояние, при котором человек считает, что он все всегда понимает правильно, а на замечания других отвечает: «Кто ты такой? Ты никто!» Такая гордость есть помрачение ума, она является сатанинским пленением, выхода из которого почти нет. Только если Бог озарит человека, и это будет особый случай.

«Бог внемлет уму». — давно сказал мне один знакомый священник, цитируя святых отцов. Какие чудесные слова! Все внутренние диалоги, все обрывочные мысли, все-все, что вертится и крутится, испаряется и конденсируется в человеческой голове, видит Бог. Видит, слышит и внемлет.

Уильям Теккерей, английский писатель, сказал: «Посей поступок — пожнешь привычку. Посей привычку — пожнешь характер. Посей характер — пожнешь судьбу». Хорошие слова, только требующие добавления. Перед словами: «Посей поступок» нужно добавить: «Посей помысел— пожнешь поступок». Так выстроится законченная схема: мысль — дело — привычка — характер — судьба. Все начинается с мысли. И этой мысли — уму — внемлет Бог.

Бесполезно пытаться влиять на жизнь, не влияя на сознание человека. Вся политическая кибернетика пытается мытьем или катанием, концлагерями или телевидением, рекламой или поп-культурой делать одно и то же: менять сознание масс, влиять на умы и незаметно править. Церковь же одна способна бороться в умной сфере за свободу личности и общества. В этом смысле ненависть к Церкви — показатель ее действенности. Ведь хорошо ли, плохо ли она занимается влиянием на умы и сердца, Церковь — вечный конкурент социальных кибернетиков. И ее всегда будут тем больше гнать и порочить, чем больше она будет соответствовать своему призванию.

Со времен салонных французских философов проповедуют все и всюду. Проповедуют политики, артисты, фельетонисты, журналисты, клоуны и т. д. Всем можно громко возвещать свое «собственное мнение», вычитанное в утренней газете. Только Церкви сказано: «Цыц!» И если некий клирик вдруг начнет вещать нечто за пределами темы постов и праздников, ему тотчас скажут: «А что это вы, батенька, лезете не в свой огород?» К подобному отношению уже привыкли. Даже сами клирики привыкли. Это у нас уже считается нормой.

Откроем общеизвестные церковные тексты. В тропаре Ангелу Хранителю говорится: «Ум мой утверди во истинном пути»; в молитве, обращенной к Иоанну Предтече, сокрушенно говорится: «Пригвожден есть ум мой к земным вещам...»; в молитве Иисусу Христу после покаянного канона говорится: «Возвыси мой ум к Тебе, долу поникший, и возведи от пропасти погибели...» И на каждом часе — первом, третьем, шестом, девятом — в молитве «Иже на всякое время и на всякий час...» говорится: «Души наша освяти, тела очисти, помышления исправи, мысли очисти...» Таких примеров, конечно, больше, чем приведено выше, но факт есть факт: Церковь, Дух Божий, живущий в Церкви, пекется о мыслях человека, о том, что внутри него.

Итак, ум. Он является объектом церковного внимания. Потеряем ум — потеряем жизнь. И если теряем жизнь, значит, ранее потеряли влияние на ум. Иначе не бывает. А если хотим влиять на человеческий ум, то должны прилежать к учению во всех его формах: к проповеди, катехизации, литературной критике, публицистике и прочее, прочее...

Смотрите, что некогда делали католики. Когда проповедь социалистических идей распространилась среди рабочих на Западе, возникло движение священников, нанимавшихся на заводы в качестве простых рабочих. Там они в перерывах общались с трудягами, и к их словам прислушивались, потому что они работали вместе с ними, ели тот же хлеб и получали те же копейки. Согласитесь: одно дело слушать пришлого проповедника, а другое — соседа по цеху. У нас такие примеры тоже были, но не имели массового и организованного характера. А если бы имели, то, может быть, не было бы революции. Но то — дела давно минувших дней. Сегодня уже не стоит пытаться их повторять, враг уже не гнездится в цехах предприятий и в курилках заводов. Если честно, то враг гнездится в СМИ.

Декрет о земле не так важен в наше время, как декрет об информации. Декрет о земле уже никого не вывел бы на площадь. Зато все, что происходит или имитируется в информационной сфере, находит широкий отклик в массах. Следовательно, христианин-писатель должен активно присутствовать на той территории, которую враг давно признал и назвал своей. Это территория тех самых СМИ. В городских, районных и областных изданиях должны постоянно появляться статьи, написанные рукой священника или мирянина — неважно. Мы должны со знанием дела говорить обо всем: о кинематографе, политике, демографии, об окружающей среде. На местных радио и телевидении должно происходить то же самое. И не надо штурмовать центральные каналы, они сами сдадутся со временем. Надо вспахивать более близкую и более понятную ниву. Результаты со временем дадут о себе знать, они просто не могут не проявиться, как не могут остаться незамеченными признаки беременности.

Нам нужно то, чему внемлет Бог: нам нужна сфера умов и сердец человеческих. Не ради владычества над паствой, а ради правды Божией и славы Его во Христе Иисусе. За умы можно бороться только умно. И христианство есть в высшей степени умная религия, обращающая внимание на главное и только потом — на второстепенное. Попробуем понять это, пока не поздно. И, может, со временем привыкнем спрашивать друг друга при встрече не о здоровье, а о чем мы думаем.

Другой вид гордости — гордость сердца. Например, женщина красивая и знает об этом. Поставь возле нее еще сорок пять женщин, а они не такие красивые. Красавица понимает, что она лучше. Мужчины тоже замечают, что она красивее других, а она, в свою очередь, видит реакцию мужчин. И женщины ее превосходную красоту тоже замечают со скорбью. Все вокруг нее вьются, и она согласна признать себя Солнцем в этой «солнечной системе»: «Я красивая, я в центре!» Это гордость сердца. Она быстро пройдет. Вместе с красотой, собственно, и с накоплением печальных эпизодов в биографии. Останутся фотографии прежних лет и горечь обиды.

Или, например, человек богат. Выиграл джек-пот или вовремя приехал на дележ большого пирога. А богатство — это ведь очень часто случайная вещь. Честно работая, редко станешь богатым. Голодным не будешь, живя честным трудом, но вот богатым... И вот случилось — человек разбогател! И он думает: «Это не просто так! Я достоин богатства! Однако богатство — вещь переменчивая: как пришло, так и уйти может. Здоровье, красота, сила, успех, всякие внешние данные были, да сплыли. Но пока они есть, вызывают гордость сердца.

Бог смиряет человека, повергая его кумиров. Бог Живой рушит ложных богов, бросает их в пыль. Как говорит премудрый Соломон: «Пришла гордость — пришло и посрамление. А со смиренными — мудрость». Но вернемся к красоте. Красивому тяжелее живется, чем некрасивому. Некрасивой девчонке Господь может дать хорошего мужа и крепкую семью, то есть простое и

настоящее счастье. А красивая стрекоза может все лето жизни ходить по рукам, пока зима в глаза не покатит (читайте Крылова!).

Во Львове священники посещали заключенных. Среди них был один сильный парень. Срок у него чуть ли не пожизненный, очень большой. Тот парень рассказывал: «Я был такой сильный и бесстрашный, что мог взять электрод для сварки, засунуть человеку в одно ухо, а из другого вытащить. И никого не боялся». Так он и убил однажды, так и в тюрьме оказался. И говорил: «Здесь, в тюрьме, меня и старость найдет. Теперь только я понял, сколько стоит удаль моя. Ни семьи нет, ни детей, ни работы. А удаль моя, ухарство, смелость и сила привели за решетку на всю жизнь. Если все же выйду из тюрьмы, то буду никому не нужным стариком. Как жить, если выйду, непонятно...»

Гордость сердца, по Нектарию Эгинскому, — исцелимая вещь. Этих идолов Господь крушит. А вот гордость ума гораздо более сложная вещь, она с трудом поддается исцелению. Если человек уверовал в свою праведность, в свою святость и непогрешимость, то он будет спорить с Богом. Для современного человека знать это очень важно, потому что он как раз не терпит авторитетов, не желает смиряться, не желает преклонить даже перед Богом свои колени.

А есть люди, которым легко преклонить колени перед Богом. Как, например, в армии перед знаменем части преклонить колени или встать на колени у могилы близкого человека. Это же естественно! Опуститься на колени перед тем, что считаешь выше себя, — не унижительно и не обидно, так велит любовь. Иногда в разговоре выясняется, что так думают не все. Это удивительно! У меня был такой случай. Один собеседник был и старше, и опытнее меня. С ним было интересно общаться. И вдруг он сказал: «Я никогда ни перед кем на колени не встану: ни перед матерью, ни перед женой, ни перед могилой предка, ни перед Богом». Я думаю: «В своем ли он уме? Как можно такое говорить?» Собеседник начитанный и благородный, у него есть правильные понятия: о честности, например. Он бесстрашно защищает слабых. И вообще он хороший человек...

Но прошло время, и мы опять с ним встретились. Наш гордец говорит: «Я все понял, и мне стоило больших усилий склонить колени перед Богом. Теперь я молюсь». Оказалось, что в его жизни произошли большие перемены, и он буквально заставил себя прийти к Богу—на негнущихся ногах. Он с болью склонил свои гордые колени перед Ним, сказав: «Господи, услышь меня, помоги мне!» Видите: гордому надо потратить много лет на то, что церковному человеку дается легко, как бы само собой. Он — вдали от родины, семьи, от любимой женщины, в вынужденной трудовой эмиграции, в другой культуре, замученный тысячами проблем — склонил колени перед Богом. Это великая победа над гордостью. Но до чего же серьезный враг гордость!

О религиозной жизни мы уже давно привыкли думать, как о деле сугубо личном: «Я молюсь, я спасаюсь, я перед Богом стою. Никто в тайну души моей не проникает, только один Бог. Он ведает тайны сердца, Ему я открываю желания и помыслы. Все остальное неважно, поэтому не трогайте меня и не мешайте!» Вера и молитва—дела глубоко личные. Так учили нас все эгоистичные эпохи, начиная с Возрождения. Мысль об интимности религиозных переживаний — это справедливая мысль, но в ней заключена не вся правда, а только часть ее.

Есть еще одна часть. А именно: Тот Бог, Который «вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, Кто скрепил меня костями и жилами, одел кожей и плотью, даровал жизнь и милость» (см.: Иов. 10-12), Тот же Бог есть еще и Бог истории. Не только мой Бог, посчитавший волосы на моей голове и слушающий мои молитвы, но и Бог, в эту секунду держащий в руке Своей все царства мира со всей их суетой и славой. Он скрутил в тончайшую трубочку жало пчелы, но Он же рассыпал звезды по чаше неба. Потоп на землю наведен Им, и Вавилонская башня Им остановлена в строительстве, но и глубины сердец Ему открыты. Он создал сердца всех их и вникает во все дела их (Пс. 32,15). Малое и большое в Его руке.

Эти две мысли нужно сплести воедино, как сплетаются воедино в мыслях о Христе память о

Его человечестве с памятью о Его Божестве. Тот, Кто есть нераздельно и неслиянно Бог и человек, управляет одновременно и жизнью отдельного человека, и жизнью всего человечества. Эти мысли наглядно воплощены в любом каноне, которые в изобилии поются на повечериях, утрених, панихидах.

Первая песнь любого канона посвящена переходу сынов Израилевых посуху посреди моря и гибели фараона с войском. «Поим Господеви! Славно бо прославися. Коня и всадника верже в море!» Пожалуй, никогда еще не являл Господь такого славного и страшного вмешательства в жизнь народов, спасая одних и карая других. Потом именно это чудо уже никогда не повторялось, но его нужно было ежегодно вспоминать как Исход (пасху). Оно не повторялось, но были уже иные вмешательства. При пророке Елисее ослепло целое ассирийское войско, при пророке Исаии тысячи врагов под стенами Иерусалима истребил Ангел, три отрока остались живы посреди вавилонской печи. И наша русская история — это непрерывная цепь чудес, таких как уход Тамерлана из-под стен Москвы или изгнание поляков и прекращение Смуты. То есть Бог не стоит в стороне. Кир Персидский, Навуходоносор, римский кесарь, тени которых устрашают народы, для Бога не более, чем лопата в руке садовника. Он «разрушает советы язычников, уничтожает замыслы народов» (Пс. 32,10). Поэтому говорит Он великим земли: «*Вразумитесь, цари; научитесь, судьбы земли! Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом*» (Пс. 2,10-11).

Бог—Царь всей земли. Этого нельзя забывать и в этом грешно сомневаться. Пойте Богу нашему, пойте; пойте Царю нашему, пойте, ибо Бог — Царь всей земли; пойте все разумно. Бог воцарился над народами, Бог воссел на святом Престоле Своем (Пс. 46, 7-9). И если это помнит человек, то теперь самое время перейти к третьей песне любого канона. Это песня женщины, услышанной в молитве. У нее не было детей. Она знала сладость супружества, а тяжесть беременности не была ей дана. А сладость без тяжести и беззаконна, и приторна. И вот в ответ на ее молитву дан был ей сын — Самуил («Испрошенный»). И она воспела Богу песню. Это не песня спасенного народа, а песня одного помилованного человека. Но в ней также воспевается Господь, Который «из праха подымлет бедного, из брения возвышает нищего». Он «умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит» (см.: Цар.2,1-10). Здесь Царь всей земли славится не тысячами уст одновременно, а всего лишь устами одного человека.

Первая песня и третья. Третья и первая. Итак, Бог преклоняет ухо к просьбам отдельного человека, но Он же и правит всем миром, соотнося частные просьбы с общей пользой. По сути, повсюду соприкасаются или переплетаются частное и общее. Плачет Давид о своем грехе или о смерти сына, увлажняет слезами постель. Это частная молитва и боль отдельного сердца. Но в то же время это боль пророка, который через боль скажет нечто на память и пользу всему миру. Получает Анна просимое, но сын ее не будет простым человеком, а одним из славнейших мужей истории, который и на Давида прольет елей царского помазания. Молится Иона во чреве морского животного, и это тоже частная молитва о спасении. Но это же одновременно и промышление о Ниневии, которую спасенный Иона должен обратить к покаянию. Это же и пророчество о Христе, поскольку роду лукавому и прелюбодейному дастся только знамение Ионы пророка (см.: Мф. 12,38-41). Так частное всегда связывается с общим и влияет на него.

Оружие и деньги, гордость и похоть пляшут на мировой сцене, делая вид, что это они — правители земли. А они лишь участники танца, но никак не режиссеры. И народ Божий должен упражняться в изучении Писания и в молитве, чтобы славу Божию не отдать иным и не приписать иным. И пусть не всегда приходится принимать сладкое от руки Вседержителя. Ведь тот же народ, который силою и волею Бога с пением вышел на противоположный берег Красного моря, со временем по воле Того же Бога ушел со слезами в Вавилон. И там, и там действовал Бог, то спасая, то наказывая.

Всматриваясь в события современности, нам следует не колебаться умом. Следует прозревать руку, правящую всеми. И, молясь, стоит говорить о себе и своих печалях и переходить к молитве о

всех и за вся. Ты Бог мой, помилуй меня! Ты Бог всех нас, всех нас помилуй! Господи сил, с нами буди! Иного бо, разве Тебе, Помощника в скорбех не имамы. Господи Сил, помилуй нас!

Румынский старец Арсений (Папачок) так видел гордость: можно гордиться врожденными вещами: красотой, талантами. Например, у меня есть музыкальный дар, а у вас нет, и я горжусь. Можно гордиться приобретенным мастерством. Например, резчик по дереву гордится искусной резьбой, сделанной им. Можно гордиться богатством, славой, высокой должностью или выгодной женитьбой. Можно гордиться вещами, которые добыл силой своей воли. И можно гордиться духовными вещами, которые Бог подарил. Например, даром пророчества или даром горячей молитвы. А оказывается, ничем гордиться нельзя! Все это было получено человеком, а не сам он приобрел. И природные дарования, и приобретенные навыки, и случайные дары, посыпавшиеся, как снег на голову, и духовные дары, и прочие подарки — всем этим человек должен пользоваться с большим смирением. Если же человек будет считать, что он достоин этих даров, то может их лишиться. Апостолы Павел, Петр и Иаков говорят: «Бог гордым противится, смиренным же дает благодать». *«Облекитесь смиренномудрием, — говорит апостол Петр в Первом соборном Послании, — потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»* (1 Пет. 5, 5). То же самое пишет апостол Иаков в своем соборном Послании, и апостол Павел говорит: «Не гордись, но бойся». А точнее так: *«Родные ветви отломилась за неверие, а ты, привитый верою, не гордись, но бойся»* (Рим. 11,20).

У гордости есть множество дочерей. Дочерями гордости являются хвастовство, тщеславие, любопытство, зависть, злопамятство, обидчивость, вспыльчивость, и с ними — множество других. Все это дети гордости. Их не было бы, если бы не было матери. Не был бы я горд, не был бы и вспыльчив, не был бы мстителен. Я бы не злорадствовал, например, чужой беде. Войско гордости и его детей движется изнутри, из сердца, как ветви, потому что есть корень. Гордость — это самая главная проблема человечества. Если бы эта проблема была решена, остальные отпали бы сами собой.

В нашем перевернутом мире есть перевернутый вид искусства — перформанс. Зрители и исполнители в таких действиях не разделены, как в привычном театре. Они условно едины и часто действуют сообща. Какие-то элементы перформанса, например, есть в эстраде. Это когда певец зазывно машет руками и просит зал ему подпевать, или юморист зовет одного из зрителей на сцену, вовлекая в миниатюру.

У любого жанра есть мэтры и есть рядовые ремесленники. Есть свои мэтры и у жанра перформанса. Одна из них—Марина Абрамович. В 1974 году эта в высшей степени экстравагантная и необычная дама устроила один из самых известных своих перформансов под названием «Ритм О». Суть была в следующем. На столе в аудитории лежало 72 предмета разного бытового назначения — от самых невинных до самых опасных. Например: бритвенный помазок, гребень для волос, зеркальце, шарфик, шило, букет цветов, опасная бритва, боевой заряженный пистолет. Госпожа Абрамович сидела в зале неподвижно, подобно статуе, позволяя зрителям прикасаться к себе, в том числе — предметами, лежащими на столе.

«В чем смысл?» — спросите вы. В том, что неподвижный теплокровный объект, не оказывающий сопротивления, рано или поздно становится объектом насилия. Так почему-то получается. Люди вначале ведут себя вполне прилично: осторожно и настороженно. Просто смотрят. Потом они робко приближаются к живому объекту и прикасаются к нему. (Марина Абрамович сидит, не мигая, изображая статую.) Люди прикасаются вначале кончиками пальцев. Потом берут веер и машут им на подопытную. Берут гребешок и причесывают ее. Посмеиваются. Так продолжается сколько-то времени. И вот наступает момент, когда участники перформанса вдруг начинают покалывать сидящего человека булавками.

Дальше — больше. Пытаются нанести порез, сильнее уколоть, пырнуть, потянуть за волосы. Беззащитность объекта, статус немой жертвы распалает участников. Свою роль играет и чувство коллективизма. Все же в толпе ты «вроде» ни в чем лично не виновен: все кололи — и я колол. Коллективный человек в вопросах насилия почти бессознателен. Наконец один из участников взял пистолет и навел его на испытуемую... На этом перформанс закончился. Марина встала и пошла по направлению к публике. Люди стали разбежаться — то ли от эффекта ожившей статуи, то ли от реальности сопротивления.

Сама Абрамович позже говорила, что ждть решения от публики означает дать себя убить. По сути, цель перформанса — опытно показать человеку, что внутри у него спит, свернувшись до времени в клубочек, дикое животное. Пару часов назад кто-то шел по улице и разглядывал витрины — и вот он уже потенциальный убийца. Каково? Исходя из пользы произведенного опыта, у меня даже пропадает желание насмеяться или критиковать подобные непривычные виды искусства. Ведь вывод стоит того, и игра стоит свеч.

Мы же читаем в прессе, что какой-то педагог оказался педофилом, какой-то полицейский — садистом, какой-то сенатор нюхает героин на гей-вечеринке. Мы возмущаемся: как так? Культурные же люди! А дело все в том, что культура ничего не лечит, но лишь временно одевает папуасов в модные пиджаки и плащи. Потом плащи с пиджаками сбрасываются...

Вот он идет по улице под ручку с женой — культурный представитель самой культурной цивилизации. Он идет на перформанс. Там он будет первые полчаса культурно сидеть, как в театре, а потом постепенно увлечется атмосферой зрелища, развяжет галстук, вспотеет от увлечения и подойдет к испытуемой, держа в руке шило... Или он революционный борец за счастье собственной страны. Его голова полна светлых идей. Уму непостижимо, как всего через два-три месяца он превратится в палача и насильника, а пыточный подвал с беззащитной жертвой полюбит больше всех демократических благ на свете.

Цивилизация смывается легко. Стоит человеку в модной шляпе свернуть с центральной улицы в некий переулок и сделать десять шагов по лестнице вниз (или по лестнице вверх), стоит очутиться где-то там, где вместе со шляпой снимают стыд, — и перед нами уже человек без макияжа культуры и цивилизации. Нет такого греха, который бы не совершил «цивилизованный» человек, свернув с центральной улицы в некий переулок. Поэтому не стоит удивляться и делать круглые глаза, слыша о каннибализме, изнасилованиях, пытках и многом ином, совершаемом «культурными людьми», когда «солнце сядет и карта ляжет».

Когда Церковь говорит людям об их недугах, на нее привычно шикают, давая волю все тем же врожденным недугам. Но вот вам свидетельство от внешних. Марина Абрамович ничего не имеет общего с клерикализмом и фундаментализмом, консерватизмом и морализмом. Она эпатажная хулиганка, если хотите знать. Она революционерка в области искусства. И она просто делает нечто необычное в публичной плоскости, заставляя проснуться зверя, задремавшего внутри человека. О том же самом и пьеса Дюрренматта «Визит дамы».

Хорошие люди в милом городке, где все друг друга знают, конечно, не согласятся на богатство и комфорт, если для этого требуется убить одного из горожан. Конечно, они не согласятся! Хотя... Он один, а нас — целый город. К тому же он не безгрешен. К тому же то, к тому же се. И вот вчерашние мещане очень скоро становятся коллективными соучастниками убийства одного из своих соседей, кого знают много-много лет.

О том же самом фильм Триера «Догвилль». Милый городок, затерянный в горах и населенный всего двадцатью скромными жителями, приютил беженку. Люди в городке простые и чистые, казалось бы. Они скромно живут и искренне переживают за свой моральный облик. У них есть принципы и идеи. Почему принятая ими девушка вскоре превратилась в сексуальную рабыню, носящую кандалы

и изнуренную тяжелым трудом, всякий без труда узнает, посмотрев фильм. И это даже не Дюрренматт, которого при желании можно заподозрить в клерикальной ангажированности, поскольку его отец был хоть и лютеранский, но все же пастырь. Это Ларе фон Триер, выносящий свой собственный, выраженный кинематографическим языком, приговор «культурному человечеству с высокими идеалами гуманизма».

Итак, правда о человеке, о том, «кто в теремочке живет», должна быть выражена и услышана. И в свете этой некрасивой правды становится очевидным, почему необходимо покаяние, внимание к себе, молитва, примирение, милостыня и прочие духовные труды, без которых надутое прекраснотушное разбивается в пыль о стену кошмарных реалий. Ведь говорим же мы светским языком: «Если информирован — значит, вооружен». Действительно, информация о приближении стихийного бедствия, о подлоге, об отравленной пище, неисправном транспорте, подмене товара и т. д. спасает людей. Мы не спорим с этим. Точно так же и знания об общечеловеческой порче должны быть восприняты серьезно. То, что я знаю о себе, это не весь я. И то, что ты знаешь о себе, это не весь ты. Все гораздо печальнее, страшнее и гораздо интереснее. И там, где люди не слушают священника, о том же самом им говорят писатели и режиссеры. Даже постановщики перформансов, и те говорят...

Терпеть и прощать ближнего.

История из жизни преподобного Макария Великою

Гордость проявляется и в нетерпении обид. В повседневной жизни это проявляется повсюду: и в транспорте люди остановку спокойно проехать не могут, и в очереди к банкомату найдут возможность поссориться. Хочется вспомнить одну историю, связанную с именем преподобного Макария Великою. Этому человека называли еще при жизни «земным богом».

Оговорюсь. То, что преподобного называли «земным богом», не противоречит библейскому взгляду на вещи. Сам Господь говорил Моисею, что он будет богом своему брату, когда послал его к фараону. Моисей имел дефект речи, он должен был все нужные слова говорить своему брату Аарону, а Аарон уже возвещал эти слова людям, в частности фараону. Господь говорил Моисею, что он будет ему богом: то есть Господь был Богом для Моисея, а Моисей был богом для своего брата Аарона, возвещая людям важные истины, значение которых и по сей день непреложно.

Древнее монашество зачастую заключалось в следующем. Люди уходили из жилищ, семей, из сел, городов и поселялись на небольшом расстоянии от них. Они сохраняли дружеские отношения с некоторыми людьми, живущими в мирских селениях, и регулярно получали от них какие-то подношения в виде пищи, одежды, воды, могли сами продавать что-то из своего рукоделия, и так питались. Это уже позже монастыри стали образовываться дальше от селений, когда возникали общины.

А изначально это все имело очень простой вид — обычная хижина. Преподобный Макарий поселился недалеко от одного селения. Некая девица, жившая там, потеряла свое девство и забеременела. Имени отца ребенка она никому не называла, и через какое-то время открылось, что она беременна. Свой позор она приписала Макарию.

Преподобный Макарий был известен жителям этого селения. Однако девица обвинила именно его, сказав, что монах этот, живущий отдельно от всех, является виновником ее падения. Преподобного с позором притащили в село, избили, повесили ему на шею какую-то веревку с битыми глиняными черепками для позора и водили его с побоями и пинками по этому селению. Насытившись своей злобой, они потребовали от него, чтобы он кормил и содержал эту женщину, которую он якобы сделал матерью.

Макарий ни слова не произнес в свое оправдание. Он терпел до конца, не выгораживая себя, ничего не возражая. Он трудился своими руками, доставляя пропитание этой женщине.

Наконец подошло ей время родить, и роды оказались трудными. Женщина, измучившись болями, находясь на грани жизни и смерти, была сокрушена страданиями и, наконец, исповедовалась прилюдно. Она покаялась в том, что оклеветала невинного человека, и назвала имя того, кто являлся настоящим отцом ребенка. После этого по милости Божией она разрешилась от бремени, а люди пошли к Макарию просить у него прощения.

Преподобный увидел издалека множество людей. Он понял, что тайное стало явным, что его невинность обнаружилась. Но теперь его ожидало другое искушение: его ждали извинения, какие-то приношения, подарки, которые должны были загладить вину жестоких крестьян. Его теперь ждала человеческая слава. А это иногда страшнее, чем укоры или явные гонения. Медные трубы ожидают всегда в конце, после огня и воды. И Макарий убежал из своей хижины, скрылся от приближающейся человеческой славы, которая, как известно, еще и непостоянна. Те, кто сегодня приветствуют: «Осанна!», завтра закричат: «Распни!» Человек, увы, быстро меняется. И вот, перетерпев столь большое количество совершенно незаслуженных нападков и оскорблений человеческого достоинства, преподобный Макарий показал в себе великого мудрого мужа, крепкого в вере. Он не мстил за себя, он дал место Богу, потерпел и дождался, когда Господь объявил о его невиновности.

Теперь самое время посмотреть на то, как обычный человек, и тем более — современный, реагирует на обиды: на обидные слова, неприятные события в жизни, на справедливые и несправедливые укоризны, обвинения, всяческие укоры. Очевидно, что, не имея святости и даже к ней не стремясь, мы руководствуемся совершенно иными поведенческими моделями.

И получается, что люди, достойные почестей, терпеливо переносят всякую хулу. Люди же, достойные наказания, не имеют критического отношения к себе и страшно обижаются на любую мелочь, на любой кривой взгляд, на любое случайно оброненное слово. Кое-кого из нас, как в притче про цыгана, можно каждый день с утра лупить палкой — наперед, в ожидании неизбежных будущих грехов. Но именно такие люди и обижаются на любой намек, на любое посягательство на их раздутое «я», на их превознесенную гордыню. Хорошо ли это, решайте сами.

Молитва «Отче наш» говорит, что человеку в жизни всегда будет кого прощать: «И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим». Эта строчка будет читаться до скончания века, до Страшного Суда. Она говорит о том, что у нас всегда будут некие долги перед Богом, а у ближнего всегда будут некие долги перед нами. Терпеть ближнего в надежде, что Бог потерпит нас, и прощать ближнего, веря, что так и мы найдем прощение, — наш путь. Это путь к прочному миру — миру между человеком и Богом, миру между человеком и человеком. Там, где этого нет, есть противоположные качества: спесь, злопамятство, мстительность, коварство и прочее.

Пусть пример святого Макария Великого побудит нас хоть немного терпеливее переносить неприятности от окружающих. Вспоминая многие свои неоплатные грехи перед Господом, мы будем легче принимать горькие и целебные пилюли из Его врачующей руки.

Мир через цветное стеклышко страстей и грехов

Говорит Господь: *«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить»* (Мф. 7,1-2). И апостол Павел говорит в Послании к Галатам: *«Братия! Если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным»* (Гал. 6,1).

Подмечено народом: за что кого осудишь, в том и побудешь. Апостол Павел именно об этом говорит: наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. Осудишь толстого — растолстеешь, осудишь соблудившего — в блуд впадешь, осудишь пьяного — сопьешься. И так во всем.

Между посевом и жатвой проходит некоторое время. Мы не всегда замечаем причинно-следственные связи между грехом и наказанием как следствием греха. Допустим, некто согрешил сегодня, а получил «по шапке» через три года. Он уже и забыл, за что. Но если это все сократить, сжать и проанализировать, то станет ясно, что греховные падения человека связаны со множеством его прежних духовных ошибок. Осуждение — одна из главных причин наших греховных преткновений. Человек, согрешая, тыкается носом в то, за что раньше или сейчас дерзал осуждать падающих и претыкающихся людей.

Духовный разум велит помнить о том, что каждый из нас может согрешить любым грехом. Любым грехом! Даже если человек уже старенький, все равно его может догнать какой-нибудь «молодежный» грех. Жизнь дает много примеров, когда люди, убеленные сединой, даже стоящие одной ногой в могиле, вдруг совершают грехи, за которые юноша хотел бы провалиться под землю. Любым грехом может согрешить любой человек. Знание этой правды и сердечное согласие с этим удерживают человека от высокомерия и от того, чтобы тыкать пальцем в чужие беззакония.

Когда собирался Первый Вселенский Собор, нашлись епископы и священники, которые понесли царю Константину, председателю Собора, доносы, полные жалоб и осуждений. Иногда справедливых, а иногда и клеветнических. Царь просил не носить ему все это. Он рвал эти доносы, не читая, и говорил: «Если я увижу согрешающего человека, если увижу епископа или священника, лежащего с женщиной, я покрою его плащом своим и отвернусь в другую сторону». Вот образец души, не ищущей лакомства в знании о чужих грехах!

Так же поступили братья — Сим и Иафет — по отношению к обнажившемуся во сне отцу. Ной напился сладкого вина, его сморило, и он лежал в шатре, неблагообразно раскинувшись. Хам увидел это зрелище и повел себя неподобающим образом: он позвал других. Вот яркий пример осуждения, радостной насмешки над чужим позором. А другие сыновья поступили иначе: они подошли спиной к отцу, покрыв свои плечи одеждой, и укрыли его. И человек, который, видя чужой грех, тычет в него пальцем и всех зовет посмотреть, точь-в-точь копирует поведение Хама. Ведь хамство — это не только когда с тобой не поздоровались при встрече, хамство — это смех над чужими грехами, огласка чужих слабостей и немощей.

Мало ли в прошлом человека таких событий и фактов, огласки которых он трепещет и боится? Да полным-полно! Если составить досье на каждого — то самое досье, которое пишут ангелы, — и раскрыть его перед глазами всей вселенной, то какой же стыд будет! Зачем же мне интересоваться чужими грехами?! То, что мы замечаем в ближних, живет и в нас, мы от этого сами тайно страдаем. Проверьте себя.

Если человек сребролюбец, то ему кажется, что весь мир ворует. Если человек развратен, то он уверен, что весь мир развратен и что все утопает в похоти. Если человек горд и хочет власти, ему кажется, что все борются за власть, все подсиживают его, все вокруг него мечтают залезть в его кресло, весь мир представляет собой для него арену борьбы за первенство. Каждый видит мир через цветное стеклышко своих страстей и грехов. У каждого в глазу стоят свои «линзы», и сквозь эти «линзы» человек смотрит на мир. Например, кто-то любит машины — и он замечает каждую новую модель. А кому-то машины до лампочки — и хоть бы телеги ездил по улицам, он не обратил бы на это внимания, потому что у него нет этого в сердце, у него и глаз не реагирует на это. Что внутри, то и снаружи. И человек снаружи замечает лишь то, что у него уже есть внутри.

В Евангелии от Луки Господь говорит о бревне и глазу, то есть намеренно сдвигает ближе друг

к другу несопоставимые вещи: бревна и глаза. Глаз — это очень тонкий орган, одно из доказательств бытия Божия. Глаз — свидетельство того, что человек сотворен Великим Художником, а не произошел в результате эволюции. Можно открыть любой популярный учебник анатомии и прочитать, насколько сложно устроен глаз. Самые упертые атеисты, рассматривая человеческий глаз, начинали понимать, что эволюция — это басня. Мы — чудо, вышедшее из рук Божиих. И Евангелие про глаз говорит несколько раз. Например, говорит, что «светильник тела есть око. Если око темно, то и все тело темно будет; если око светло, то все тело светло будет» (см.: Лк. 11, 34). И еще говорит: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?» (Лк. 6, 41). Повторю, что бревно и глаз несопоставимые вещи.

Человек, осуждающий другого, замечающий соринки в чужих глазах, есть человек крайне бесчувственный к своим личным грехам. У него целое бревно в глазу! Нечто невозможное по степени греха творится с ним! Что-то невыносимое есть у него на совести! Однако он этого не чувствует, а считает себя вправе смотреть туда, куда его не просят.

Будем учиться накладывать пластырь на рану, а не мимо нее, к больному месту, а не к здоровому. Заповедь о неосуждении в информационном обществе имеет особую актуальность. Мы, например, часто осуждаем тех, кого вообще не знаем. Пресса и телевидение постоянно рассказывают нам про чужие грехи. Рассказывают, чтобы мы посмеялись, осудили, пафосно пофыркали у экрана. Атмосферой осуждения полна вся современная пресса, в особенности так называемая желтая пресса. Отстранитесь на шаг от современности, присмотритесь. Разве это не сумасшедший дом?

«Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего», — говорит Господь (см.: Мф. 7,5). Если ты хочешь помочь человеку, а не просто мыть ему кости, ты должен сначала вытащить реальное бревно из собственного глаза. Тогда и чужую соринку сможешь аккуратно извлечь пинцетом. Отношения моего и твоего греха—это всегда отношения бревна и соринки. Всегда, по Евангелию, мой грех — это бревно, а твой грех — это соринка. Так же думай и ты.

Это как в бинокле — там есть увеличивающие стекла и уменьшающие. Чужие добрые дела рассматривай в увеличительное стекло — пусть они кажутся большими. На свои добрые дела переворачивай бинокль — пусть они видятся маленькими. Это правильный взгляд. С грехами все наоборот. Когда человек рассматривает свои грехи, пусть смотрит в бинокль как обычно: «Ух ты, да там действительно бревна!» На чужие — переворачивай его: глядь, а там песчинка.

В очередной раз Евангелие пытается донести человеку небесную истину: нельзя судить людей. Ты человек, ничего не знаешь про другого. Ты можешь видеть грех, но не видеть покаяния. Ты можешь вообще запутаться, потому что подлинная святость ведь на святость не похожа. И настоящий смиренный человек никогда не скажет, что он смиренный. Настоящая святость так утаивается от взглядов и похвал, что ее легко или не заметить, или перепутать.

2. В западне зависти

Ненасытный — самый бедный человек

Гордость невозможна без зависти. Если гордость — болезнь, то зависть — ее симптом и побочное действие. Человек не всегда опознает в себе эту страсть. Тем не менее зависть мотивирует наши поступки, подвигает людей на самые разные дела и слова. Страсть — это моторчик наших действий.

Первое, что мы должны знать о зависти — она родилась в Ангельском мире. Вообще грех родился в Ангельском мире. Человек не выдумывал грех, поэтому, собственно, он и помилован будет на Страшном Суде при покаянии и вере. Не он изобрел грех, он стал жертвой не им изобретенного греха.

Падшие ангелы изобрели грех и зависть. Как пишет премудрый Соломон: «Завистью диавола смерть вошла в мир» (Прем. 2,24). Лукавый позавидовал славе Божией и восстал на Бога, но усугубил это падение завистью к человеку, который мог, возрастая, войти в великую близость к Богу всей человеческой семьей и восполнить число отпавших Ангелов. То есть занять место, которое навсегда потеряно гордыми духами.

Лукавый позавидовал успеху того, кто по природе ниже него, и совершил свое злое дело — коварную операцию по обману (сначала жены, потом ее мужа) ради лишения человека права пребывать в Раю и совершенствоваться. Вот первое действие зависти в нашей истории.

Когда же люди начали жить на земле, то именно зависть была мотивом первого убийства. Каин был первенцем. Он имел какие-то внутренние основания полагать, что Бог обязан слушать его молитву внимательнее и принимать его жертвы с большей степенью благосклонности, чем у Авеля. Для Каина было большим ударом, когда молитва и жертва Авеля были приняты Богом. Неприятие Божьего суда родило в Каине целую внутреннюю бурю, закончившуюся кровопролитием. Вначале Каин опечалился и опустил лицо.

Страсти лечатся, и с ними нужно бороться. Когда Каин омрачил лицо свое и ходил, неся в сердце тяжелую мысль о ненависти к брату и желание его убить, Господь спросил его: «Почему ты помрачаешь лицо твое? Если делаешь доброе, то поднимаешь лицо. А если делаешь злое, то грех лежит у порога. Он зовет тебя к себе, но ты господствуй над ним». Слышите, друзья?

У порога наших сердец лежат различные грехи, и можно господствовать над ними. Они зовут нас к себе, но мы в силе и во власти не бежать со всех ног к тому, что лежит у порога, а господствовать над искушением.

Мы должны помнить, что любая страсть побеждаема. Она побеждается человеком при помощи Божией. А романтическая литература, например, научила нас представлять одержимого страстью человека как существо, которое совсем не может, да и не хочет сопротивляться. Многие именно так и живут. Вот вам связь литературы и поведения!

Например, любовь: «Они увидели друг друга, и весь мир разлетелся в клочья! У него жена, у нее муж, у обоих дети. Но что такое дети, муж и жена? Ведь у них страсть! Ударило счастье, как гром загремел, и бесполезно бороться». Так у Шекспира, Чехова, Бунина и еще у очень многих. Не отдавая себе отчета в источниках своих поступков, мы часто смотрим на жизнь сквозь призму литературы и ее внука — кинематографа.

Так же примерно думают люди и про все остальные страсти, в том числе про зависть и про гнев.

Вот уже когда разгневаются, когда побьют горшки, наговорят глупостей, тогда оправдываются: «А я отходчивая. Я быстро вспыхиваю, но скоро отхожу». Но это, конечно, слабое оправдание...

Итак, первое убийство было совершено тоже из зависти, причем зависти духовной. Это было бесчестное братоубийство не ради денег, женщины, земли, а ради духовного первенства!

Это сегодня зависть вызывают очевидные вещи, связанные с деньгами, успехом, красотой, славой или чем-то подобным. Жена, положим, может пилить мужа: «Смотри — сосед уже третью машину покупает, и новая лучше предыдущей, а ты все тарыхтишь на своем старом “жигуленке”!»! В ней клокочет зависть к соседям, и она портит жизнь своему благоверному.

Но совершенно иные вещи мотивировали действие греха в начале, когда зависть только проявила себя. Ведь дьявол не завидовал ничему материальному. Ему не надо ни денег, ни вещей. Он завидовал славе Божией и любви Божией. Точно так же и Каин. Самые первые всплески кровавой зависти имели чисто духовные причины. Ничего материального никто не делил. Закон этот не отменен. И там, где сейчас на поверхности идет война за нефть, алюминий, воду, рейтинги, на глубине продолжается Каиново восстание на брата из-за гордости и духовной обиды. Главные причины любой войны всегда нематериальные.

Зависть — это не только мотор войны. Зависть — это бензин любой революции. Человек, который живет спокойно и ничего особенного в жизни не хочет, вдруг слышит мягкую, ненавязчивую проповедь: «Погляди, видишь — человек живет во дворце. Почему у него есть дворец, а у тебя нет?» — «Не знаю, — отвечает человек, — я не задумывался об этом никогда. Живет себе и живет. Что он там, если по-честному сказать, не умрет в своем дворце, что ли? Умрет. Умру и я в своей квартире. По большому счету мы одинаковы». Но надо быть очень умным человеком, чтобы так отреагировать.

Большинство из нас реагируют по-другому. Шепот продолжается: «Нет, ты подумай. Ты всю жизнь работал, а какая у тебя пенсия? А у него знаешь какая большая! Ты где лечишься? В поликлинике, где плитка от стен отпадает? А он знаешь где лечится? За границей. И тебя как называют? Дядя Федя? А его по имени-отчеству. Разве это справедливо?»

Один человек подумает: «Да ерунда это все!» А второй подумает: «Нет, не ерунда! Где справедливость?» Потом он скажет, как пушкинский Сальери, что не только «нет правды на земле, но правды нет и выше», и решит собственными руками навести на земле порядок и справедливость. Для этого в XVIII веке специально придумали гильотину.

Даже если речь идет не о глобальных и эпохальных процессах, зависти всегда есть где разгуляться. Она разрушает рабочие коллективы, когда один человек хочет наступить другому на голову, как на ступеньку лестницы, и, оттолкнувшись, подпрыгнуть выше, чтобы занять чужое место.

Зависть разбивает семьи, когда одна женщина завидует счастью другой женщины и совершает некие действия, чтобы ей было теперь хорошо, а той плохо. Зависть кормит всех гадалок и колдуний, потому что к ним приходят ведь не только, чтобы корову найти потерявшуюся или снять мифический «венец безбрачия». Приходят также, чтобы на кого-то наслать порчу, из той же самой банальной зависти.

Гордость заявляет: «У меня есть то, чего нет у вас!» Например: «У меня есть красота, а вы менее красивы. У меня кровь благородна, а вы простолюдины. У меня есть, а у вас нет!» Это гордость. Зависть же шипит: «У вас это есть, а у меня почему нет? Как же я буду жить дальше, если у тебя есть, а у меня нет?»

Очень неприятно опознать в себе эту страсть. Обычно думаешь: «Нет-нет, я не завидую никому. Нет, что вы, я очень добрый человек, я вообще ни на кого не смотрю!» И вдруг — оп! — укололо.

Сербская сказка о братьях

Жили-были некогда два родных брата. Один из них женатый, другой неженатый. Женатый имел несколько детей. Братья были очень дружны, любили друг друга и работали в поле. Отец разделил им поле, дал по большому равному куску, на котором они выращивали все, что им было нужно.

Однажды, собирая урожай, брат, который имел жену и детей, сказал: «Нас много, мы друг другу помогаем, нам легко жить, потому что мы друг другу помогаем. А мой брат один, и ему нужно побольше заработать, чтобы легче было ему жениться, чтобы девушка согласилась выйти за него замуж».

И он посоветовался с женой: «Давай мы часть своего урожая перенесем моему брату. Просто так он не возьмет у нас эти снопы пшеницы, но мы перенесем ему тайком. Пусть он на базаре продаст, чтобы ему больше заработать!»

И второй тоже не имел покоя, думая: «Я один, мне много не надо. А брат имеет жену, детей, и нужды у них больше. Несправедливо, что у нас одинаково разделенное поле. Отнесу-ка я ему пару снопов ночью, тайком, потому что если так предложу, он не возьмет!»

И вот они стали по ночам носить друг другу снопы. Тот взял три снопа перенес в безлунную ночь. Второго те же три снопа перенес обратно. Смотрят с утра — все как было раньше.

Носили братья друг другу снопы туда-сюда, незаметно друг для друга, и удивлялись каждое утро: что это такое, почему количество снопов остается прежним, хотя мы регулярно их относим? Удивляются и молчат.

Однажды они несли на своих спинах эти снопы, но получилось, что несли в одно и то же время. И они столкнулись лбами на поле, на меже между своими участками. Один брат говорит:

— Ой, кто это? Это ты, брат?

— Да, это я! А это ты?

Они увидели снопы друг у друга в руках и поняли, в чем секрет того, что они вроде бы носят и делятся, а на самом деле снопы не уменьшаются. И расплакались братья, и обнялись.

Люди, когда узнали об этом удивительном случае, решили на месте их ночной встречи, этого столкновения, поставить церковь «Во имя братской любви».

Если вы всплакнули, то это хорошие слезы. Это слезы прикосновения к тому, как надо жить и мыслить. Дьявол же стремится всегда разделить семью, страну, мир и поднять брата на брата, как некогда получилось у него поднять Каина на Авеля.

Не будем давать места дьяволу, не будем завидовать, во-первых, потому что грешно, а во-вторых, потому что нечему.

Один человек рассказывал мне о своей юности. Он был пономарем в церкви и частенько сопровождал священников на требы, подпевал на похоронах. А город у них был красивый, старый, похожий немножко на Париж, немножко на Вену, только маленький.

Еще до того, как стать пономарем, человек тот ходил, как влюбленный, по этому городу, засматриваясь на фасады, изучая надписи на фронтонах. Ему это нравилось, он любил древность и архитектуру, запах прошедших веков сильнее, чем женскую любовь. «Счастливы все, — думал он, — кто живет среди этого серого камня, высокого неба и звона колоколов по воскресеньям».

А потом он стал со священниками ходить на похороны в качестве помощника. И стал заходить внутрь, в квартиры, расположенные в домах, которыми он так наслаждался снаружи еще недавно.

Представляете? Любовь к городу с его архитектурой у него как рукой сняло. Он вдруг понял. Нет, не понял, а почувствовал душой, что если смерть заходит туда, в эту архитектурную красоту, то в ней нет окончательного смысла. И счастья в ней нет. У него эта красота стала ассоциироваться с трупным запахом, с венками, гробами, плачущими людьми и с мелодиями панихиды.

Удивительная перемена и очень жизненная. «Как хорошо, — раньше думал он, — жить в этом доме или в этом замке, в этой башенке, в этом чуде под черепичной крышей!» А потом захотел туда, а там гроб стоит, и надо отпевать кого-то. И он подумал: «Что тут особенного? Смерть заходит в любое жилище, в том числе и во дворцы, и в палаты». Его тонкую зависть к владельцам увитых плющом домов сняло как рукой. И с тех пор — навсегда.

Так часто нужно и нам совершить духовное усилие над своим сознанием. Нужно поднять, вывести проблему на более высокий уровень. Например, понять, что богатство — это ерунда. Есть более важные и серьезные вещи: смерть, любовь, вера.

Так говорит и Псалтирь: «Не убойся, егда разбогатеет человек... яко внегда умрети ему, не возмет вся, ниже снидет с ним слава его».

По-русски: «Если разбогатеет человек, ты не бойся. Когда помрет он, всего с собой не заберет». Это, казалось бы, банальная вещь, но человеку нужно с усилием думать об этом.

Посмотрите на новорожденных детей: они не приносят с собой никакого богатства. Младенец несет в себе какую-то тайну: он для чего-то родился в этот мир. Тайну он приносит, но материально — ничего.

Когда умирает человек, он ничего с собой не забирает. И апостол Павел пишет, что мы, рождаясь, ничего не приносим в этот мир, а умирая, ничего не выносим из него. Это совершенно очевидно. Поэтому, имея пропитание и одежду, будем довольны. Нам действительно не хватает такой прозрачной и святой простоты в мыслях.

А знаете, в чем еще заключается опасность зависти? Завистливым людям не хочется ничего давать, и у них ничего не хочется брать. То есть если тебя обнесли чашей на пиру, то вполне вероятно, что ты из тех, кому давать ничего не хочется.

Всякий знает из опыта, что у некоторых людей приятно брать, например, подарки, а у других не хочется ничего брать. Почему? Завистливому всего мало. Он уже в момент получения подарка или милостыни осуждает ее злыми мыслями. Мол, другим больше и лучше дали, а мне только это. Всякое добро от этих мыслей вянет, как цветок, или киснет, как молоко. И люди чувствуют это. Так же и брать ничего не захочешь у того, кто по прошествии времени напомнит тебе о своем «благодеении» и либо что-то потребует, либо просто уколет тебя своей «добротой».

Каин и Авель — это два человека. А если их больше, то проблемы у них те же! Если их миллионы, то и мучаются эти миллионы теми же муками, что и первые два сына Адама и Евы! Как миру не стать пожарищем, если каиновы мысли роятся уже не в одном, а в миллионах сердец?

Какое общество взрывоопасно? Состоящее из хронически недовольных людей. А какие люди хронически недовольны? Ненасытные и неблагодарные. Люди, источенные изнутри завистью. Говорю «хронически», так как время от времени недовольным бывает самый шелковый и лучезарный человек. Такой похмурится и отойдет, поссорится и примирится, поплачет и утешится. От него нет большой беды. Большая беда идет от «хроников» ненасытности и неблагодарности.

Слова эти короткие, но смысла в них много, следовательно, требуется их «разжевать». Ненасытный вечно устремляется к тому, чего нет, тут же, после факта обладания, пренебрегая тем, что уже есть. Ненасытный — самый бедный человек, ибо вечно страдает от недостачи. Ненасытный по необходимости завистлив, так как видит то, что есть у других и чего нет у него. В обществе

потребления ненасытность распаляется самим стилем жизни, в котором высшая ценность — потребление. Реклама распаляет, подобно некоторым напиткам, специально придуманным для разжигания, а не утоления жажды. Вообще рискну предположить, что идеальным членом общества потребления является ненасытный и вечно неудовлетворенный человек без метафизических вопросов, бросающийся на всякую новинку и на всякую цацку, как избалованное дитя, и указующий пальчиком: «Хочу!»

Если речь идет только о товарах и услугах, то все вопросы упираются в покупательную способность. Если же ненасытность вкупе с завистью ищет пищи для недовольства в социальном расслоении, в неудовлетворенном тщеславии, в мнимом правдолюбии, в идеологической ненависти, то тут уже самое время говорить о взрывоопасности. Как ты успокоишь человека, которому все свое приелось, как родная жена (хоть бы и писаная красавица), а все чужое вожделенно, как известной Лисоньке — высоко висящий виноград? Кто из нас не слышал подобных диалогов на самые разные темы:

- У них (в стране предполагаемого счастья) кругом чистота, а у нас даже грубый сор не метут.
- Неправда, и у нас метут!
- Да, но у них метут и моют, а у нас только метлой машут.
- Да что ты! И у нас моют!
- Ноу нас водой, а у них — шампунем.
- Погоди, и у нас шампунем будут мыть скоро.
- Да нет, у нас шампунь украдут или разбавят...

И так далее. Вечно недовольный человек неблагодарен. Он пренебрегает тем, что у него есть. Люди, с помощью которых он пользуется благами, не заслуживают в его глазах признательности. Выйдя, скажем, из землянки и переселившись в коммуналку, он очень скоро забудет о сырости подвалов и начнет тяготиться новыми условиями жизни. Оно и понятно — человек ищет, где лучше. Но и получив со временем отдельную квартиру, он не сумеет оценить позитивную динамику переселений. Подвал совсем уйдет из памяти, коммуналка останется в сознании синонимом недавнего бытового ужаса, а отдельное жилье вскоре поблекнет от жажды получить хорошую квартиру в элитном доме. В вынужденной бедности нет красоты, но и в притуплении вкуса от сладостей нет ничего хорошего.

Потом, когда, даст Бог, и очередная мечта сбудется, воображение нарисует загородный дом, виллу, яхту, дворец на Майами. Нарисовать воображение может все, что показывал сатана Христу на горе искушений. А неблагодарное сердце откажется выстраивать в сознании цепочку неуклонного стремления вверх. Драгоценные слова «Слава Богу!» он тоже не спешит произнести. Со стороны же динамика изменений будет всем заметна. Люди скажут: «Счастливчик!» А сам «счастливчик» будет хмур, раздражен, ненасытен, ворчлив и на многие пакости согласен, поскольку главные доминанты гнилого сердца — ненасытность и неблагодарность.

Из «москвичка» в старенькую иномарку, из старенькой в новенькую иномарку постепенно пересело множество наших знакомых, но градус благодарности от этого не особо увеличился. Из далекой и недоступной в близкую и знакомую превратилась для нас заграница. Все красоты мира, все знаковые архитектурные сооружения — от башни Эйфеля до диковинных пагод Востока — были сфотографированы миллионами наших граждан лично. В детстве многие об этом и не мечтали, но особой благодарности за кардинально улучшившийся образ жизни тоже не выражали. Не научен современный человек благодарить, он приучен ворчать и искать новых удовольствий.

Все сказанное напоминает до боли известный сюжет — сказку «О рыбаке и рыбке». Говоря по

совести, трудно не узнать себя человеку в Старухе. По факту — нет, по факту никто таких Рыбок не ловил и стремительно из курной хаты в царские покои не переселялся. Но по сердцу люди — старухи. Сердце обнаруживает ненасытность, злую бездонность и неблагодарность только под дождем нечаянных милостей.

Представьте себя в красках на месте Старухи. Быть может, ваша совесть тихо и грозно скажет: «Ты вел бы себя так же!»

Некоторые вопросы есть и к Старику. Еще на стадии желания супруги превратиться в столбовую дворянку дед мог бы стукнуть кулаком по столу и поставить бабу на место. И даже если он — законченный подкаблучник (скорее подлапотник, потому что каблуков у Старухи не было), и тогда он мог, движимый нравственным чувством, попросить Рыбку: «Преврати ты ее, государыня Рыбка, в жабу. Ненасытная она у меня, и добром это не кончится». Но ничего подобного Старик не просил. Он продолжал свое опасное послушание у злой жены.

В литературе есть еще одна ценная вещица, где фигурируют Рыба и Старик, и между ними сложные отношения. Это «Старик и море» Хемингуэя. Трудно представить, что этот старик (рыбак с Кубы), поймай он не рыбу-меч, а Золотую Рыбку, вел бы себя подобно своему русскому коллеге по ремеслу. Тот старик был крут. Он бы и жену на место поставил, и у Золотой Рыбки бесконечных глупостей не просил бы.

Важно сделать выводы. Не все же ругаться и бесплодно критиковать. Сколько вширь ни богатеи, все мало будет. Чтобы успокоиться, поблагодарить за то, что есть, отказаться от большего, если наличного хватает с головой, нужно богатеть вглубь. Писание говорит об этом: в Бога богатеть. Если мошна толстеет, а мыслишки по-прежнему куцые, то это у человека или общества экстенсивное развитие называется — пожираение ресурса. Такова вся хваленая современная цивилизация, внутри которой этика безнадежно отстала от техники, а метафизика изгнана вон. И обречен на несчастье живущий внутри этой цивилизации и по ее законам человек. Сыт он, одет он, почти всю работу за него делают механизмы. Но недоволен он, потому что не знает, зачем живет. Внутреннего роста в нем нет. Остается только завидовать тем, кто имеет нечто, пока недоступное. Общество бедных внутри и недовольных снаружи людей — опасное общество.

Однако следует вернуться к Старухе. Ходила бы она в церковь, хватило бы ей и одного нового корыта. А там, глядишь, сама Рыбка по доброте подарила бы и «домик в деревне». Читала бы бабка Псалтирь, хватило бы ей и мещанского статуса. Даже такой показался бы страшен, и желание большего бы отсеклось. Были бы у бабки внуки, а не только затюканный дед, выше дворянства после свалившегося мещанства не полетела бы ее мысль. Да и в дворянстве была бы она милосердна к таким же горемыкам, какой сама была до чудесного улова. Все было бы по-другому, если бы кроме зависти и жадности — или вместо них — была бы благодарность, молитва, сдержанность в желаниях.

Нужно, чтобы человек был и внутри, по Чехову, красив. Глубок был бы человек. Нужно, чтобы и общество состояло из людей, работающих над собой, богатеющих вглубь. По крайней мере нужно, чтобы количество таких людей в обществе не уменьшалось ниже некоего критического предела. Иначе продолжат и человек, и общество подобных ему преступно не замечать обилия окружающих благ. Продолжат вести образ жизни вредного и жадного человека, как тот демон у классика, о котором сказано: «И ничего во всей Вселенной благословить он не хотел».

Так какой же человек мил? Благодарный, независтливый. С каким человеком приятно жить по соседству? С благочестивым и довольным тем, что есть. Ему и подастся большее. И большее будет не во зло.

3. Рабы чрева своего

Диктатор человеческой жизни — чрево

Есть и пить — два глагола, существующих в каждом языке. Нет такого языка, даже самого дикого, такого, в котором нет абстрактных понятий и способов выражения сложных мыслей, в котором не было бы глаголов «есть» и «пить». Я ем, я пью, ты ешь, ты пьешь. Глаголы эти повторяются много раз в Писании и указывают на нечто гораздо большее, чем просто есть и просто пить.

«Есть» и «пить»! Поставленные вместе, эти два слова в Книге Чисел говорят о гнусном идолопоклонстве еврейского народа при отшествии Моисея на гору Синайскую для получения скрижалей. Когда Моисей ушел на сорок дней на долгий пост и на горе устами к устам общался с Богом, народ сказал: «Мы не знаем, что случилось с Моисеем, который вывел нас из Египта!» И они вынудили Аарона сделать им литого тельца из золотых украшений, вывезенных из Египта. Далее Библия говорит, что народ начал есть и пить и стал играть. Ну и что, вроде бы? Подумаешь, этакий многолюдный пикник на обочине. Но за этими тремя глаголами — есть, пить и играть — скрывается одна из самых больших катастроф мировой истории.

Люди сделали идола, только что выйдя из Египта, из страны идолов. Сделали идола в присутствии живого Бога, Который только что вывел их из дома рабства. И еврейские книжники считают, что это было неким повтором грехопадения, только не в лице одного человека, а в лице целого избранного народа. Большой катастрофы придумать невозможно.

Когда есть идол, то нужно что-то делать ради него, есть идоложертвенное и пить идоложертвенное, вкушать во славу и во имя тех или иных богов. А потом, когда начинают играть, то за словом «играть» скрывается уже практическое идолопоклонство, заключающееся в разных совокуплениях, смешениях, всяких бесчинствах. Скупое слово скрывает практику, которая называется в Писании простым и жестким словом «мерзость» перед лицом Господним.

Человек — существо, которое должно есть и пить. Господь Бог, создавая человека в Раю, насадил для него Эдемский сад. И не создавал Господь Бог бесплотного духа, а соединил дух с плотью. Господь Бог сказал Адаму и Еве, что от всех деревьев в Раю могут есть. Однако за простыми словами «есть» и «пить» и тогда скрывалось нечто большее, потому что и в Раю можно было съесть смерть.

Вот, например, дерево, от которого запретили есть. Если вкусить от него, то смертью умрешь. Еда может быть источником смерти для человека. Наоборот, о дереве жизни сказано, что «всяк, ядый от него, не умирает». Когда человек согрешил, то был отогнан от древа жизни, чтобы не стать бессмертным злом. Оказывается, что-то можно есть, а что-то нельзя. А если съел что-нибудь запрещенное, то тогда отнимается нечто ранее разрешенное.

Такие сложные вещи включены в духовную жизнь человека. Вот животное ест просто — что Бог благословил и что ему по роду его положено: травоядное жует, хищное грызет, свинья ест все подряд. На человека по части всеядности в мире похожи, к сожалению, свинья и крыса. Они абсолютно всеядны. И строение внутренних органов у них — кишечника и всего остального — очень похоже на человеческое. Поэтому инсулин свиньи, например, колют человеку, страдающему сахарным диабетом. Именно свиньи, а не собаки или жирафа. Человек очень похож по всеядности на этих двух очень неприятных представителей фауны — на свинью и крысу. Именно по всеядным способностям. Свинья ест все, а корова только траву. Корова мясо не ест. Даже поросята едят все.

Еще до Евангелия еврейский народ получил законы поведения: как ему жить, чтобы угодить Богу, как себя оградить от всего того, что Богу неприятно. Там огромным пластом был представлен закон о еде, так называемый кашрут. То есть что чисто и что нечисто для вкушения. До сегодняшнего дня это действует среди евреев, даже среди малорелигиозных. Они к этому более-менее

прислушиваются. По-разному, но прислушиваются. Это ешь, а это не ешь! Вот это вообще нельзя есть, а это можно есть, но только после того, как ты вот это съешь... Целый свод разных законов о пище.

Кашрут показывает человеку, что еда — это не просто «жуй все подряд, что можно сжевать», а «жуй то, что Бог благословил», и не забудь, насытившись, благословить Творца. Потому что «ты есть то, что ты ешь». Эти слова сказали греки, и они были недалеко от истины. Человек через еду подтверждает свое телесное сходство с тварным миром. Он по плоти взят из земли и от земли питается. У человека телесный состав, земляной. Этот состав требует телесного, земляного, подкрепления пищей. Человек ест все, что рождается от земли. Этим он подкрепляется и как бы говорит: «Я земной человек».

А когда человек питается Божиим словом, он заявляет о том, что он не только земля. Об этом Господь говорит в пустыне дьяволу: «Не хлебом единым будет жив человек». То есть человек — это не просто плоть. Если бы он был просто плотью, то он бы ел только хлеб, масло, молоко и прочее. Земное ело бы земное. Но человек не просто плоть, и он не может жить одним только хлебом. Он должен жить хлебом и словом Божиим. Такова человеческая природа. По природе человек не полностью принадлежит земле. Та часть, которая принадлежит земле, нуждается в хлебе. А та часть, которая не от земли, требует другой пищи — молитвы, Божиего слова, благодарения, хваления, покаяния, богомыслия.

То и другое сочетаются в Евхаристии, потому что земной хлеб при помощи слова Божиего, Духа Святого и благословения на Евхаристии соединяет собой и небесное, и земное, и человек причащается Телом Христовым, Телом воплощенного Иисуса Христа, Сына Божиего.

Вопрос о пище — центральный для человека. И Христос в Писании много раз говорит о ее важности. При этом Он употребляет эти же глаголы: есть и пить. Он говорит: «И вы не ищите, что ясте или что пьете». То есть: «Не спрашивайте друг друга, что будем есть, что будем пить». «Весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих. Ищите же прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся вам» (см.: Лк. 12, 29-31). То есть Господь знает, что мы нуждаемся во многом, но об этом знает и Отец. И Он говорит чадам: «Не переживайте. Он вам даст все. Вы только служите Ему—Отцу светов, от Которого всякое даяние благо и всяк дар совершен. Он даст вам все остальное».

У Франсуа Рабле в его бессмертном интереснейшем романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», который прекрасно растолковал и объяснил Михаил Бахтин, описывается некий владыка мира господин Гастер. Гастер — по-гречески значит «желудок». Этот господин Гастер изобрел искусство и науки, он же изобрел удобства и привилегии, он заставляет служить себе все человечество. Мысль о чреве как о владыке Рабле, вероятно, списал у святого Иоанна Лествичника, который так и называет желудок—ближайший и ненасытный господин.

И это, увы, правда. Вот тебе специи, вот тебе приправки, вот тебе микроволновки, вот тебе ножи, которые шинкуют и нарезают, вот тебе удобные доски для разрезания, вот тебе холодильники... Посмотрите, что в нашем мире не связано с Гастером! Мистер Гастер действительно правит миром. И в этом смысле настоящие постники, как у Лествичника, — это те, кто тоже считает себя зависимыми от Гастера, это настоящие свободные люди. Свободные, потому что они удаляются от всей этой многозаботливости, связанной с покупкой, готовкой, мытьем и катаньем после всего приготовления.

Великим постом происходит нечто удивительное. Люди перестают есть. Например, три дня не едят... А я знаю таких людей очень много, которые Великий Понедельник, Великий Вторник, Великую Среду постятся сухо. То есть даже не пьют, не то что не едят. Может быть, водичку и хлебнут, чтобы уж совсем не загнуться. Но не едят ничего и не пьют ни отваров, ни бульонов овощных. Совсем никакой еды — ни отварных овощей, ни свеклы, ни морковки. Что обретает человек, когда он несколько дней не ест? У него вдруг находится куча свободного времени, потому что бежать на базар не надо, стоять у плиты не надо, накрывать, готовить не надо, мыть тарелки и выносить мусор тоже не надо.

Теперь только вопрос: чем себя занять, когда не нужно готовить? Когда вдруг высвобождается три-четыре-пять часов времени в жизни, начинается паника: а что же мне делать? Псалтирь бери, милая! Евангелие бери, дорогой! В церковь бегите! А освобожденные денежки, скопленные от непотраченного, отложите в стороночку, потом пригодятся. Потом кому-нибудь нуждающемуся дашь, ему это как манна будет.

Человек с удивлением вдруг обнаруживает, что, оказывается, 70-80 процентов жизни он тратит на то, чтобы заработать, купить, принести, приготовить, накормить, убрать, помыть и лечь спать. То есть человек действительно работает мистеру Гастеру, как говорил, смеясь, Франсуа Рабле. И как говорил вполне серьезно Иоанн Лествичник. Чрево — главный диктатор человеческой жизни.

Еще Лев Толстой говорил: «Чем отличается богатый от бедного? Качеством стола». У бедного — репа и картофель, а у богатого — и это, и это, и это. Как только бедный захочет стать богатым или становится им, он тут же проявляет свое богатство качеством стола. Он начнет разбираться в сочетаниях продуктов и будет закармливать своих детей всякими вещами, которые до сих пор были ему недоступны. А если, например, заработал человек лишнюю копейку? Как он проявит свою радость? Он купит чего-нибудь сладенького, вкусенького, дорогого, такого экзотического: икорки, балычка. Кто победнее — бананчик, апельсинчик.

В этом смысле пост есть некое высвобождение души из-под всемирного гнета. Это противление злу мировому, противление общему порядку жизни, который стал привычным. «Вот тут-то я и свободен!» — радуется духовный человек.

Современное либеральное сознание о свободе говорит только в категориях: «Я хочу, дайте мне!» А христианская свобода говорит: «Да не хочу я этого, заберите, я и без этого проживу!» Вот это настоящая свобода, когда человек понимает, что «он не хочет этого».

Ложная свобода умножает потребности и пытается их удовлетворить, разжигая новые потребности, плюс зависть, плюс гордость, плюс недовольство. Пену поднимает, шумит. А настоящая свобода говорит: «Не надо мне. Я от этого свободен, мне это ни к чему!» Вот это и есть свобода, когда человек не спрашивает, что будем есть и пить, но ищет прежде Царствия Божьего и правды его. Это христианская свобода.

Апостол Павел тоже произносит эти слова вместе: есть и пить. Он говорит от лица некоторых: «Будем есть и пить, ибо завтра умрем». Это современная ему языческая поговорка, которая ходила между коринфянами.

Коринф был самым развратным городом античности. Жить по-коринфски означало жить в праздности и безобразиях. Апостол Павел пишет, обращаясь к коринфянам: «Если мертвые не воскресают, то в чем смысл жизни? В чем смысл жизни, если мы не воскреснем? Если мы не воскреснем, то будет так, как вы говорите на всякой площади: будем есть и пить, ибо завтра умрем».

Видимо, так они говорили: «Пить будем, гулять будем!». В одной бесшабашной песне есть слова: «Смерть придет — помирать будем!» Это то, о чем писал Пушкин в одной из маленьких трагедий «Пир во время чумы». Здесь целое мировоззрение. «Ешьте тут и пейте тут, на том свете не дадут!» — говорят некоторые «мудрецы». Что будет завтра, им непонятно, что в гробу — тоже непонятно, что за гробом — тем более непонятно. Ешьте, стало быть, пейте, веселитесь, но мзды никакой на Небесах вам, конечно, не обещаем.

Есть и пить... Эти глаголы при всей своей простоте и всемирной распространенности остаются загадочными и многозначными. Во время выхода евреев из Египта, когда народ «сел пить, есть и стал играть», это знак катастрофы. У апостола Павла в его Послании к Коринфянам: «Если мертвые не воскресают, то будем есть и пить, ибо завтра умрем» — это знак той же катастрофы. Наслаждение на пороге отчаяния. То есть когда люди не знают, зачем им жить, они ненасытно потребляют всякие

наслаждения и содрогаются в душе от мелкой дрожи, потому что знают, что у них нет никакого смысла в жизни и никакой надежды на вечность. То и то одинаково. А Христос говорит нам: *«Не говорите: что будем есть и пить, во что оденемся, но ищите прежде Царствия Божьего, и правды Его, и это все приложится вам»* (см.: Мф. 6,31-33).

Грех — болезнь — смерть. Причинно-следственная связь

Прочная связь между болезнями и грехами утверждается в Евангелии почти на каждой странице. Достаточно вспомнить слово, сказанное при Овчей купели: «Иди и больше не греши, чтобы не случилось с тобой чего хуже». Или исцеление расслабленного, которое Христос совершает не раньше, как простив человеку грехи (см.: Лк. 5,23). Евангельская логика проста, как все, исходящее от Бога: будь мы безгрешны, мы были бы и бессмертны; будь мы бессмертны, мы бы и не болели.

Творец мира, одевшись в человеческую плоть, являл Свое доброе всемогущество, прощая грехи, исцеляя болезни, воскрешая мертвых. Все эти три вида мессианской деятельности неразрывно связаны и равно необходимы, поскольку человечество именно грешно, смертно и болезненно.

Если бы Христос не делал хотя бы что-то одно, стройность Его дел была бы под угрозой, Божественность Его пришествия была бы под сомнением. Если бы Он только исцелял, не воскрешая, смерть сохраняла бы свою молчаливую тиранию, и всякий умеющий думать отказался бы признать в исцелении истинное благо, раз смерть по-прежнему сильна. Еще хуже было бы, если бы Христос исцелял, ни слова не говоря о грехах. Он весьма польстил бы испорченному человечеству, которое и по сей день готово сказать: «Верните мне здоровье, но не спрашивайте меня о грехах!» Христос не сделал этого. Его любовь не соскользнула к вседозволенности. Он научил нас смотреть на физическую боль и на нравственную грязь сразу, одним взглядом охватывая то и другое.

Человека нельзя избавить от страданий, не изменив его при этом так, чтобы он стал бессмертным. А бессмертие возможно только для безгрешного существа. Потому и отогнал Господь согрешившего человека от древа жизни, чтобы не стал человек злом бессмертным. Как ни странно это звучит, но для грешника смерть — это объективное благо. Бог не хочет увековечить человека в его оскверненной данности, но хочет прежде исправить и очистить его, а уж затем даровать бессмертие.

Теперь давайте окунемся в действительность, покинув высоту умозрений. Мы болеем и будем болеть, пока не отдадим — рано или поздно — с последним выдохом душу в руки Создателя. Болея, мы бываем раздражительны, нетерпеливы и малодушны. Весь мир тогда сжимается для нас до размеров пульсирующего зуба, раскалывающейся головы, ноющей печени, и мы ищем избавления от страданий.

Как хорошо, что в регистратуре или в больничном приемном покое нам не напоминают о связи между грехами и болезнями! Как хорошо, что из окошечка не высовывается лицо регистратора и не обращается к нам с хитрым прищуром: «Что, милый, допрыгался?» Наша медицина лечит болезни, не рассуждая об их нравственных первопричинах. И это хорошо. Хорошо, что доктор — обычный грешник, и ему в голову не приходит вгонять пациента в краску, устраивать исповедь или читать мораль. Духовные вопросы остры. Неумелое обращение с ними способно больше навредить, чем помочь. Поэтому хорошо, что логика поликлиники не совпадает с логикой литургии и прочитанного Евангелия.

Эта шизофрения двойных стандартов грозит превратиться (а может, уже превратилась) в приобретенное уродство, в родимое пятно нашей жизни. Узнавая правду и не умея воплотить ее в жизнь, не умножаем ли мы тем самым и без того до краев наполненную чашу внутренних страданий? Стоит ли узнавать правду, причем правду вечную, чтобы остаться при своей обычной лжи? Может, об этом сказал Соломон: *«Кто умножает познания, умножает скорбь»* (Еккл. 1,18).

Я остаюсь при той мысли, что автономность медицины от Евангелия имеет свои плюсы. Но христианскую логику я сам должен внести в историю своей болезни и своего выздоровления. Пусть доктор говорит, что «еще поживем», пусть сестра по дороге на операцию повторяет ободряющие мантры. Я-то сам прекрасно знаю, что в выздоровлении и продолжении жизни смысл есть только тогда, когда есть намерение жить лучше и стать чище. Много зависит от врачебного искусства и качественных лекарств. Но Хозяин жизни будет решать судьбу больного еще и с той точки зрения, захочет или не захочет больной сделать из болезни нравственные выводы. «Я буду жить?» — спрашивает пациент. «Жить-то ты будешь, но как и для чего?» — спрашивает в ответ, как мне кажется, Хозяин жизни. — Если как прежде или даже хуже, то зачем?»

Связь между болезнями и смертью кажется очевидной. Связь между грехом и смертью следует осознать благодаря Евангелию и первым главам Книги Бытие. Когда первые две связки станут понятны, останется выяснить теперь уже неизбежную связь между болезнями и грехом. Ну и, наконец, самое главное. Победителя этого триединого, сплетшегося до нерасторжимости змеино-го клубка зовут Господь Иисус Христос!

«Люди-еда», «человек-лекарство» и «человек-болезнь»

К Богу люди относятся по-разному. Есть три типа отношений к Богу: как к лекарству, как к еде и как к болезни. Восточная мудрость говорит, что есть три типа отношений человека к человеку. А человек — образ Божий, и можно через эту мудрость увидеть, как люди относятся к Богу. Есть «люди-еда», «люди-лекарство» и «люди-болезнь». Так для каждого из нас. «Люди-еда» («люди-хлеб» и «люди-вода») — это те, без которых мы не можем жить, как без еды.

Например, для ребенка мама — это «человек-еда». И фактически, и практически. Он ею питается во чреве. Но и потом, когда ребенок вырастает и уже не пьет материнское молоко, а ест колбасу или манную кашу, все равно: чуть что — он кричит: «Мама! Мама!» Мама ему нужна постоянно. Вплоть до старости человек может сохранить самые нежные привязанности к маме, папе, он без них не представляет своей жизни. Для него родители — это «люди-еда». «Я без них умру!» — думает он.

«Человек-еда» — это самый любимый человек. Например, полюбили друг друга парень с девушкой, муж с женой. Они не мыслят себя друг без друга. Ромео и Джульетта, например, — это «люди-еда». Он умер, она умерла, потому что питались друг другом и не приняли пищи, которую им навязывала вражда семей. Муж и жена друг для друга — это «люди-еда».

Иное дело «человек-лекарство». Он нужен иногда и чуть-чуть. Например, потек кран на кухне — потребовался сантехник. Хозяин зовет сантехника, а тот кран отремонтировал. Все, до свидания, спасибо, можешь идти! Это как лекарство. Лекарство нужно, когда есть болезнь. Выздоровел человек — и лекарство не нужно до тех пор, пока он опять не заболит. Если один, например, сантехник, а у другого проблемы с краном, они нужны друг другу, пока кран течет. Кран больше не течет, один другому заплатил за работу. Один ушел домой, другой спокоен — вылечил болячку. Они нужны друг другу, пока болячка есть. Или меняют, например, колеса летние на зимние. Мастер, который меняет колеса, — это тоже «человек-лекарство».

Учитель в школе — это «человек-лекарство» для детей. Пока дети учатся, он нужен и родителям, и детям. Когда дети закончат учебу, скорее всего, семья с учителем разойдется в разные стороны жизни. Иногда, может быть, встретятся, поздороваются. Лишь изредка нужный человек называется «человеком-лекарством».

А «человек-болезнь» — это человек, который никогда не нужен. Когда другой человек его

видит, ему становится плохо. Например, в неудачном случае, это свекровь и невестка, зять и теща. Вот зять открывает дверь, видит этого человека, и ему уже плохо.

Или начальник и подчиненный один для другого — болезнь. Иногда подчиненный идет на работу и молится о том, чтобы день прожить спокойно, потому что у него с начальником сложились такие «теплые» отношения, что они друг для друга — тяжелая болезнь.

Еда, лекарство и болезнь. Каждый для кого-то является едой. По крайней мере должен являться — для детей, для любимых нами. Например, есть предприятия, которые давно могли бы умереть. Но они не умерли, они действуют! Люди, благодаря работе на этих предприятиях, кормят свои семьи и только молятся Богу, чтобы Бог продлил дни их начальника. Они знают, что если он уйдет или его заменят на другого, то при другом, вполне возможно, предприятие умрет. И не будет зарплаты. Для них начальник — это «человек-еда», потому что он их реально кормит. Он хранит предприятие, а они имеют хлеб.

Самые нужные люди в мире — это люди, которые нужны кому-то как хлеб. Если человек никому не нужен как хлеб, то его жизнь под угрозой, потому что он живет впосилы. Нужно, чтобы в человеке нуждались, это дает силы жить. Каждый должен быть едой для кого-то.

Каждый также должен быть лекарством для кого-то, это на сто процентов верно. Если человек, например, зубной техник, то он является необходимым для человека во время зубной боли. Если человек штукатур, маляр, закройщик, то он является необходимым для человека во время ремонта или когда ему надо сшить одежду.

Но что тоже верно на сто процентов: каждый из нас для кого-то является человеком-болезнью, каждый из нас является раздражителем, видя которого, другой человек морщится, злится, говорит плохие слова вслух или про себя. Человеку трудно нравиться всем. Ни один из нас не обязан это делать. Более того, Христос говорит, что если вы будете нравиться всем, если все про вас будут говорить хорошо, то вы уподобитесь лжепророкам. Желание понравиться всем свойственно проповеднику лжи.

Говоря правду, нельзя угодить всем. Правда имеет такое острое свойство, что она обязательно кого-нибудь порежет. Правда очень острая штука. И хороший, по-настоящему хороший человек обязательно должен быть для кого-то бельмом в глазу. Так всегда было и так обязательно будет. По-настоящему хорошего человека все любить не могут. Его кто-то должен недолго любить. А какая запредельная ненависть была и есть ко Христу, даже до сегодняшнего дня! Когда некоторые слышат Его имя, то их начинает выкручивать.

Итак, «люди-еда», «люди-лекарство» и «люди-болезнь». Каждый человек время от времени находится в этих состояниях. Это довольно понятная схема. То же самое и по отношению к Богу. Бог для одних людей является едой, то есть люди не могут без Него. Для других Бог является лекарством, для третьих болезнью.

Бог является едой для тех, кто любит Его всем сердцем, всей душой, всеми мыслями и помышлениями. Есть такая заповедь, она, собственно, единственная, первая и главная: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим»* (Мф. 22,37). Это трудная заповедь. Она требует постоянного внимания, постоянного усилия, потому что очень трудно полюбить Того, Кого не видишь.

Поэтому к ней добавляется еще и вторая заповедь: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22,39). Когда человек возлюбит ближнего, которого видит, он этим доказывает свою любовь к Богу, Которого не видит. Святые люди стремятся к этому, для них Бог—это еда. Они не могут ни одного дня прожить, чтобы не подумать о Боге, чтобы не поговорить с Ним, не почитать о Боге, не узнать что-нибудь от Него. Им нужна ежедневная связь с Ним, подобно тому, как человек каждый день нуждается в пище.

Лекарством Бог является для огромного числа людей, которые считают себя верующими. Но какими верующими они являются? Если они заболели, Бог нужен им в качестве врача: «Исцели меня!» Если им угрожает опасность, Бог нужен им в качестве милиционера или охранника: «Защити меня!» Если у них житейские сложности, Бог им нужен в виде спонсора или благодетеля: «Помоги мне!» А если у них нет ни опасности, ни болезни, ни житейских несчастий, они спокойно забывают о Нем. К сожалению, человеку Бог нужен далеко не всегда, а нужен только тогда, когда возникает нужда.

В том, что человек относится к Богу как к лекарству, есть косвенный ответ на вопрос: почему в мире так много неприятностей?

Было такое время на земле, как говорит первая книга Моисея — Бытие, до потопа. Тогда люди жили какой-то непонятной для нас жизнью. Они жили гораздо дольше — по семьсот-восемьсот лет, а то и по девятьсот. Иногда они рожали первенца, будучи уже трехсот лет от роду. Они были, очевидно, здоровее нас в какие-нибудь сотни тысяч раз. Они были, вероятно, талантливее, интереснее и красивее нас. Эти люди не видели кладбищ, потому что не умирали столетиями. Страх смерти, разлуки, боль утраты не касались их. Здоровье и красота при отсутствии смерти и болезни превратили их в людей ужасно развратных. В ответ на их разврат — повсеместный, постоянный и жуткий — Господь Бог употребил уникальное средство. Он уничтожил все человечество водой потопа, за исключением одного семейства — Ноя, трех его сыновей и их жен. Всех остальных Господь Бог просто-напросто смыл с поверхности земли.

А те допотопные люди были по сравнению с нами богами — здоровыми, красивыми, гениальными. Вот только они жили без Господа, потому что чувствовали себя богами. Если у человека все в жизни благополучно, ему Бог не очень нужен. Он даже может подумать: «А есть ли Он вообще, этот Господь Бог?»

Соломон в притчах говорит так: «Двух вещей прошу у Тебя, Господи, в двух вещах не откажи: нищеты и богатства не давай мне. Потому что в нищете я буду злоупотреблять именем Твоим, буду милостыню просить во имя Твое, а в богатстве я скажу: а где Господь?» Охамеет сердце человеческое, превознесется.

Человек может вообще о Боге не думать, когда ему хорошо. Но вдруг приходит беда, и он говорит: «Ой, Господи, помилуй, Господи, прости, Господи, помоги!» Бог нужен человеку в это время как лекарство.

И, наконец, есть люди, для которых Бог — это болезнь. Они говорят: «Не говорите со мной о Боге. Я этого слышать не хочу. Не надо мне всех этих штучек. Я без вас проживу. Без вас родился, без вас проживу и не ваше дело, куда я дальше пойду и пойду ли вообще куда-то!» Вот это уже, конечно, болезнь души, запущенная, глубокая, серьезная болезнь души, которая вполне может быть у любого человека и которая реально существует и в нашем мире.

Ну и не наше дело ее исправлять, между прочим. Нам нет повеления, так сказать, дробить камни в сердцах. Врачи измельчают камни в почках, но еще не придумали такой камнедробилки, чтобы она сокрушала камни в сердце. Камень в почке научились измельчать в песочек, и он уходит. А вот в сердце... А ведь сердце может быть каменным, сердце может быть железным, сердце может быть золотым, оно может быть мертвым, хотя и бьется, может быть живым, трепещущим...

Можно попытаться определить: кто я по отношению ко Господу? Чаще всего большинство из нас относятся к Нему как к лекарству. То есть Он нужен нам только тогда, когда мы бодем, или нам что-то угрожает, или происходит что-то неправильное. По закону любви это недостаточная вера, требующая роста и восполнения.

Истинный пост — воздержание от всякого зла

Монастырский пост должен отличаться от мирского поста строгостью, и навешивать на мирянина монастырскую строгость непедагогично, просто бесчеловечно, даже с точки зрения просто бытовых вещей.

Вот монах, у него от кельи до храма метров сто, а от храма до трапезной еще сто или двести. Он вышел из кельи, зашел в храм — там поют Великий канон. После канона он пошел на трапезу, а из трапезной — в келью. Там отдыхает, молится, читает келейное правило. А мирянин? Днем он на работе. От работы до храма в дороге полчаса или час, а потом от храма до дома час, или полтора, или два. Монах пришел в трапезную, а там уже что-то готово, какая-то кашка уже лежит на тарелках, или вареная картошка уже ждет едока. А хозяйке, когда она отстояла службу, приехала домой, сошла с электрички, доехала до дома, надо еще у плиты постоять, что-то сварить, что-то сделать.

Совершенно разная степень нагрузки. Мирянин не может поститься по-монашески даже потому, что у него больше перемещений в пространстве, больше житейских тягот, по сути, у него больше труда, а значит, и больше подвига. Вы уж простите, но так оно и есть. И если мы навесим на него монашеское сухоядение, то он у нас упадет через пару дней. Еще у него есть семья. Они же, эти родственники, не все постятся, не все понимают, как это важно. Верующему нужно еще отвоевывать для себя свой пост, ругаться, доказывать, кричать.

Так что, конечно, мирянам по монастырскому уставу поститься не надо. Не потому, что они грешные, а просто потому, что они не должны поститься так, как постятся люди, ушедшие из мира и знающие только два занятия — молитву и пост. Миряне не должны так поститься. Они должны стремиться к этому, может быть, сокрушаться, что хотели бы вот так поститься, но они-то в миру живут. Допустим, одна кормит, другая тяжело работает, третья что-нибудь еще делает... Надо поститься по мере сил, по мере возможности.

Конечно, без мяса, конечно, без телевизора, конечно, без Интернета в эти дни. Без лишних удовольствий, без празднословия. Это же тоже очень важные вещи для поста. Не болтать, не смотреть, не интересоваться, не ходить туда, куда не надо. Курящий пусть бросит курить или меньше курит. Другой пусть поборется с какой-нибудь привычкой — со сквернословием, например. Нужно бороться, работать над собой, потому что вопрос не только в еде.

Поститься так строго, как постятся монахи по монастырскому календарю, мирянин не должен. Все-таки мера требования к нему в пище более свободна, нежели к людям, давшим обеты и ничего более не знающим, кроме молитвы и поста. Там, где написано: «сухоядение для монахов», можно сварить себе какую-нибудь кашку. Там, где у монаха, допустим, написано: «вареная пища с елеем», можно пожевать какую-нибудь креветку. То есть умножать, увеличивать на шаг вверх, а не во всем подражать монахам.

По зернышку!

Когда верующий человек узнает информацию о том, что сеется, что убирается, откуда покупается зерно, какие компании занимаются продажей и пополнением семенного фонда, он берется за голову. Иногда произносит: «Господи, помилуй, это же просто диверсии какие-то!» Конечно, генная модификация имеет место быть. Монополисты на рынке стремятся к тому, чтобы засыпать рынок генно-модифицированными продуктами, и делаются большие денежные вливания, чтобы лоббировать этот вопрос. Так что тревога вполне понятна.

Нужно, безусловно, говорить об этом даже в рамках наших слабых передач на православных каналах. Казалось бы, кто их слушает? На самом деле все равно слово звучит и слово слышится.

Существует много направленных на нас стрел. Одна из них — это, безусловно, продовольственная опасность. Поэтому пищевая безопасность просто необходима. Нужно, чтобы мы качественно использовали эту возможность импорто замещения, чтобы любителям генетически модифицировать естественную пищу показали на дверь, чтобы простой фермер сеял простое зерно без всяких фокусов, сделанных в западных лабораториях. Это одна из серьезнейших статей нашей безопасности: и экологической, и пищевой, и касающейся здоровья населения.

Дьявол уже не так хитер, как человек. Бесы будут безработными в конце мира. Может быть, они уже сегодня работают меньше людей, потому что они так накрутили их, чтобы люди были лукавы, хитры так же, как бесы. А те будут только на заборах сидеть и ножками болтать. Всю остальную работу за них сделает человек. Люди людей убивают, люди людей обманывают, люди людей осуждают, клеветают, сплетни разносят, превращаются в зловонных мух, разносчиков всякой заразы. Люди людей травят, люди людей из-за денег готовы со свету свести. Это все бес накрутил человека, и человек пошел уже, как заведенная игрушка, вперед.

Нам надо и о хлебе насущном, не генно-модифицированном, тоже говорить. Пища должна быть здоровой. Покупать у Запада еду нам стыдно, потому что мы обладаем огромными пахотными территориями. Необходимо возродить культуру земледелия, поддерживать человека, работающего на земле, и есть свое, со своей земли. А остальные пусть идут, куда хотят, вместе со своими генными семенами. Пусть сами это едят!

О здоровом образе жизни

Нужен ли спорт в жизни современного человека?

Оказывается, очень даже необходим. Городские жители, например, сегодня вынуждены им заниматься. Когда человек живет в селе, он колет дрова и таскает воду из колодца. Вся его «физкультура» вполне может быть сведена к игре в футбол до или после бани. Ему этого хватит. А вот горожанину, который мало двигается и живет в плохих экологических условиях, постоянное физическое развитие необходимо, как воздух.

К физкультуре необходимо приучать с детства, надо иметь дома тренажеры или хотя бы гантели и скакалку, чтобы занятия стали благой ежедневной привычкой, не отнимающей много сил и логично встроенной в график жизни. Тем более мы живем сейчас в такое время, что, совершая пробежку, можно слушать в плеере утреннее правило или Псалтирь. Когда человек верит искренне, тренировки не могут дать забыть человеку о Господе.

Но тем не менее спорт не должен выполнять функцию проповеди. Спорт — это полезнейшая вещь, но не стоит наполнять его несвойственными смыслами. Спорт не более чем полезная составляющая жизни.

Спорт помогает приводить к Богу наименее защищенные слои общества—детей из неблагополучных семей, воспитанников детских домов, подростков с неустойчивой психикой. Он помогает «оттянуть» их от улицы, социализировать и наполнить их жизнь новым смыслом, но напрямую спорт не призван и не создан для того, чтобы приводить людей к Богу. Не стоит забывать о том, что спорт как явление ведет свое начало от практических видов деятельности. Гребля, бег, метание и поднятие тяжестей, борьба и стрельба из лука — это те занятия, которые когда-то кормили человека. Когда они перестали быть прикладными, ими стали заниматься для развития глазомера, волевых качеств, силы и выносливости.

Спорт выполняет педагогическую роль. Ребенка из неблагополучной семьи он может ввести в коллектив, дать ему перспективу, избавить от дурных компаний и связанных с ними возможных

грехов. В этом смысле спорт опосредованно является Божиим делом — когда хулиган становится известным самбистом и хорошим семьянином.

Впрочем, понятие «спорт» больше связано с профессиональной деятельностью, с гипернагрузками и с полной отдачей какому-то виду. А то, чем является спорт в бытовом понимании, о чем я говорил выше, — это скорее физкультура. Она была всегда востребована, еще со времен Древней Эллады. У тех же греков считалось, что образованный человек не может не уметь бегать или плавать.

Поэтому сейчас нужна именно физическая культура как массовое, всенародное увлечение, чтобы быть здоровыми, чтобы люди перебарывали вредные привычки, чтобы меньше болели, были бодрыми — словом, чувствовали радость от того, что живут на свете.

Известно, что в спорте очень много моментов, которые можно было бы назвать искушениями. Основа спорта — соревнование. Тут и гордыня, и слепой азарт, к которому могут примешиваться очень жесткие эмоции к сопернику. Чем хороша физкультура? В ней этого нет, там не за что соперничать. А в профессиональный спорт, где есть погоня за результатом, где вращаются огромные деньги и прочие «прелести» коммерциализации, где используется допинг, очень сильно примешивается страстная составляющая. Здесь православный человек должен приложить немалые усилия, чтобы оставаться православным. Он должен осознавать, где начинается та черта, с которой в соревнованиях вмешивается черная зависть и злоба, начинаются договорные матчи и другие греховные вещи, в которых, несмотря на любые спортивные перспективы, человек верующий участия принимать не должен. В спорте этого очень много, и об этом нужно говорить! Отрицать, что современный спорт—это элемент политики и финансового обогащения, наивно. Большой спорт — это мощная вещь, которую дьявол хочет прибрать к рукам и в значительной степени уже прибрал.

Но когда речь идет о соревнованиях, где ничего этого нет, то нет и препятствий для участия в них. Можно проявлять смирение, несмотря на то, что любое соревнование — это стремление к победе. Более того, к играм человек должен готовиться, он должен тренироваться и выкладываться по полной ради победы. Но не в ущерб другим, без желания уязвить или обидеть. Дать лучшее, на что ты способен, — разве в этом есть противоречие христианству?

Правила честного соревнования требуют смирения, когда в честной борьбе ты оказался слабее. Но если выиграешь, смирение тоже нужно — чтобы побеждать благородно, не выпячиваясь, не превозносясь, не унижая соперников. Смирение украшает и победившего, и проигравшего.

Христианину не чуждо доброе отношение ко всем боевым и силовым видам спорта. Православные юноши должны заниматься подобными спортивными дисциплинами. Это все наше, родное: скачки, бег, плавание, поднятие тяжестей, единоборства. Игровые виды спорта не так близки, хотя все игры с мячом вызывают уважение.

Однако бывают исключения. Футбол занимает в жизни человека неадекватное место, и это опасно: огромные рекламные площади, внимание прессы и большое количество сердец, прикованных к этому зрелищу. К тому еще движение фанатов — очень опасное поле, на котором работает лукавый. По сути это собранные по принципу общего интереса молодые люди с маленьким жизненным опытом, с избытком энергии, с большой ненавистью к своим противникам. Ежеминутно они готовы выбросить свой адреналин в деструктивное поведение, в драки и бои. На этом поле есть много того, что связано с грехом, причем не с грехом отдельного человека. Это уже коллективный грех людей, организованных и собранных под неким единым началом, и тем он страшен.

Когда играли братья Старостины, Яшин, Стрельцов, Бобров, а стадионы заполнялись массами народа, когда спорт был огромным явлением в массовой советской культуре, тогда не было фанатского движения, «ультрас» и поножовщины.

Киевские же, к примеру, футбольные фанаты во время Майдана вели себя самым безобразным образом. Именно тогда многие поняли, насколько умелой манипуляцией является создание и поддержание культа фанатских групп. Умелыми руками эта машина может быть направлена в очень страшную сторону.

Но можно посмотреть на футбол и с другой стороны: турниры по футболу среди православных ребят! Дворовые команды помогают молодым людям не валять дурака. Это здорово, когда человек с улицы уходит на стадион. Кроме того, коллективные виды спорта воспитывают в человеке чувство локтя, делают из «общей массы» команду. В команде каждый решает свою задачу, слушается тренера, работает на общий результат. Это очень ценные навыки, которые потом пригодятся в жизни.

Всем детям, начиная с подросткового возраста, необходимо день и ночь повторять, что их главными друзьями являются книжка и турник. Именно так, потому что книжек без турника недостаточно, но и турник без книжки — уже не то. Только при наличии этих компонентов можно получить рецепт того самого продукта, который должен стать любимым лакомством у нашей молодежи.

Молодым важно понимать, что заниматься надо одновременно как воспитанием воли, так и ума, как духовным укреплением сердца, так и физической закалкой.

4. Про любовь и нелюбовь

О настоящей любви и погоне за миражами

Пару лет назад было популярно одно ток-шоу. Их так много, что название стерлось из памяти. Там говорили о верности, измене, блуде. В студии были, как водится, психологи, депутаты, артисты. Был там и известный клоун, дрессировщик кошек, Юрий Куклачев. Я не ожидал, что услышу от него что-то серьезное, — клоун все-таки. Но вышло иначе, и это было знаменательным.

Все, кроме него, несли обидную чушь и набор банальностей: психологи, звезды и депутаты. А вот клоун взял и рассказал историю из цирковой практики. В ней речь шла об одном артисте, женившемся на женщине из труппы, которая была старше его лет на десять-пятнадцать. Ему еще не было тридцати, кажется, хотя за цифры я не отвечаю. Друзья отговаривали его от этого брака: дескать, ты через десять лет будешь еще «о-го-го», а она, мягко выражаясь, уже совсем «не ого». Но они поженились, и те десять лет, о которых говорили друзья, со временем прошли.

Он, действительно, как мужчина, был еще «ого», и она стала такой, как предсказывали. Но чудо заключалось в том, что он любил ее, не думал бросать, и к нежности отношений прибавились необходимая жалость и бережное отношение. Доброжелатели советовали разводиться или ходить налево по причине очевидной разницы в возрасте, а наш герой, по словам Куклачева, был верен своей подруге и отвечал почти гоголевской фразой: «Она же человек». Так Акакий Акакиевич в ответ на насмешки говорил: «Я же брат ваш». Такая вот история о победе совести над гормонами, прозвучавшая из уст клоуна, за что я перед ним снимаю шляпу. И еще он сказал, этот мудрый клоун, который улыбается на сцене и, наверное, грустит за кулисами, что слово «блуд» указывает на блуждание, то есть неприкаянность. Не нашел себя человек, вот и блудит из стороны в сторону, из постели в постель, от эмоции к эмоции. А человеку ведь нужно найти себя и успокоиться, потому что броуновское движение неприкаянного искателя счастья только ранит всех вокруг и его самого в придачу.

Удивительная жизнь! Князя злодействуют, и лекари калечат. От священника иной раз слова не услышишь, а на правую дорожку тебя скоморох наставит. Русская непредсказуемость. Картина маслом.

И еще одна история, коль скоро разговор зашел об «ответственности за тех, кого мы приручили». Это было уже не на экране, а перед носом и без помощи технических средств. Жила-была молодая и успешная в мирском смысле супружеская пара. Были деньги, статус, силы. Ребенок был один (потому как лучше одному все дать, чем гольтебу плодить, так ведь?). И вдруг хрустальный замок превратился в груды осколков по причине автокатастрофы. Мужа парализовало после аварии. Сначала отнялись ноги, потом болезнь поднялась вверх, угрожая полной беспомощностью. Жизнь превратилась в кошмар. Поиск врачей, нехватка денег, борьба с пролежнями, утки, сиделки. Врагу не пожелаешь... И молодая жена вскоре говорит парализованному мужу несколько емких фраз: «Я еще молодая, я жить хочу!» Потом хлопок дверью и — до свидания!

Священник соборовал и причащал этого мужчину. Но с ним была... вторая жена. Брошенная своим первым мужем хорошая женщина, хлебнувшая горя и связавшая свою жизнь с калеккой. Они были нежны друг с другом и веселы на людях. И только морщины вокруг глаз молча указывали на то, чего им стоило это веселье. А что же первая, та, что хотела жить и жалела пролетающую молодость? Она очень скоро тоже попала в автокатастрофу. В той аварии она разбилась насмерть.

Теперь самое время помолчать и подумать. Самое время перебрать в уме кубики с надписями «случайность», «возмездие», «нравственный закон», «какой ужас!», «так и надо!». И дело в том, что жизнь, уперто желающая быть похожей на глянец, кишмя кишит подобными примерами. Именно подобные примеры и есть лицо жизни без макияжа. Об этом надо говорить и думать. Тогда шансы

остаться человеком хоть чуть-чуть, но увеличатся. В православии нет венчальной клятвы, как у католиков, да и не надо. Но смысл имеющейся у них клятвы стоит знать. Врачующиеся перед лицом Бога обещают быть друг с другом вместе всегда: в болезни и здоровье, в молодости и старости, в бедности и богатстве. Супруги этого вслух не произносят, но, несомненно, подразумевают. Крепость союза должна быть безусловной и вечной. Этого требуют и вера, и совесть. Это и есть настоящая жизнь, а не игры в погоне за миражами.

В памяти вдруг возник эпизод из «Иронии судьбы». Главный герой возвращается домой из Ленинграда, устало прислонившись к стеклу вагона, а за кадром звучат стихи. Это хорошие стихи. Там есть такие финальные строчки:

*С любимыми не расставайтесь,
Всем сердцем прорастайте в них,
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг.*

Безнравственно жить на своей земле как туристы

Вот приехал к вам друг. Издалека. Долгожданный.

И не на одну ночь проездом, так, чтобы только до рассвета на кухне чай пить и истории рассказывать, а на пару дней. Все разговоры переговорили и всех общих друзей вспомнили, а времени еще много осталось. И просит друг показать ему город и рассказать о достопримечательностях. Кто, мол, что построил, где кто великий жил и прочее. Друг друга просит, по сути, поработать гидом или экскурсоводом на тех улицах, по которым хозяин часто ходит, а друг еще никогда не ходил.

Теперь попробуем представить, какой процент людей, попавших в эту ситуацию, справится с ней, то есть кто будет способен со знанием дела и с любовью рассказать о своей малой родине или месте долгого проживания, а кто окажется к этому неспособным. Кто турист, а кто законный житель? Речь у нас здесь о любви к малой родине, о сознательной, зрячей любви, подкрепленной знаниями.

Любовь связана со знанием. Бога не познаешь, если не полюбишь. И все духовное — службу, Писание, историю Церкви — вначале нужно полюбить, а потом открывать ключом любви двери знаний. Без любви все духовные премудрости — книга за семью печатями. Иначе обстоит дело с науками. Если не дается математика (физика, химия), то ее сложно полюбить. Но если кто-то умело объяснит или сам поднатужится человек и заставит непослушные цифры зазвучать, как ноты, тогда полюбит математику и увидит в ней некое тайное письмо, описывающее гармонию мира. Вот два пути: через любовь — к знанию и от знания — к любви.

Что до родных мест, то их естественно любить утробой, помимо логики и без чтения справочников. «Речку, небо и лесок, в поле каждый колосок...» любят интуитивно. Тут, казалось бы, и разговору конец. Пора песни петь о природном раздолье, о реках, о травах по пояс. Но нет. Человек живет в двух мирах. Один — мир природы, второй — мир цивилизации. Второй мир — это мир языка, культуры, истории. Он не дан так просто, как природный ландшафт. Этот второй мир складывался веками при помощи разумных усилий, и чтобы его полюбить, нужно тоже потратить время и приложить усилия. Его нужно освоить, совершая культурный труд. Язык осваивают постепенно, по сути — всю жизнь. В родную культуру вживаются и связь с историей нащупывают осторожно.

Есть люди, не любящие родину. Ничего удивительного. Просто они ее совершенно не знают. Из телепередач кто-то может знать гораздо больше о Стоунхендже или статуях на острове Пасхи, чем о местном храме и о тех, кто возвел его и молился в нем. Не читали, не видели, не думали, нам никто

не сказал, оттого критикуем все свое на чем свет стоит и хвалим чужое, хоть оно и хуже нашего. Это картина, узнаваемая многими.

Родина органично соединяет в себе природу и цивилизацию, возникшую на конкретном месте. И если природу мешает любить и чувствовать урбанизация, информатизация и прочая суэта сует, то любить родину как исторически развивающийся живой организм мешает банальное невежество.

Какой-то труд и промысел давал людям на этом месте издревле кров и пищу. Какие-то князья получили эти места в вотчину. Много раз вероломно передвигались границы и проливалась кровь. Опустошались деревни в голодные годы и во время мора. Грозил Страшным Судом юродивые. Местные праведники в каждом поколении со слезами просили людей не обижать друг друга и не окаянствовать. Приходили чужаки, увозя пленников и оставляя пожарища. Отстраивалась земля, и сожженное в дереве возрождалось в камне. Менялись цари и даже династии. Были безумные времена, были и спокойные. Были дни славы, были годы сытой тишины. Не один гений родился под этим небом, чтобы уйти за счастьем и прославиться в дальних городах и странах. Многих известных, напротив, занесло издалека сюда, где над ними и «Вечную память» пропели. И весь этот слоеный исторический пирог под ногами у нас, а мы на нем сверху — как тонкая пыль сахарной пудры. Неужели можно жить, вовсе не интересуясь глубиной у себя под ногами?

Есть память человеческая и есть ее помощники в виде церковных метрик, дневников, хроник. Есть рассказы старожилов, есть этнографические музеи. А еще есть могилы разных столетий, стоящие рядом под проплывающими, как и пятьсот лет назад, над ними облаками. Стоит узнать побольше о земле, на которой живешь, чтобы боль столетий и слава их прошли сквозь сердце человеческое. Тогда человек будет, по Писанию, скор на слышание и медлен на слова. Он не будет спешить поверхностно судить день сегодняшний, потому что память о прошлом облагораживает и налагает печать на пустословие. Он и завидовать никаким землям не будет, потому что поймет: драма человеческого бытия всюду принципиально одинакова. И он будет ходить по улицам своего города, зная, в честь кого названы эти улицы. И в храм чаще будет ходить, потому что помнить будет, кто строил его и какие люди в разное время в нем молились.

Никто не имеет нравственного права жить на своей земле как турист. Напротив, всякий должен по совести узнать свою малую родину и к инстинктивному чувству любви добавить любовь сознательную, ответственную и зрячую. Конечно, не для того, чтобы гидом подрабатывать. Хотя почему бы и не для этого?

О целомудренной и безнадежной любви

Под какую музыку лучше всего смотреть на звездное небо? Очевидно, под треск цикад или шум прибоя. Это если вживую. А если на экране? А на экране только под орган! Слышите? Только! Не смейте вперять взгляд в бездну неба, не смейте удивляться гирляндам звезд под шансон или диско! Впрочем, и не получится.

Если же не орган, то пусть это будет барокковый концерт для гобоя и струнных. Вот он звучит. Автор—Алессандро Марчелло. Звучит музыка, начинается фильм. Черно-белая короткометражка «Урок астрономии».

Ночь. Горит костер. Рядом шумит прибой. У костра сидят юноша и девушка. Они молчат так многозначительно и напряженно, как молчат люди, уже выяснившие отношения, но еще не расставшиеся. Первой молчание прерывает девушка. Она читает Ломоносова—те стихи про бездну, полную звезд: бездну, у которой нет дна. Юноша подхватывает разговор, и оказывается, что перед нами — молодой человек, страстно влюбленный в науку. Быть может, гений. Это ночное небо над

головой живое для него. О звездах и галактиках он может говорить часами. Жаль только, что девушка, слушающая его, способна заинтересоваться ненадолго. Ее сердце отдано другому, более простому парню, и скоро он увезет ее из-под этих роскошных звезд на банальном мотоцикле.

Но пока другой увезет ее, пройдет целый фильм. Этот, первый, расскажет ей в двух словах, но очень точно, о теории относительности. А еще о том, почему небо черное, если в нем горит так много звезд. Он мимоходом скажет ей о том, что Вселенная конечна и имеет форму, и что число звезд тоже конечно, иначе бы они слепились в жуткий ком. Он действительно умен, этот парень, и знает много. Только он не знает главного — как жить дальше под этим небом с его звездами без нее.

Он: Я мог бы даже в ореховой скорлупе чувствовать себя властелином бесконечного пространства. Если б только мне не снились дурные сны.

Она: Гамлет?

Он: Да.

Она: Многовато цитат, Буров!

Год выпуска фильма — 1973-й. О, чудный мир, в котором кто-то уже ходил в садик, и в утренней зимней тьме из морозной выси ему уже мелькали эти самые завораживающие звезды. В те годы, кроме примитивной и традиционной жадности власти, денег и удовольствий, многие люди были охвачены жаждой знаний. Сотнями тысяч и миллионами исчислялись тогда молодые люди обоих полов, которых манил мир электрона и атома, звездных скоплений или освоения суровых необжитых земель. В науке была музыка. Физик часто был поэтом, а математик выглядел вдохновенно-растрепанным, как композитор. В Бауманку и Политехнический конкурс был больше, чем сейчас в кинозвезды. Тогда-то и снимали подобные фильмы.

В них есть нечто от богословия, поскольку людей влекла тайна мира и его жгучая красота. Умудренный профессор-физик заменил собой на время для многих старца или профессора Духовной академии. Они и выглядели часто, как старцы: пожилые, облысевшие, думающие все время о чем-то таком, что простому человеку никак не влезет в голову.

«Если бы мы летели со скоростью света, миледи...» (это продолжение диалога в фильме). — «За какое время мы долетим до Луны? За минуту?» — «Верно. Только в шестьдесят раз быстрее. Одна секунда — и мы на Луне. Всего три минуты — и мы на Марсе. Летим дальше. Полчаса до орбиты Юпитера. Три с половиной до планеты Нептун, и еще час до орбиты Плутона».

Слушайте, что Буров говорит дальше! «Всего пять часов — и мы у края Солнечной системы. У самой границы нашего дома (!), нашего малого дома. А большой дом вот он — Млечный путь. По-гречески — “Галактика”. До границ большого дома нам не долететь, миледи. Даже свету для этого нужно сто тысяч лет».

Какой гений снимал эти кадры?! Какое счастье, что их можно видеть! Влюбленный парень, преодолевая боль неизбежной разлуки, ночью при свете костра не говорит, а пророчествует перед любимой девушкой, которая — вот она — рядом. Но ее «рядом» так же далеко от него, как и край Галактики. А струнные с гобоем звучат. Звучит музыка XVIII века, как будто Алессандро Марчелло плачет в ином мире об этом юноше и вместе с ним удивляется огромности и красоте Вселенной.

Весь фильм длится всего лишь 18 минут, и как на кончике иглы в нем уместилась целомудренная и безнадежная любовь с той великой тоской, которая во сто крат сильнее эротизма. И поэзия, и музыка, и сияющая корона звездного неба, так пристально изученная таким маленьким человечком! Да что же это была за цивилизация, в которой снимались такие фильмы! И разве не для того они снимались тогда, в 1973-м, при одном сорте колбасы и при отсутствии туалетной бумаги, чтобы мы сегодня, среди примитивного изобилия, нашли их, как раскопанную Троию или как

разгаданные иероглифы?

Продолжай, Буров. Наша Галактика не единственная. Ближайшая к нам — Туманность Андромеды. А дальше — больше. Скопления галактик. 500 галактик в созвездии Девы! 10000 в Волосах Вероники! И целое облако миров в ковше Большой Медведицы! Но самое удивительное — два человека на берегу моря об этом разговаривают!

Он на прощание еще раз говорит ей, что при всей своей огромности Вселенная конечна, но тарыхтит мотор мотоцикла, и урок прерывается.

Такие фильмы нужны, чтобы захотелось молиться. По документам они проходили в категории научно-популярных и должны были популяризовать науку. Но на деле они заставляли человека посмотреть вверх — на звезды, и услышать двойную музыку — гобоя и самих звезд. О, они делали нечто такое, после чего на исторический материализм можно было наплевать. Сначала робко, затем смелее.

И если вы захотите, то найдете немало таких фильмов, снятых для одной цели, но выполняющих совершенно другую. Они были сняты на пленку, а не на цифру, в те благословенные годы, когда пишущий эти строки еще ходил в садик. По утрам зимой, когда еще совсем темно (я помню), звезды мигали в морозном воздухе какой-то азбукой Морзе. Они говорили о чем-то большем, чем астрономия, которую преподают в 10-м классе. Сейчас уже, слава Богу, понятно, о чем. Разве не о том же говорит и восьмой псалом?

Великое искусство смотреть на красоту

Верно ли, что мужчина любит глазами, а женщина ушами? До конца ли верно это, то есть что женщина слепа, а мужчина глух, когда одну уловили шепотом, а другого картинками?

Лукавый Еве шептал в уши, но и она, пристально взглянув на дерево, увидела, что оно приятно для глаз (Быт. 3, 6). Заползал яд в уши — менялось и зрение на мир.

Христа в пустыне враг искушает словами: «сделай», «свергнись вниз», «поклонись». Но и Ему, Безгрешному, показано некое труднопереносимое роскошное зрелище: все царства мира и слава их (см.: Мф. 4, 8). Образ соблазна добавлен к дерзким словам.

Давид пал не от столько от шепота лукавых советников, сколько от увиденного — он посмотрел на купающуюся женщину.

Так что на людей обоих полов враг нападает и словами, и образами, нападает и через зрение, и через слух. Слово и образ врачуют человека, когда это слово Божие и образ Христов. Слова и картинки губят людей, когда это сладкие слова лжи и мультики, нарисованные в воображении чешуйчатым мультипликатором, ползающим во прахе.

Вот почему были у Церкви затворники, приносившие необычную, изысканную жертву: они молчали и не смотрели на мир. Не только на запрещенное не смотрели, но вообще ни на что не смотрели, добровольно умирая прежде смерти.

Это что-то за гранью, это, как и долгие страдания великомучеников, явление, стоящее у порога сознания и не могущее вместиться в него. Обычному человеку не повторить этого, хотя он может молиться словами: «Отврати очи мои, еже не видети суеты».

Смотреть на то, что надо, и не «полагать перед очами вещи непотребной» (см.: Пс. 100, 3) — великое искусство.

В известном библейском рассказе о Лаване и Иакове наглядно показана сила воздействия

зрительных образов на жизнь. Лаван по предварительному договору обещает отдать Иакову пестрых животных из стада. Делает это, зная, что у него все животные с гладким окрасом (см.: Быт. 30). Тогда Иаков снимает полосками кору с тополевых, миндальных, яворовых прутьев и кладет эти прутья (ставшие похожими на полосатый, известный нам, жезл инспектора) в поилку для скота. Самки, приходя туда, пьют воду, глядя на пестрые прутья перед глазами. А самцы покрывают их на водопое. И в результате зримый образ перед глазами самок в момент зачатий проявляет себя неожиданно — потомство рождается с крапинами и пятнами!

Кстати, шлабгаумы, полицейские жезлы и ленты именно поэтому полосаты, пестры. Пестрое привлекает и удерживает внимание. Так по Божиему благословению и природной мудрости (хитрости) Иаков ушел от непростого и тоже хитрого зятя с женами и большим богатством.

На что помотришь, то и родишь. Таков вывод. Циники, жонглирующие сотнями тысяч жизней, знают: при помощи телевизора, например, они могут фаршировать головы демократического электората чем угодно. Зависимые от картинки, люди будут скакать, орать, бесноваться, вооружаться, петь хором, лепить самый большой вареник, красить тротуары и мусорные баки в национальные флаги... Потому что между глазами и сердцем, между любимыми зрелищами и практической деятельностью дистанция минимальна.

Примеры, приводимые из Библии. — это аргумент лишь для тех, кто любит Библию и Бога, давшего ее. На сегодняшний день стоит искать аргументы и доводы в той стороне, которая прямо с Писанием не связана, но людям может быть интересна. Вивьен Ли, сыгравшая в «Унесенных ветром» Скарлетт О'Хара, была сногшибательной красавицей. Истоки этой красоты вполне серьезно приписывали поведению ее матери в период беременности. Семья жила в горном местечке на границе Индии и Непала, и местные женщины советовали беременной матери Вивьен почаще любоваться величественной красотой Гималайских гор. Это, мол, благотворно влияет на дитя.

Почему нет? Не только красоту, но и храбрость, благородство, презрение к мелочной возне, думаю, может родить долгое созерцание гор. Вспомните, какие стихи исторгаются из груди поэтов при виде горных вершин и тучек, ночующих на груди утеса-великана. То же можно сказать и о море, чья стихия пленяет и завораживает, и о звездном небе, и о бескрайних густых лесах — обо всем том, что мы так редко видим. И только одно созерцание новостной нарезки СМИ ничего путного родить не может.

Благородные люди поднимают лицо к звездам, откровения получают на вершине высокой горы, а не у телевизора. Пестрых ягнят зачинают овцы на водопое при помощи хитрости пастуха. У матерей, созерцающих красоту, рождаются красивые дети.

И в хорошем кино, например у Тарковского, есть длинные эпизоды с текущей водой или тихо дышащим пейзажем. Нужно думать, режиссер пробовал исцелить наш взгляд от привычки к мельканию и быстрой смене картин, хотел вернуть зрителя к естественному видеоряду. Но, помню, именно на этих долгих кадрах зрители, привыкшие к боевикам и кинокомедиям, часто вставали и уходили из кинотеатра.

Брачные узы: кандалы или лестница спасения?

К сожалению, сегодня венчание не укрепляет брак.

Известно зашкаливающее, катастрофическое количество разводов вообще, в том числе и церковных браков. Когда брак рушится, венчание никого не удерживает. Загулял мужик или женщина полюбила другого — развод! Или просто они оба взбеленились. И тоже — развод! Или пелена спала с глаз, и они поняли, что друг другу совершенно чужие люди. Прошло полгода, и кто-то из супругов

вдруг себе сказал: «Я не хочу жить с этим человеком». Возникает вопрос: «Зачем венчались?» Отвечают: «Венчались, потому что думали: все будет в порядке».

Церковный брак до крайности девальвирован массовыми разводами. Люди не ощущают святости брака, не ценят его, не смотрят на него как на нечто такое, что бывает раз и навсегда. Поэтому некоторых надо призывать к венчанию, а кого-то, наоборот, отгонять.

Опыт многих священников говорит, кого лучше всего сейчас венчать: людей, которые расписались энное число лет назад, прожили периоды житейских бурь, родили детей, побили все горшки, все друг о друге знают, неоднократно ссорились и мирились. Они уже поняли, что жить будут только вдвоем, никаких «запасных аэродромов» у них нет, им уже лет по 35-40. Они наконец поумнели, повзрослели, стали ходить в церковь. И вот однажды он ей говорит: «Милая, не повенчаться ли нам с тобой?» Она ему: «Ты знаешь, дорогой, я сама об этом думаю давно, только боялась тебе сказать: не знала, как ты отнесешься к этому!» Они приходят в церковь, священник их исповедует, венчает и радуется о них. Когда батюшка венчает уже состоявшиеся браки, это самые приятные и безопасные венчания.

С молодыми людьми ведь как бывает? Они только вчера познакомились, а сегодня на адреналиновом восторге с горящими глазами бегут в первую попавшуюся церковь, чтобы их повенчали. Зачем им венчаться?! Подождите, осмотритесь, узнайте друг друга лучше, чтобы потом не приходиться с просьбами развенчать.

Венчаются для того, чтобы навеки быть вместе, независимо ни от каких обстоятельств, в болезни и в здоровье. Как в католической клятве венчания сказано: «Я беру тебя себе в качестве супруги (или супруга) и обещаю тебе верность в старости и в молодости, в болезни и в здоровье, в богатстве и в бедности. Помогите мне, Боже и все святые. Аминь». В православной практике нет такого клятвенного обещания в венчании, а, может быть, оно и не помешало бы.

Сейчас на венчании жених и невеста, думаю, понимают всего пять процентов слов из всего «Чина венчания». Священник читает, диакон поет, хор подпевает, а что они слышат в это время, что понимают?! Да ничего не слышат!

Одного человека повенчали. А потом его священник спросил, что он слышал из чина. Оказалось, ни одного слова не слышал. Хотя этот молодой человек был пономарем, и Требник ему был известен, и тексты «Чина венчания» он хорошо знал, ведь они с супругой церковными людьми были, и священник хороший венчал... Но даже и он ни одного слова не слышал. Следовательно, и не понимал. А нецерковные люди, приходя венчаться, тем более не понимают, что с ними происходит: зачем они пьют вино, почему ходят по кругу, зачем у них свечи в руках, зачем им что-то на головы надели, что-то спрашивают, поют: «Исайе, ликуй: Дева име во чреве», «Святити мученицы, добре страдальчествоваше...» Перечисляется куча еврейских имен: Авраам, Сарра, Исаак, Ревекка, Моисей, Сепфора...

Сейчас мы, слава Богу, крестим людей с подготовкой, без подготовки крестятся редко. Проходят катехизацию крестные родители и сами крещаемые, если это взрослые. Точно так же нужно работать и с венчающимися людьми. Есть полезная рекомендация для людей, которые любят друг друга и уже подумывают о будущем венчании. Надо, чтобы они походили на чужие венчания: постояли, посмотрели со стороны на то, как это таинство происходит, прислушались к тексту молитв, которые читаются над брачующимися, помолились, кстати, за чужую супружескую пару, может быть, им совсем не известную, попросили у Бога для них верности, долголетия и здоровья. Им это так было бы полезно!

Венчание — очень насыщенное, красивое таинство, это богатая молитвенная практика. Но молитва эта как-то пролетает мимо, не оставляя в душе никакой зацепки, только остается фактом, что «мы венчались».

Венчание сегодня не спасает от разводов. Разводы — это же не один какой-то частный случай, это миллионы людей, которые не боятся вступить в брак и потом развестись, поломать свой брак — и вступить в новый еще раз. И повенчаться еще раз. Не боятся люди: у них страха нет. Они не осознают брачной уникальности, поэтому не боятся ее потерять, а она разрушается. И возникает вопрос: нужно ли было венчаться? Может быть, не нужно? Может быть, лучше меньше, да лучше? Может быть, надо как-то «просеивать» людей?

Был такой случай. Одного священника позвали домой причастить и исповедовать человека, больного раком. Это была пожилая пара, которая уже 40 лет жила вместе. Священник уединился с супругом, и он, человек не мистический и не религиозный, рассказал, что буквально день тому назад перед ним растворились стены, и он увидел что-то наподобие «Троицы» Рублева и услышал: «Готовься, ты скоро умрешь!» И он тут же спросил: «А как же моя жена? Что будет с ней?» И услышал: «Она тебе никакая не жена». Тут же видение исчезло. Батюшка потом повенчал эту пару. А рассказывал эту историю как пример того, что для Бога даже и такой долгий и верный брак не был браком, если он не венчан.

Рассказ очень интересный и напоминает разговор Христа с самарянкой. Спаситель тогда сказал ей: «Пять мужей ты имела, и тот, который у тебя сейчас, тоже тебе не муж». Однако нужно подчеркнуть: если венчания не было потому, что люди не принадлежат к Православной Церкви, а принадлежат к другой религии или вообще нерелигиозны, но у них есть взаимная любовь, взаимное согласие, дети — а это общий крест и общая ноша, — то такую жизнь блудом считать не следует. Это тоже брак.

Жизнь большинства наших бабушек и дедушек прошла в годы советской власти. Какой процент венчанных браков был тогда? Да минимальный — 2-3 процента! И что же, все они блудники? Все, кто сейчас живет, что, от блуда родились? Может быть, кому-то посчастливилось иметь прекрасную бабушку, которая во внуке или во внучке души не чаяла и больше любви вложила, чем мама родная; может быть, и читать научила, и весь мир научила любить. Или был прекрасный дедушка-фронтовик или, может быть, просто честный труженик, хороший человек. И жили они долго вместе, рука об руку. Они что, блудники? Язык не поворачивается называть всех их блудниками.

Церковный человек знает, кто такие блудники. Блудников хватает в жизни, часто даже и венчанных. Не перепутать бы эти вещи. Рассказ о явлении строгого Ангела принимается. Только нужно иметь в виду, что частные откровения — это частные откровения, это не норма для всей полноты Церкви. Например, если духовник сказал: «Не ешь вареные яйца по понедельникам», это не значит, что он сказал это всему человечеству и всем нужно так делать. Он сказал одному своему духовному чаду, лично. Есть частные благословения и частные откровения. То есть сказал Бог что-то о ком-то кому-то. Бывает так: сказано тебе, а ты всем скажи. А бывает и так: сказано только для тебя. Поэтому из отдельного случая не всегда можно сделать общий вывод, касающийся всех людей вообще.

Например, супруги прожили 46 лет вместе и решили повенчаться. Это приятно: он старичок, она старушка. Внуки возле них, правнуки уже в дороге — прекрасно! Так трогательно! Но тут тоже вопрос: зачем венчать такие пары? Может, не нужно? Очень даже нужно! Это корни, которые священник поливает для того, чтобы распустились ветки: дети, внуки и правнуки. Вот это хороший брак. А все остальное непрочно.

Что такое брак для современного безбожного человека? Это вишенка на тортике, это красивый обряд, не более. Она ему говорит: «Я хочу быть в роскошном белом платье», а он ей: «А я в дорогом костюме. И чтобы нас фотографировали с восемнадцати ракурсов. Подарков нам надарят. Да не только фотографии, фильм сделаем. А потом — в свадебное путешествие. И тоже фильм». Это так интересно — смотреть кино про себя!

Не нужно начинать супружескую жизнь с ультиматума: «Только венчание, и больше никак».

Если молодой человек берет избранницу замуж, согласен расписаться, дать свою фамилию, но пока еще не готов венчаться, нужно выходить за него замуж. И идти за него в надежде на полное скрепление, в том числе уже и благодатным венчанием. Это тоже будет брак, но невенчаный.

Есть мнение, что брак без венчания — это блуд. Это неправда. Брак без венчания — это брак. Только без венчания. Вспомним, как говорится в Евангелии о браке в Кане Галилейской, на который пришел Христос, освятив его Своим присутствием и совершив первое чудо. Там говорится, что «брак бысть» в Кане Галилейской; не говорится: «блуд бысть».

Нельзя же называть блудом любой брак неверующих людей. Эти супруги не венчаются, потому что не имеют веры, но тайна соединения двух людей в одну плоть присутствует.

Молодой человек не хочет венчаться по каким-то причинам. Какие это могут быть причины? Возможно, он еще не крепок в вере и не хочет, чтобы для него венчание было формальностью, а оно будет для него формальностью, если он не очень верит. Бывает, что в семье кто-то верит больше, кто-то — меньше. Воцерковленная девушка верит больше, а нецерковный молодой человек — меньше, но он не запрещает ей ходить в храм, расценивает это как хорошую черту в ее жизни, хотя сам пока еще не готов быть таким же церковным. Надо уважать человеческую веру. Таинства ведь совершаются по вере. Вера — это неременное условие благодатности и крепости любого церковного таинства. Поэтому к такому благородному неверию или маловерию нужно отнестись с уважением.

Еще, возможно, он боится ответственности, поэтому не хочет венчаться. И в этом нет ничего страшного, это можно принять. Однако молодым стоит проверить свои чувства: любят ли они друг друга? Если согласны прожить вместе всю жизнь — что ж, с Богом! А все остальное со временем устроится. Главное — чтобы муж был не пьющий, не наркоман, не имел за спиной предыдущих браков и детей от них, потому что у него будет разделенное сердце и жене с этим будет тяжело жить. Нужно, чтобы он был тружеником, не боящимся работы, умеющим обеспечить семью. И чтобы он не мешал жене ходить в храм.

Вот нехитрый набор нормальных качеств того, за кого можно выйти замуж: работает, не пьет, в церковь ходить не запрещает, хочет иметь детей (это очень важно!). Все остальное приложится, потому что православие современного православного молодого человека совершенно не гарантирует, что это нормальный молодой человек. Он может быть православным — и нахлебником: сидеть на шее у родителей, например, или у своей жены. Он может быть развратником и изменять. Он может быть холоден к жене, может не любить ее, а жениться ради прописки, например. То, что он православный, ничего сегодня не значит — при нынешнем-то состоянии нашего благочестия!

Один из самых частых вопросов, который задает себе церковная девушка перед тем, как решиться на замужество: достаточно ли только духовного единения или какое-то место должно иметь плотское чувство? Так вот — непременно должно быть плотское чувство! А как без него? Зачем тогда выходить замуж? Чтобы вместе читать Большую советскую энциклопедию? Муж и жена должны любить друг друга, любить душой и телом. Плотское чувство — это великая красота. Эта сторона жизни — великая красота и великая тайна, которую подарил Бог человеку. Чрезвычайно великая красота и великая тайна. Люди, которые этого не понимают, которые опаскудили свой ум и совесть и грязными глазами смотрят на брак или втаскивают в брак какую-то половую нечисть, — это несчастные люди. Это люди, которые ничего в жизни не понимают.

Отношения между мужчиной и женщиной удивительно красивы и чрезвычайно таинственны. Поэтому вам нужно полюбить своего мужа, выйдя за него замуж. Жена не может любить своего мужа, не выйдя замуж за него. Как аппетит приходит во время еды, так и любовь приходит во время совместной жизни. Нужно прилепиться всею душою и всеми помыслами друг к другу до неразрывности и пить из этой чаши мед супружеских отношений с благодарностью к Богу. И относиться как к большому подарку.

А воцерковленный мужчина задумается, например, вот над чем: стоит ли добиваться девушки, если она не отвечает взаимностью? Вопрос очень важный и интересный. Бывают случаи, когда люди влюбляют в себя свою половину. «Моей огромной любви хватит нам двоим с головою», — поет Земфира. Если его любовь такая жаркая, как печка, такая большая, как горы Кавказа, то она вовлечет в свой вихрь. А нет — так нет, значит, нужно оставить девушку в покое. Пусть она ищет именно свою вторую половину. Значит, влюбленный в нее мужчина не совпадает с ее мечтами.

Или, например, рассмотрим такой мужской вопрос: как выбрать будущую жену? Что значит выбрать? В магазине, что ли? Раньше на невольничьем рынке можно было выбирать себе женщину. У нее обязательно проверяли зубы. Дело в том, что крепкие зубы — это признак здоровой костной системы. Если зубы кариесные, значит, и косточки хрупкие. Раньше рабов так и выбирали: мышцы щупали, зубы смотрели, смотрели между пальцами, чтобы не было грибка. В общем, это тяжелый труд — выбор, тем более спутницы жизни.

К этому мужскому вопросу прибавляется еще один: стоит ли выбирать подругу жизни или она сама придет? Не придет она никогда и никуда! Ты что, мужик, будешь сидеть и ждать: «Счастье вдруг в тишине постучалось в двери. Неужель ты ко мне? Верю и не верю...» Надо искать, присматриваться, прислушиваться. Бывает и так: красавица, а рот раскрыла — и все цветы завяли. Бегом нужно от такой, со всех ног! Платон говорил: «Заговори со мной, чтобы я тебя увидел». Человек не видит человека, пока тот не заговорит. Снаружи — картинка. А что у этой красавицы на сердце, в голове? Сейчас все красиво одеваются: тряпки дешевые, косметика доступная. Люди за собой следят, люди стали холеные. Кому сейчас под 50, те помнят, какая у них была юность. Другая совсем! Другой выбор товаров, другие возможности для отдыха, досуг другой был.

А сейчас не только холеные, яркие, но и ничего не боящиеся, раскованные. Хочешь—джинсы с дырками надены, хочешь — на голове устрою непонятно что. Никто никого и ничего не стыдится. О том, о чем про себя говорить стыдно, вслух кричат. Обязательно нужно присматриваться. Самые настоящие сокровища ведь с виду неброские. Хорошие девочки — почти всегда незаметные. Их действительно надо искать. Такая будет из стыдливости стоять в тени. А ты, мужчина, присмотришься к ней как художник. Ведь художник в глыбе мрамора видит скульптуру. Мужчина должен уметь увидеть в женщине подлинное.

В «Письмах старца Паисия к мирянам» рассказывается такая история. Некий человек женился и прислал ему фотокарточку: посмотрите, мол, старче, какая у меня красивая жена. А он и говорит: «А на некрасивых кто жениться будет? Тоже мне, нашел, чем похвалиться! Выбрал себе красивую и хвалится! Взял бы простенькую в жены, полюбил бы ее, и тогда бы хвалился. А некрасивые, думаешь, замуж не хотят? Подумай, куда тем деваться, которые менее красивые, чем остальные? Им что, сначала плакать-тосковать, а потом в грехи тяжкие пускаться? Христиане должны брать себе простеньких жен. Хороших, простеньких». Красавица одна не останется. Хотя, конечно, красота отцветает, долго не держится, но в любом случае красавицам-то полегче.

Надо присматриваться к людям. Очень много незамеченных хороших людей. Дух нашего времени в том, что пустозвонство, глупость и наглость лезут в глаза без всякого спроса. А хороших людей не стало меньше, просто они оттеснились на периферию. Каждый человек может быть калифом на час — для этого создана индустрия развлечений, ток-шоу, телевизор, Интернет, клубная жизнь. И пенится вся эта срамота, а хороших не видно, хотя их очень много.

Правда без добра — ложь, а красота без истины и добра — лишь ловушка

Нелегкое это дело—говорить и думать о добре. И чем проще оно кажется, тем более угрожает сломать зубы тому, кто укусит этот «бублик» смело и без подготовки.

Есть две главные заповеди: всецелая любовь к Богу и любовь к человеку как к себе самому. Любить человека нужно только частично — как себя самого, а Бога всецело—умом, душой, сердцем. И сначала нужно полюбить Бога, а только потом — человека.

Это не математика, где перемена мест слагаемых не имеет значения для результата. Здесь от перемены мест все меняется кардинально.

Очень легко можно соблазниться любовью к человеку как главной заповедью. Еще бы, ведь человека видно — вот он! Грей его и питай его! А Бога, мол, «никто - же виде нигдеже». Оттуда рукой подать и до забвения о Боге вообще или до сомнения в Его существовании. Дескать, «мы ближнего любим, а остальное нам неведомо», за любовь к человеку и помилованы будем (если что!). Однако история не дает права легкомысленно относиться к этой теме.

Что такое теоретический коммунизм? Это горячее человеколюбие к абстрактному человеку при полном неверии в Живого Бога.

«Бога нет, но человека любить надо», — вот весь коммунизм, данный на блюде. Каким образом эта безобидная на первый взгляд формулировка превращается со временем в идейную базу для создания концлагерей и репрессивных государственных машин — отдельная и непростая тема. Но очевидно, что усилия любви к человеку без одновременных и приоритетных усилий любви к Богу (хотя бы уж памяти о Нем!) есть движение в тупик идеологически обоснованной антропофагии.

Кто из людей не хочет добра? Все хотят! Но добро человеческое то кисельно-жидкое, то такое многоликое, что поневоле тоска берет. Необходимы новые критерии.

Блаженный Августин сказал, что «добрый творит добро, ибо ищет добра». Это всем ясно. Но «злой человек тоже творит зло, потому что тоже хочет добра»! Он хочет не подлинного, объективного, а «своего добра», ложно понятого, горбатого.

Люди обрастают коррупционными связями «ради будущего детей», лезут в чужую постель, чтобы «пожалеть одинокую женщину», поднимают вооруженную руку на представителя иной веры (расы, народа), чтобы «своих возвеличить, а чужих уничтожить». Они уверены, что правда на их стороне.

Есть свой остаточный нравственный кодекс и у мафиози. Есть он и у тех, на ком нет места для лишнего клейма. Поневоле затоскуешь о критериях.

Чтобы избавиться от марева ложных «добрых привидений», философ Владимир Соловьев предлагал мыслить триадами, а точнее — соединять слово о Дobre со словом о Красоте и Истине. Это действительно помогает. Например, правда без добра — это ложь. Человеку по телефону (или по телевизору) «доброжелатель» злорадно сообщает некую правду, чтобы убить его новостью. Очевидно, что «доброжелатель» не любит этого человека. Он просто говорит ему то, от чего заболит его сердце, а сердце «доброжелателя» — подлое — возрадуется. Это разновидность злой истины, в которой нет Добра. А Красота без Истины и Добра есть лишь ловушка и прикрытие разврата. Присмотритесь к живым портретам некоторых записных красавиц, чтобы не ходить далеко за доказательствами. Итак, если мыслить триадами, можно во многом разобраться.

Чтобы не ошибиться с добром и вместо ладана не вдохнуть пары аммиака, нужно помнить, что все в мире имеет источник, свое начало. Что касается нравственных понятий (добра, истины, красоты),

то они рождаются не от атомов или химических реакций, а от Личности.

Кто не хочет добра? Это, конечно, риторика. Но ответ один: все хотят. Не следует забывать, что у добра есть Живой Источник — Господь. Если эту простейшую, но и важнейшую мысль упустить, то легко при благих порывах стать идолопоклонником.

Современные люди — дети демократической (не к столу будь сказано) эпохи. Но если представить, что вдруг все встали перед Царем? Ничего, кстати, сложного не нужно, чтобы представить это. Холуи всего мира на каждом шагу стоят перед мелкими начальниками так, как будто перед ними находятся сразу три царя.

Вот, все человечество встало (пусть и в воображении) перед царем (любим, но настоящим) и... восторгается складками его одежды и блеском его короны. При этом самому царю не оказывают никакого внимания.

Его будто и не видят, только охают и ахают: «Ах, какой перстень! Ох, какие пряжки на туфлях!»

Это похоже на оскорбление величества (во всех монархиях доньше — тягчайшее преступление). Оскорбляет величество восторг перед мелочами и пренебрежение главным. Вот так же люди часто склонны оскорблять Величие Божие, даже не замечая этого.

Например, один говорит, что верит в любовь, красоту, справедливость. Говорит так, как будто это автономные понятия, а не атрибуты Божества. Совершенно естественно сказать: «Я верю в Бога, следовательно, верю в любовь. Я верю в вечность и красоту потому (и только потому), что верю в Бога». Но неестественно верить «просто в вечность». «Просто вечность» без Бога страшна. Из холодных льдинок слово «вечность» собирал в ледяном дворце пленный мальчик Кай.

И «просто красота» без Бога двусмысленна. Она способна раздавать пощечины общественному вкусу, потом превращаться в «Черный квадрат», а потом воскресать в Манеже кощунственными опусами какого-нибудь концептуалиста. И это еще не конец. Вспомните, как Митя Карамазов сказал брату Алеше: «Для многих именно в Содоме и есть красота». А содомская «красота» ни в какой Правде и Истине не нуждается.

Стоит прочувствовать всю серьезность этой темы, поскольку это тема веры как таковой и идолопоклонства, вере противостоящего. Эта тема требует мысленных усилий. Именно этого и ждет эпоха. А иначе, как горько шутил тот же Соловьев, рождаются максимы типа: «Люди произошли от обезьяны, поэтому мы должны любить друг друга».

Вера в Бога предполагает культивирование всего доброго, от Бога исходящего и в Нем имеющего совершение. А вера во что угодно, даже очень хорошее (нация, наука, семья), без соотнесения этой веры с Единым Бессмертным, неумолимо превращается в разновидность служения идолам. Идолы, между прочим, всегда кровавы и требуют жертв, поскольку не самобытны и живут приношениями извне.

Идолопоклонство вообще не есть стояние на коленях перед Зевсом или Венерой. Это служение ложной идее и превознесение ложных ценностей. Притом, что в Европе сегодня нет, слава Богу, капищ Астарты или Дагона, Европа вот уже несколько столетий является подлинной фабрикой идолов. Именно так ее называл преподобный Иустин (Попович).

Если человек узнает себя в любителе «голой истины» и поклонниках «чистой красоты», ему стоит переосмыслить свою любовь. Переосмыслить то, как она относится к Богу и связана ли с Ним.

Очень много в мире гордых поклонников автономной истины и развратных любителей автономной красоты. А добра подлинного, теплого, как свет в окне, и пахучего, как свежесваренный чай, не хватает. При этом в кого ни ткни, всяк уверен, что в чем в чем, а в добре-то он толк знает, «потому что сам человек добрый и никому, кроме добра, ничего не сделал».

Нужно думать о добре внимательнее и говорить больше, чтобы не путаться в трех соснах и не плакать с опозданием.

«Со страхом Божиим и верою приступите!»

Не все молящиеся причащаются за каждой службой. Даст Бог, настанут времена, когда после слов священника: «Со страхом Божиим и верою приступите!» — к Чаше будет идти подавляющее большинство молящихся. Но и тогда останется кто-то, кто не может причаститься по состоянию здоровья, или удержанный епитимьей, или по другой причине. О чем думать и о чем молиться человеку, который не причащается сейчас сам, но видит других братьев и сестер, со скрещенными на груди руками приближающихся к Чаше?

Во-первых, стоит радоваться о причащающихся людях. Нужно молиться о них, да будет им причастие Святых Таин не в суд и не в осуждение, но в умножение веры, в исцеление души и тела, во всецелое освящение. Молиться — всегдашняя обязанность, равная обязанности всегда дышать. Но молиться о других — дело любви, и нужно чаще расширять свое сердце, вмещая в него чужие нужды.

Во-вторых, глядя на других, человек невольно вспомнит и о себе. Вспомнит и попросит о том, чтобы Господь «не лишил и меня причащения Святых Таин». Попросит о том, чтобы причащаться достойно и не- осужденно, точно так, как говорит священник: «Со страхом Божиим и верою». Это будет истинное приготовление к Причастию. Ведь «приготовиться» не значит только перед службой вычитывать положенные молитвы. Готов тот, кто часто думает о достойном причащении Христу, хочет этого единства, молится о нем чаще, чем того требует церковная дисциплина.

В-третьих, у каждого есть люди, которые дороги сердцу, но в самом главном — в вере — не согласны. Если они не крещены, то нужно молиться о них на ектенью «об оглашенных». Но если они крещены, но не воцерковлены, самое время молиться о них во время Причащения. «И их призови, Владыко. И их сподоби напитаться Бессмертной Пищей. И к их сердцам прикоснись, да будем вместе — они и мы — перед Лицом Твоим».

Эти и другие подобные молитвы пусть рвутся к Небу в то время, когда хор поет «Тело Христово примите, Источника Бессмертного вкусите».

Надо ли напоминать, что время Причащения, даже если человек не причащается, — это не время выхода из храма или хождений внутри него, не время разговоров или прочих праздных занятий? Небо отверсто! Христос питает Своей Плотью и Кровью верных! Совершается Пиршество веры и таинственное очищение любезных Господу душ!

Это время внимательной и горячей молитвы, как для тех, кто приближается к Чаше, так и для тех, кто почему-то сегодня лишен приобщения.

Великие пророчества в художественной литературе

Можно сказать, что сердце перегоняет кровь, а печень вырабатывает желчь. Но нельзя сказать, что мозг рождает мысли. Совершенно неизвестно, откуда они берутся, мысли. Тем более когда речь идет о словах, приоткрывающих завесу над будущим, словах, выходящих далеко за пределы времени, в котором они были произнесены. Когда святой человек очищенным умом стоит на страже у входа в свое сердце, он может порой слышать Божии слова, обращенные к нему лично. Бог ищет таких людей. Ему нужно найти кого-то одного среди многолюдства, чтобы, разговаривая с одним, обратиться ко многим. Таков закон, и его стоит повторить: Бог ищет одного, чтобы через него говорить со всеми, влиять на всех. Таков был праведный Авраам, таков был пророк Моисей, таков был апостол Павел.

Но есть другие случаи. О них сказано: «Неужели и Саул во пророках?» (1 Цар. 10,12). Это говорится в тех ситуациях, когда пророчествует человек непостоянный, верный не до конца, не умеющий оправдать призвание. Пророчествовать способен, к примеру, Каиафа. Он предсказывал Искупительную смерть Иисуса Христа, не понимая своих собственных слов. Эта последняя разновидность пророчеств повторяется часто и не связана только с архиерейским чином.

Подобным пророчествам уютно в литературе и поэзии. Работники этого цеха нередко дописываются или договариваются до таких вещей, которые не входили в их непосредственные творческие планы и которые могут быть верно истолкованы только с высших позиций, с позиций исполнившихся пророчеств. В «Буколиках» Вергилия христиане увидели предвосхищение Новой эры, эры Христа. Там, где римлянин читал: «Мальчик, мать узнавай и ей начинай улыбаться» («Буколики», IV. 60), он, вероятно, не выходил умом за пределы трогательных представлений о семье и о нежности, царящей между матерью и ребенком. Христиане увидели в подобных отрывках словесную икону «Умиление». Имели ли они на это право? Нет ли в подобных прочтениях натяжки? Судите сами, но для большей полноты исходной информации стоит познакомиться с отрывками одной из ранних статей Андрея Платонова.

Статья называется «Душа мира», и говорится в ней о материнстве. Вернее, о вечной тайне материнства в связи с ожиданием полного обновления мира. Автор был в те годы восторженным поклонником идеи социального переустройства, революции. Платонов пишет: «Некому, кроме ребенка, передать человеку свои мечты и стремления, некому отдать свою великую обрывающуюся жизнь. Некому, кроме ребенка. И потому дитя — владыка человечества». То, что дитя — владыка человечества, вполне уместно звучало бы из уст волхвов, пришедших к Христу с дарами, или из уст епископа, проповедующего с кафедры в Рождественскую ночь. Прочтем еще: «Женщина осуществляет ребенка, своею кровью и плотью она питает человечество».

«Если дитя — владыка мира, то женщина — мать этого владыки, и смысл ее существования — в сыне, своей радостной надежде, творимой сыном». Стоит лишь написать в этом тексте «сын» с большой буквы, и получится совершенно христианский смысл.

Но пойдем дальше: «В женщине живет высшая форма человеческого сознания — сознание непригодности существующей вселенной, влюбленность в далекий образ совершенного существа — в сына, которого она уже носит в себе, зачатого совестью погибающего мира, виновного и кающегося».

Эти слова рождены верой в эволюцию, в грядущее улучшение человека. В них—наивное признание того, что якобы каждое поколение людей ценно не само по себе, но лишь в качестве ступеньки для восхождения потомков или в качестве гумуса для будущих растений. Но согласитесь, в этих страстных строках есть нечто от прозорливости. Автор утверждает веру в тот самый момент, когда вера кажется отброшенной за ненадобностью. Саму лексику автор берет неосознанно у веры и Евангелия. Его сострадательный пафос, надо думать, родом оттуда же.

«Но что же такое женщина? Она есть живое, действенное воплощение осознания миром своего греха и преступности. Она есть его покаяние и жертва, его страдание и искупление». Итак, по Платонову, мир через женщину осознает свою греховность, в ней страдает за грехи и через нее получает искупление.

«Женщина—искупление безумия вселенной. Она — проснувшаяся совесть всего, что есть. И эта мука совести с судорожной страстью гонит и гонит все человечество вперед по пути к оправданию и искуплению.

Перед взором улыбающейся матери отступает и бежит зверь».

Женщины бывают разные, и Платонов знает это не хуже нас. Есть Иродиада и Иезавель, есть Крупская и Коллонтай, есть мадам Бовари и госпожа Каренина. Вряд ли о них думал Платонов,

называя женщину «проснувшейся совестью» и прочими высокими словами. Существует огромное число женщин, которые не «искупают безумие вселенной», а увеличивают его. Есть вообще только одна Непорочная в женах и Благодатная, к Которой могут быть отнесены возвышенные прозрения и обобщения автора. Пафосные речи молодого автора ярко подтверждают мысль о том, что связь человечества с христианством может быть прочнее, чем кажется, и некоторых строк иначе не написать, как только будучи крещеным и помнящим из детства свет лампадки в углу перед образами.

Но лучше снова предоставить слово неверующему проповеднику: «Женщина тогда женщина, когда в ней живет вся совесть темного мира, его надежда стать совершенным, его смертная тоска.

Женщина тогда живет, когда желание муки и смерти в ней сильнее желания жизни, ибо только смертью дышит, движется и зеленеет земля. Нет ничего в мире выше женщины, кроме ее ребенка. Это она знает и сама. Ибо в конце концов женщина лишь готовит искупление вселенной. Свершит же это искупление ее дитя, рожденное совестью мира и кровью материнского сердца».

Говоря о ребенке, Платонов всюду говорит о «сыне», которого мне лично так и хочется написать с большой буквы. Хотя по части крови, боли, страхов и трудов вынашивание и рождение девочки ничем от вынашивания и рождения мальчика не отличается, автор везде пишет о «матери и сыне» и нигде о «матери и дочери». Это не гендерная несправедливость. Это дань Слову Божьему и благодати, просочившейся в сердце. Там, в сердце, благодать может продолжать жить и действовать даже тогда, когда голова напичкана идеями, отказывающимися благодати в праве на существование.

Когда соvestливый человек взволнованно и горячо говорит о том, что его тревожит, слушать его нужно внимательно. Его слова способны вырваться далеко за пределы предполагаемого смысла и открыть нечто новое, нечто такое, с чем автор сам не согласился бы, но что, однако, утверждает против воли.

Литература, прочитанная под этим углом зрения, может преподнести много удивительных и неожиданных подарков.

5. Тяжелые гроздья

Разгневайся, человек, сам на себя и исправься!

Святые отцы, например, Исаак Сирийский или Петр Дамаский, говорят, что в человеческой душе есть три силы: вождления, раздражения и гнева. Значит, гнев — естественное движение души. Но всегда ли? Или есть гнев, который естественным никак не назвать?

Есть такой. Он тогда действует в грешнике, когда исполняется не его воля. И не хочет грешник смиряться с этим, оттого и ярится, кричит, сжимает кулаки, ругается. Гневается также на тех, кто, как ему кажется, виновен в неприятностях, или просто на тех, кто попался под руку. И душа выплескивает в это время огромное количество разрушительной энергии.

Сам по себе гнев — это сила души, которая присуща человеку естественным образом. Она присутствует в человеке органически, только нужно научиться ею пользоваться. У Иоанна Лествичника есть такая мысль: памятозлобствуя, памятозлобствуй на бесов, а гневаясь, гневайся на себя, то есть на плоть свою, до смертного исхода. Если на самого себя обидеться, то будет очевидная польза. Скажем, человек взял и обиделся на себя. За лень, например. И каждое утро в наказание себе встает в полсельского и полчаса делает зарядку. Пусть наказывает себя теперь таким образом. Это будет прекрасный вид памятозлбия и очень хорошая обида. «А на тебе! А получи-ка! Вот не будешь есть по два пирожных, а по половине!» Так и говорит святой: разгневайся человек сам на себя и исправься.

Гнев дан человеку для того, чтобы исправляться, чтобы самого себя не любить и обращать на себя свое справедливое негодование, имеющее рамки. Здесь тоже должны быть рамки.

Говорят, что гнев — это реакция на несправедливость. Конечно, это реакция на несправедливость, на то, как мы ее понимаем. Каждый человек понимает несправедливость по-своему. Люди могут быть похожи в этом понимании несправедливости, а могут быть не похожи друг на друга. Но часто, когда люди сами себе позволяют быть несправедливыми, они это мало замечают, и гнев не действует.

Гнев может быть более свойствен открытым натурам. Есть натуры подлые, имеющие змеиную душу, — такие могут таить свои чувства и ждать удобного случая, чтобы укусить. От этих бурных эмоций не жди. А человек гневный — это человек, образно говоря, живущий на поверхности сердца. Он выбрасывает из себя тут же все, что есть. Нельзя сказать, что это хорошо. Нельзя сказать, например, что змея лучше бешеного буйвола, который все ломает вокруг себя.

Некоторые так и извиняют себя: мол, быстро вспыхиваю и быстро отхожу. Это не извинение, а безобразие. То есть если ты, человек, быстро вспыхиваешь, ты можешь натворить много бед, пока не потухнешь. Ты можешь покалечить находящегося рядом. Если вспыхнешь за рулем, можешь уехать не туда. А если занимаешь ответственный пост? А если сидишь за штурвалом сложной техники? Одним словом, отходчивость — не извинение.

Раздражительность и приступы злости должны быть управляемы. То есть нужно учиться себя сдерживать. Это культурный код всех великих цивилизаций. Это вместе с тем и подлинная аскеза.

Великие культуры всегда воспитывали в себе этос внешней сдержанности. Монарху не подобает кричать, краснеть, стучать кулаками по спинке кресла, топтать ногами. Какой царь в какой системе ценностей может себе это позволить? Только в спальне на жену или шута накричать. Да и то нехорошо. А на троне, в короне монарх должен быть воплощением спокойствия.

Однако владеть собой должен не только царь, но и каждый человек. Офицер должен владеть собой? Должен. А доктор? Конечно, должен. В экстремальной ситуации, если что случится, не дай

Бог, врач должен принимать холодные оперативные решения. Если он будет бегать, как курица, туда-сюда, то что это за доктор? Подавляющее число людей серьезных профессий (даже, наверное, и менеджер), скажем, в экстремальной ситуации, должны оценить ситуацию и взять себя в руки. Капитан корабля не может быть истериком.

Любая серьезная культура, любая ответственная профессия предполагают, что человек будет себя сдерживать. Смелый ведь тоже боится, просто он умеет сдерживать себя на десять секунд дольше, чем трус. Трус испугался и убежал, а смелый сдержал себя, и этих десяти секунд ему хватило, чтобы одержать победу в сложной ситуации. Нужно воспитывать волевые качества. Нужно терпеть боль, нужно терпеть обиду, нужно терпеть несправедливость, к которой ты непричастен.

Девушка обязательно должна научиться владеть своими эмоциями. Если она будет бросаться на шею того, кого полюбила, то рискует сменить много постелей, а замуж так и не выйти, потому что доступная женщина никому не нужна. Стараться сдерживать себя — значит учиться вести себя правильно. Правильное поведение говорит о том, что у человека есть загадка, тайна. Это привлекает других людей, потому что они любят разгадывать загадки. Внутренний мир человека не должен быть адекватен внешнему. Нельзя все выплескивать наружу, нельзя. Поддаваясь гнев, человек теряет свою тайну. Вернее, обнаруживает, что никакой тайны в нем и нет.

Человек в гневе слишком распахнут. Он как раскрытый кошелек, как незастегнутая сумка, как незапертая дверь, как машина без сигнализации. Ну что это такое? Это прорва эмоций. Словом, гневаясь, человек теряет все свое содержимое.

А что такое праведный гнев? Он есть? Есть. Праведный гнев — самая страшная вещь на земле. Это образ и подобие праведного гнева Божия. Увидеть разгневанного праведника, может быть, самое страшное явление в человеческой жизни. Если человек допросился до такого, то он попал в большую беду.

Может ли человек, обычный человек, испытывать подобный праведный гнев? Оказывается, может. Когда на его глазах совершается нечто ужасное. На Востоке говорят: «Страшный Суд близок, если женщину насилуют на улице, и никто не вступится за нее среди белого дня». А если вступится, то ведь не с уговорами о прекращении насилия, а с гневом. Притом — крайним.

Так, если человек вмещивается в явную несправедливость — насилие над ребенком, унижение седины, разорение святынь, — и вступается, чтобы восстановить справедливость, то он имеет право гневаться. Его гнев праведен.

«Вставай, страна огромная!»—это реально страшная песня, которая поднимает из глубины души мощную волну энергии. Справедливый гнев — это если человек не напал первым. А кто напал — пусть боится.

Женщина, защищающая своих детей, всегда права. Если совершается что-то над ее детьми, она, как львица, нападает на тех, кто им угрожает. И в это время она страшна. Мужчина, защищающий с оружием свой дом, — страшный человек. Он имеет право защищать свой дом, свою семью, тех, кто у него за спиной. Его гнев справедлив, и с ним страшно воевать.

Но вернемся от вещей особых к быту, и от войны — к миру.

Насколько вреден гнев, известно тем, кто умеет молиться. Если, например, кто-то искренне молится, он знает, что после молитвы к нему приходит мир. И он также знает, что ничем так быстро этот мир не уничтожается, как вспышками гнева. Гнев, как знойный ветер, иссушает в душе все благие плоды.

Он обычно приходит внезапно, он врывается, как ветер в форточку. Поводом часто бывает что-то совсем незначительное. Но, придя, он уничтожает все благое, накопленное в человеке. Начальники,

в подчинении которых находится множество людей, должны это знать, но они обычно себя извиняют. Большинство реплик, сказанных начальником в гневе, не поддаются стенограмме. Люди с двумя-тремя высшими образованиями нормальные слова вставляют только для связки, а все остальное — матерная речь. Вот начнет ругаться человек в гневе, пусть он будет даже академик, — и переходит на мат. Что люди говорят в гневе, это просто ужас. Они, как во время шторма, выбрасывают со дна своей души всю гадость, которая там находится.

Связь гнева и мщения

Вариация на тему «Шинели» Гоголя

В Акакия Акакиевича нагло отобрали шинель! А он в нее душу вложил! Он, можно сказать, на время в настоящего Пигмалиона превратился, в творца и кудесника, чтобы из коленкора, ваты и кошки (которую издали можно было принять за куницу) сотворить свою Галатею...

Ведь он же и голодал по вечерам, учась питаться духовно, то есть нося в мыслях вечную идею о своей будущей шинели. И когда она легла ему на плечи, только что сшитая, только из рук портного, как Афродита — из пены, как живая и красивая женщина из мертвого и холодного мрамора, то радовался Акакий Акакиевич так, словно он женился. Гоголь прямо говорит, что радовался он так, словно «он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу». И вот эту шинель, столь дорого давшуюся, столь мучительно выношенную, забрали у Башмачкина нагло, дав ему понюхать на вечерней улице промозглого Питера кулак величиной с чиновничью голову. И даже коленкой его под зад не побрезговали угостить на прощание.

И здесь читатель встречается нос к носу не с привычным посягательством на чужое имущество, а с какой-то катастрофой, которая тем грандиознее, чем невероятнее. Попробуй-ка угадай, сколько труда вложено в эту одежду! Вор лихо снял ее и, видимо, пропил или продал в ближайшие часы. И никогда не узнать этому вору, сколь дорогую вещь он содрал с плеч невзрачного человечка. Да и не с плеч даже, а самого сердца. Иной золотой портсигар по цене с такой шинелью рядом нельзя поставить, потому что он получен легко, без идеи и без душевных мук.

Пусть задумаются над этим воры и не воры. Для вора вещь—дешевая тряпка, а для человека, ими обиженного, в ней, возможно, помешается вся жизнь. В чашке, в книжке, в запонках, в фотоальбоме может поместиться вся жизнь человеческая. Это потому, что у каждой вещи (кроме тех, цены на которые определяются котировками рынка) есть еще своя внутренняя цена, и чтобы ее уразуметь, нужно думать, смотреть на мир и утирать слезы.

Акакий Акакиевич горя своего не перенес. Умер он, и промозглый чиновничий город спокойно сделал вид, что он и не знал о существовании этого маленького человека. Но душа его не просто была гонима вон из мира нестерпимой горечью обиды. По каким-то неведомым нам законам алхимического превращения чувств стал Башмачкин в мире теней мстителем и карателем.

Однако нужно сделать важное отступление — экскурс в науку... Объем движущегося тела по мере роста скорости движения уменьшается, поэтому пистолет стреляет маленькими пулями, а не корявыми булыжниками. Если же скорость движения тела стремится к скорости света, то объем движущегося тела стремится к нулю. И при чем здесь Башмачкин? А вы обождите. Есть объем у души человеческой или нет, про то в XXI веке трудно сказать. Об этом лучше нас мыслили средневековые ученые в коричневых грубых рясах и с лысинкой на голове. Допустим, у души есть объем. Почему не предположить, что, отделяясь от тела, душа человека (даже и Башмачкина) развивает скорость света и превращается в ноль? А потом превышает скорость света (мне почему-то кажется, что это именно так и происходит) и... переходит в царство теней и «перевертышей». Как бы выворачивается наизнанку.

Еще Лоренц не вывел свою формулу, когда ходил по улицам Северной столицы черноглазый писатель с длинным носом, вглядываясь в лица прохожих и ища в них себе жертву, то есть персонажа. И, найдя своего Пигмалиона-чиновника, этого аскета и платоника, Гоголь не просто лишил его шинели. Гоголь его умертвил беспросветным горем. Но это не все еще... Гоголь, умертвив, превратил Башмачкина в мстительного духа, который уже не созерцает вечную идею шинели, а сам срывает их материальные воплощения с плеч прохожих.

Сила печали, преобразуясь в силу гнева, в секунды разогнала душу Акакия Акакиевича до скорости света и даже превысила ее. Тогда, по формуле Лоренца, стал Башмачкин гневным духом, который, дыша могилою, мог сказать даже очень значительному лицу: «Поймал я тебя за воротник! Отдавай теперь шинель!»

Меня могут спросить: «Ты зачем нам это рассказываешь? Зачем, как при Гоголе говорили, пулишь?» Ну, во-первых, иногда можно и без большого резона поговорить. Так, словечками переброситься, посмеяться без греха, чтоб с ума не сойти. Но есть, конечно, у меня и мысль...

Самое первое: маленького человека большой человек обидеть не может. Он — брат твой. И чем он меньше, тем он тебе роднее. Его бы заметить не худо, всмотреться в него. А обижать его поначалу легко, но потом — опасно. Вот и не отнимай у него ни язык, ни Родину, ни жену, ни шинель, ни пенсионную карточку. У него ведь душа бессмертная есть, и в этой душе могут таиться такие порывы и переливы, что никто о них и не догадывается. Так вот обидишь его, смахнешь с дороги маленького человека, словно букашку, а он тебя же в образе мстителя за очередным жизненным поворотом и встретит. С гневом встретит и с силой. Дай Бог тогда, чтоб дело одной только шинелью обошлось...

Проникающая радиация мысли

В голове каждого отдельного человека кипят мысли.

Тайное это действие просто так не обнаружишь. Его можно проявить в случае, если делишься мыслями в разговоре или в письме. Только таким образом то, что кипит в голове, разливается по тарелкам и остывает на воздухе. Но только ли таким образом? А вдруг мысли, даже не будучи высказанными или написанными, по образу и подобию радиации излучаются наружу? Точно так же, как излучается что-то невидимое и опасное из-под неплотных стен ядерных могильников. То самое опасное, которое заставляет жужжать дозиметр и нервничать дозиметриста. То, что заставляет щитовидку разрастаться, а детей награждает уже при рождении всякими патологиями.

Сегодня человек втиснулся в вагон метро, и его внутренний дозиметр тревожно зажужжал. Масса людей вокруг, и все о чем-то думают. Листают пальцами экраны, переворачивают страницы книг и газет, прислушиваются к тому, что им вещают наушники: «Ту-тух, ту-тух!» — это поезд под землей покачивается и мчится. Или просто едут, ничего не слушая и не читая, стоя или сидя, покачиваясь в такт поезду, часто закрыв глаза. «Ту-тух, ту-тух. Ту-тух, ту-тух!» Но варево-то и в них кипит. И в их черепных коробках что-то смешивается и пузырится, остывает и кристаллизуется, а потом опять закипает.

Кажется, что все мысли, спрятанные так глубоко и глазу совсем не видимые, на самом деле далеко не автономны. Они — личное дело каждого, потому что каждый думает, о чем хочет. Это с одной стороны. Это аксиома. Но с другой стороны, мысли, вероятно, просачиваются сквозь кости черепа, минуют прически, преодолевают ткань разнообразных шапочек или тонкие корки лака для волос, и... начинают летать вокруг, пахнуть, звенеть, стучаться о препятствия, как шар — о борт бильярдного стола. Да что там стены! Они начинают пытаться проникать в соседние черепные коробки, не спрашивая разрешения ни у того, к кому проникают, ни у того, из чьей головы вылетели.

— Эй, ты! О чем ты думаешь?

— А тебе какое дело?

— Вопрос резонный, но простите. Вы думаете о чем-то очень-очень вонючем, я бы даже сказал, вонючем до неприличия, и я эту вонь чувствую. Не могли бы вы думать о чем-то хорошем? Кстати, простите, что начал разговор на «ты», а не на «вы».

Такой диалог странно представить, и было бы еще более странно его услышать. Но есть вероятность, что из человеческих черепушек при плотно закрытом рте просачивается, убегает и проникает в чужие головы концентрат того, чем занят человеческий ум. Иногда мысль брызжет еще и из глаз, и тоже при закрытом рте. И даже не «иногда». Мысль из глаз брызжет, можно сказать, постоянно, а если и не брызжет, то сочится, выползает или невзначай вываливается. Как связка ключей из кармана. И если бы у человека был соответствующий дозиметр, то он бы жужжал постоянно, особенно в метро или троллейбусе. Особенно на стадионе или в очереди у билетной кассы.

Дозиметр вошедшего в метро человека жужжит, и жужжит тревожно. Видно, мысли у людей — не ахти! А ведь были же дни (один или два раза), когда в метро было ехать так весело, пусть даже и среди тесноты! Было приятно смотреть на лица, неповторимые, обычные, особенные. Видно, думали тогда люди о чем-то тихом или ни о чем. А сегодня... Страшно представить, что было бы, если вдруг внутренний слух человека обрел способность слышать то, что проговаривается в душах попугачиков. Так бывает у людей, которым Бог дает страшный дар знания чужих душ. Тогда внутренний диалог любого человека с самим собой, обычно тайный и никому не ведомый, звучит в душе прозорливца. А ведь это еще тот диалог! И надо, зная эту мелкую и постыдную подноготную человека, любить его и помогать ему. Воистину, Господи, если Ты захочешь кого-то наказать, Ты можешь сделать его прозорливым...

Представим, что человек следит за собственными мыслями в течение дня. Весь день не получится, но хоть пару часов, хоть час. Час не получится — полчаса, но все же следит. Кто пробовал, ужасается. Какой мусорник! Живущий на Небе, не смейся надо мной! Какой чердак хлама! Создавший меня, пощади меня! Какое ирландское рагу, для которого Монморанси принес дохлую крысу! Да это же просто карманы Тома Сойера, в которых был и огрызок яблока, и перламутровый шарик, и перышко! И весь этот невидимый хлам, разжижаясь, просачивается наружу. Люди наполняются хламом друг от друга.

Вот почему возникает усталость, даже когда нет работы. Усталость возникает, даже когда человек только- только проснулся. Поэты знают об этом. Они работают со словом, ловят мысли, устают от мыслей, перебирают мысли, как горох или гречку. Они поднимают мысли, как гири. Они вываривают в своем мозгу деликатесы для бумажных, а теперь и для электронных изданий. Поэтому они знают кое-что. Ходасевич был поэтом — Ходасевич знал об этом. Блок, тот тоже был поэтом — значит, тоже знал об этом. В общем, все, кто был поэтом — хоть чуть-чуть, но знал об этом.

Блок все время что-то предчувствовал, предвидел, напевал, нашептывал. Вот из Ходасевича. Об этом:

Встаю, расслабленный, с постели.

Не с Богом бился я в ночи.

Но тайно сквозь меня летели

Колочих радио лучи.

(Тут можно пару строф пропустить. Без них тоже все понятно. Там про голос Мельбуерна, про шум океана, про галдеж на мировой бирже...)

Хожу — и в ужасе внимаю

Шум, не внимаемый никем.

Руками уши зажимаю —

Все тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами.

Европы темные сыны.

Какими вы еще лучами

Неошутимо пронзены!

Пронзены! Пронзены — неошутимо — болтовней, чужой и своей, радиацией, радиоволнами, звуками вездесущей попсы и бесовскими прилогами. И еще мы защищены Ангельскими крылами, поэтому и живы до сих пор, что защищены. Как хорошо, что всего этого не видно! Все это вместе было бы непереносимым для простого человека зрелищем.

Нужно хорошо думать. Этим мы помогаем жить человеку, находящемуся рядом. Воду грязную пить нельзя, а грязно мыслить можно? Фрукты немые есть нельзя, а мысли немые разве есть, то есть иметь, можно? Необходимо решать экологические проблемы, а экологией мысли разве не надо заниматься? Представьте: человек зашел в метро, сел возле другого человека и включил дозиметр. Он его включил, а дозиметр молчит. Значит, у другого нет ни одной заразной мысли. Потом этот другой включил свой дозиметр — и у него молчит. Значит, у них в голове чисто. Если у людей чистые мысли, тогда можно с пола есть и из крана пить. Ты и я сидим рядком. Ты и я включили дозиметры. Они молчат. Мы поглядели друг на друга и улыбнулись понимающей улыбкой.

Спасительное молчание

Одно слово «Вперед!» — и войска сшибаются в атаке, после которой многим придется подняться только на Страшный Суд. Одно слово женщины: «Да!» — и мужчина берет ее под руку, чтобы идти к алтарю: для них начинается новая жизнь, от которой затем родятся новые люди. Несколько слов Иисуса Навина: «Стой, солнце, над Гаваоном!» — и совершается нечто непонятное ни физике, ни лирику: законы природы меняют свой ход, чтоб Израиль смог отомстить. Одно слово, два слова — и жизнь, как река, меняет направление своего течения. Слово не просто сопровождает человеческую жизнь, слово рождает реальность и управляет ею. Это касается не всех слов, а тех, о которых сказано: «Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря» (Еккл. 12, 11). Но сколько вообще говорит человек, сколько слов он произносит за день, за жизнь?

Вопрос неспроста, поскольку качество и количество всегда находятся в некоторых противоречивых отношениях. Чем больше ворох конвейерного ширпотреба, тем тяжелее найти в нем нечто уникальное, ценное. Чем хуже мы относимся к словам, тем тяжелее в нужное время сказать одно нужное слово, чтобы было оно — как игла и как вбитый гвоздь. Итак, сколько говорит человек? И если мы получим приблизительный ответ, из-за спины первого вопроса выглянет второй: о чем так много (мало) говорит человек?

Ученые разных кафедр, оказывается, давно интересуются этим вопросом. Например, вопрос этот исследовали психологи из Университета Аризоны. И не только они. Тем же вопросом интересовались дотошные японцы и еще много кто. Исследования опровергли, как всегда бывает, ряд ложных стереотипов. Например, оказалось, что мужчины болтливы почти так же, как и женщины. Стыдно, но факт. Вестимо, показатели болтливости варьируются в зависимости от того, кого

исследовали: горожанина или селянина, образованного человека или простого рабочего, представителя «горячих» народов (итальянцев, например) или «холодных» (финнов). Дело во многом зависит и от профессии. Болтунами оказались менеджеры по продажам (оно и понятно), парикмахеры (это уже занято), офисные начальники и журналисты. Зато в молчуны попали продавцы, что несколько удивительно. И еще удивительно то, что сельские люди говорливее горожан. Но все-таки: сколько?

Пропуская вниманием явных молчунов, которые обходятся в день полутысячей слов, и проходя мимо тех, у кого рот не закрывается (эти выбрасывают изо рта, как из пулемета, до 40 и больше тысяч слов в день), в среднем за день человек произносит 15-16 тысяч слов. Нет сомнений, что цифра эта условна и по отношению к разным людям может серьезно колебаться в одну или другую сторону. Но много это или мало, и с чем сравнить? Любые цифры нужно попытаться овеществить, сделать результат наглядным. Миллиард от миллиона в купюрно-долларовом воплощении отличается так же, как грузовой вагон отличается от чемодана-дипломата. Теперь легко представить абстрактные цифры.

Предположим, что читатель не производил исследований, но поверил общему направлению подсчетов и результатам. Верит он не до последней цифры, но доверяет порядку цифр. Итак, досужие умники, посчитавшие то, что редко кто считает, говорят: «Все, произнесенное человеком за целую жизнь, в случае переноса на бумагу дает (!) тысячу томов по 400 страниц в каждом». Вот, например, лежат две книги для чтения. Это «Записки революционера» П. Кропоткина издания 1906 года (в ней 460 страниц) и «Письма» Флобера 1956 года издания. В ней 490 страниц. Около тысячи книг такого объема наговаривает каждый человек! Восхитительно! Но тут же известным персонажем из табакерки выскакивает другой вопрос: «А что он там наговаривает?» Если весь словесный шум и мусор собрать на бумагу, то получится не переписка Флобера, а нечто такое, от чего бумага покраснеет, как флаг коммунистической партии. Итак, все люди — писатели, только книг этих лучше бы не читать.

Что получится, если соединить попутно идею наговаривания текста и сам написанный текст? Техническая революция подарила диктофон, и можно говорить, не утомляя руку, а потом расшифровать сказанное и переложить слова на бумагу. Так что произнесение слов и их написание недалеко друг от друга. Пишущий, по сути, говорит, а говорящий пишет.

Один режиссер сказал (в виде грустной шутки), что вечной карой для работника искусства может быть вечный (!) просмотр своей халтуры или глупостей, которыми он на земле наполнял воздух и людские сердца. Это вовсе не шутка. Это подлинный ужас — смотреть на себя со стороны и понимать, какими глупостями и гадостями ты занимался всю жизнь. Если кто-то думает, что это касается только актеров и журналистов, он ошибается. Смысл сказанного заключается в том, что все люди, без исключения, — писатели (кстати, и актеры тоже). Вдруг кому-то придется со временем прочесть все им сказанное, а потом превращенное в текст? Вдруг это и будет составной частью нравственных мучений? Можно только искренне пожелать, чтобы в данном случае рукописи сгорели. Ибо если они не сгорят, то сгорят от стыда те, кто их написал.

Если принять в виде посыла ход изложенных мыслей, то станет очевидным, почему молчание — один из видов духовной практики. Также станет понятной строгость слов Спасителя: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12, 36-37). Все это, быть может, поставит некие фильтры в человеческом сознании, и люди станут осторожнее относиться к слову. А если и родит некое глупое сердце соответствующий членораздельный звук, то, может быть, человеческий ум вспомнит, что у языка две преграды: губы и зубы. И человек удержит ненужное, прикусив язык.

Культура молчания так же полезна, как культура поста. Ожиревший мир думает о диетах. Загазованный мир думает об экологическом топливе, а еще додумался устраивать кое-где «день без машин», когда люди ходят пешком или пересаживаются на велосипеды. Болтливый мир тоже должен,

ради экологии души, устраивать дни тишины (не путать с днем перед выборами), должен уменьшать общее количество сказанного. Во-первых, это уменьшит общее количество греха. А во-вторых, тот, кто умеет сдерживать язык, если уж заговорит, то заговорит обдуманно. Видимо, таким и был Иисус Навин, сказавший солнцу над Гаваоном: «Стой!»

Что в голове у Каина

Одни связи рожают другие. В мире капиталистической магии, в банковских пробирках и ретортах деньги рожают деньги. *Бездна бездну призывает* (Пс. 41, 8), и подобное тянется к подобному. Ну а кровь вызывает кровь.

Малая кровь вызывает большую кровь независимо от оправдательного лепета тех, кто первый «открыл краник». Бог, полагающий пределы в виде песка даже такому чудовищу, как море (см.: Иер. 5, 22), успокоит со временем и течение крови. Но человеку, родившему зло, это неподвластно. Он обречен сойти с ума от того, что увидят его глаза, при постепенном понимании своей собственной изначальной вины.

Мечта эфемерна. Кровь реальна. И удивительно, что именно эфемерные мечты раз за разом рожают пролитие реальной крови. Сколько великих кровопролитий родила мечта о земном рае! И вот опять воры и сатанисты поют корыстную и обманчивую песню. Нераскаянные грешники и многочисленные люди бездумно верят тексту и подпевают мотив. Наемные убийцы совершают первые преступления. Такова схема. Так было и опять продолжается. А дальше ситуация привычно выходит (или вышла) из-под контроля. Дальше нужно не запрещать русский язык, а наоборот, заставлять читать Достоевского в подлиннике. В «Преступлении и наказании» все описано:

1. Ложная идея, мысленный туман, греза бесовская, вложившая топор в руки гордого студента.
2. Потом убийство для пробы себя и для «торжества справедливости».
3. Потом тут же убийство еще одного невинного человека, потому что кровь рождает кровь, и этот закон нужно знать заранее.
4. Потом ад на земле и невыносимая душевная мука.
5. Потом покаяние и каторга с кошмарами по ночам.

Неважно, через чью кровь переступили люди в ложном порыве к счастью — через кровь старухи-процентщицы, еврея-арендатора или злого (самого злого, конечно, на свете) диктатора. Логика Каина... О, эта логика Каина! «Ты можешь! Ты должен! Ты лучший! Ты достоин большего! Иди — убивай!» Эту логику Каина лукавый вложил уже в сознание людей, и первое кровопролитие станет лишь началом неожиданных вещей.

Читаем новости: «Две женщины преклонных лет зарезали почтальона, разносившего пенсии, с целью ограбления», «Должник, выселяемый из квартиры, расстрелял судебного пристава с понятым и был застрелен снайпером», «Семейная ссора закончилась взрывом гранаты. Муж погиб, жена тяжело ранена». Теперь это стало стилем, тоном и смыслом ежедневных новостей. Причем новостей, прошедших жесточайшую цензуру.

А еще будут участившиеся похищения людей с целью выкупа. Еще будут многочисленные самоубийства тех, кто вернулся с несправедливой войны и понял, что стал не Робин Гудом, а братом дьяволу. Еще будут бытовые ссоры, перерастающие уже не в потасовку даже, а в перестрелку. И останутся предприятия, и опустеют полки в магазинах. И будет лихорадочный поиск виновных, как всегда, не там. А сошедших с ума будет все больше, и каннибализм тоже появится. Сначала «шуточно-

ритуальный» (пирожные в виде пальчиков и ушек врага, тортики в виде деток), потом (по неизбежности) настоящий. Еще много всего будет. И газеты скажут лишь кое о чем, а о главном умолчат. Слишком страшно это — говорить «обо всем» в процессе борьбы за земной рай и перед лицом уже выкопанной совместно общественной могилы.

Однако давайте вернемся к тому, о чем говорилось в начале статьи, к крови вообще. К той крови, которую земля пить не хочет, которая сворачивается в комок поверх земли. К той крови, которая умеет вопить, хотя человеческое ухо этого и не слышит. К той крови, которая льется из отрезанных пальцев и детских тел, раздавленных бэтээром.

В 21-й главе книги Второзаконие говорится о том, как вести себя, если в поле найдено тело неизвестно кем убитого человека. Чтобы не навести на себя вину крови — и не потерпеть кары от Бога за невинную смерть (!) — нужно измерить расстояние до ближайших городов. Жителям самого ближнего города подобает взять телицу, не носившую ярма. Подобает заколоть ее в незасеянной долине, и позвать левитов, и вымыть руки над телицей. Подобает сказать: «Руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели; очисти народ Твой, Израиль, который Ты, Господи, освободил, и не вмени народу Твоему, Израиль, невинной крови» (Втор. 21, 7-8). И это положено сделать всего лишь над одним трупом неизвестно кем убитого человека!

Святитель Кирилл Александрийский в толковании избранных мест из книг Моисеевых (т. н. «Глафиры») толкует это место о телице как пророчество о Христе. И это истинно так, как и слова о рыжей телице, о медном змее и многом ином из таинственных книг Ветхого Завета. Однако стоит обратить внимание на цену крови, на страх подвергнуться осуждению за кровь всего лишь одного неизвестного человека, найденного ближе к одному из городов, нежели к другим. Нужно жителям в лице почтеннейших граждан и священников очистить себя и обезопасить от последствий пролития даже такой крови. Иначе Господь может изменить взгляд на людей и приготовит им иную долю.

Что же сказать о сознательном пролитии крови тысяч людей? О гаубицах, стреляющих по городам вчера еще собственной страны? О садистских восторгах многомиллионной армии маньяков, приветствующих в виртуальном пространстве всякую новую смерть, всякую новую пытку или карательную операцию? Можно ли подтвердить их уверенность в том, что счастье все же рядом — и все как-то наладится и успокоится само собой? Можно. Но только в том случае, если они не имеют ума, совести и — главное — никак не связаны с Истинным Богом.

В случае же, если человек знает Того, Кто сотворил небо и землю, Кто дал через Моисея закон и в конце времен послал Сына в мир, он должен понимать, что речь идет о вещах слишком серьезных. Речь идет о таком серьезном ответе, что для аналогий не хватает примеров и образов. В отличие от ложных пророков, зовущих кропить землю и волю «злой кровью», Бог, сотворивший кровь, бегущую по жилам, строго запрещает проливать ее напрасно. Иначе не будет счастья на этой земле. Ни за что не будет. И не вырастет на ней ничего. Эта земля рискует стать развалиною и логовищем зверей. Всякий, проходя мимо нее, посвищет и махнет рукою (см.: Соф. 2,15).

Р.5. Все, о чем сказано выше, изложено в общем и теоретически. Любое совпадение с современной ситуацией в какой-либо из стран следует считать совпадением.

Как не превратить свою жизнь в царство антихриста

Известно, что добродетели превращаются в свою противоположность при отсутствии такого качества, как рассуждение. Если нет рассуждения, тогда легко назвать скряжничество бережливостью, дерзость храбростью, а трусость предусмотрительностью. Все добродетели превращаются в карикатуру при отсутствии духовного рассуждения. Вот почему великие отцы называли рассуждение

большой и высшей добродетелью. Иначе вся жизнь — это «медвежья услуга», когда, желая убить муху, раскраивают череп спящему другу. Иначе — «на блох осердясь, и тулуп в печь». Это трудный и neprazdnyй вопрос. Человека можно сгноить и замучить под видом христианского воспитания, стоит только криво уразуметь что-то из отеческого наследия.

Примеры? Да сколько угодно! Спившиеся и затравленные попы под крылом у «странных» святителей; беглые монахи, которые нигде не могут найти места; люди, горевшие в юности, но начавшие коптить в зрелости и откровенно смердеть под старость — все это не случайные типы нашей церковности. Почему Алехи Карамазовы превращаются в Смердяковых? В чем здесь дело? Предлагаю такой взгляд на вопрос: какая добродетель наиболее превозносится нами?

Ответа долго искать не придется. Смирение и послушание. Вот они-то и извращаются у нас столетиями, портя всю жизнь так, как зловонные мухи портят мазь мироварника.

Христиане ничего не имеют против подлинного смирения, вознесенного Господом, и послушания, Им Самим во имя Отца исполненного. Но пусть тот, кто считает себя христианином, однажды спросит себя: во что извращается смирение, зная, что всякая добродетель извращается во что-то? Щедрость извращается в мотовство, а аскетизм — в изуверство. Смирение, следовательно, извращается в трусость, затюканность, безынициативность. Не нужно путать эти понятия и состояния. Совершенный Божий человек, по учению апостола Павла, должен быть смирен, но он должен быть и на всякое благое дело приготовлен, как говорится несколько раз в Послании к Титу. Кроток был Моисей, водивший Израиля и убивавший врагов. Смирен был Суворов, не проигрывавший сражений. Не нужно рифмовать со смирением кислый вид. Смирение — это другое.

Если человек не готов ни на какое доброе дело, не бодр, но, напротив, загнан под некий плинтус, унижен, бессловесен, лишен инициативы, низведен до состояния мебели, то какое же это смирение? Тот, кто сознательно культивирует среди своих послушников подобный «подвид» смирения, просто преступник. Даже духовный преступник, поскольку светский закон в тонкости духовных дефиниций не вникает, да и не может.

Есть, ой, есть немало духовных лжевождей, которые только и разглагольствуют о смирении, сами будучи гордыми, как демоны, и любящими данную тему только из одного желания иметь под рукой безмолвное стадо, шелестящее одеждами при удалении на исполнение любого приказа. Может, при благоверных царях немецких кровей и при загруженной трудами Тайной канцелярии сей вид смирения и признавался за единственно верный, но уже пора поставить вещи на свои места. Пора перестать называть тьму—светом, а сладкое — горьким. Смиренный человек — это все еще человек, то есть существо, наделенное свободной волей и отвечающее само за себя перед Богом. Кто мыслит иначе, тот, видимо, преждевременно записал себя в святые, но никто не рискнет эксгумировать его «мощи».

Так же, как и смирение, можно извратить и послушание. Кто-то где-то вычитал, что послушник поливал сухую палку среди пустыни, пока на ней не вырос апельсин или лимон. Какая красота! И вот уже некий начальник, и близко не стоящий рядом с тем отцом древнего Патерика, даже отдаленно не понимающий образ его мыслей, рад стараться. Он готов втыкать сухие палки в какую угодно землю и заставлять людей их поливать в надежде обрести «плод послушания». Жизнь многих самодуров как раз и заключается в том, чтобы утыкать вокруг себя все сухими палками и заставить всех их поливать. Сию гадость можно временами терпеть на пределе возможностей, но называть ее нормой и культивировать есть грех против самой Церкви и Духа, Ею управляющего.

Люди добрые, понятно ли вам, что всякое слово — это не только то, «что сказано», это еще и нечто, о чем спрашивают: «Кем сказано?» Если сказавший нечто — просто попугай, повторяющий звуки чужого голоса, то должен ли слушающий это слово стремглав бросаться на исполнение звуков? Звуков, но не слов. Совесть не велит метаться на исполнение. Совесть велит трезвиться и не дерзать

на повторение великих дел, не имея великой жизни.

Насколько часто звучат слова о послушании и смирении, настолько часто люди сталкиваются с извращенными понятиями об этих родных для Евангелия добродетелях. Царство антихриста — это не царство цифр и кодов, но царство извращенных добродетелей, возвешенных Евангелием.

Память святителя Игнатия (Брянчанинова) празднуется повсеместно. Не он ли говорил, что прежде вверения старцу своей души нужно испытать старца на предмет соответствия его духовного устройства слову Божию и Преданию? Это нужно, чтобы вместо врача не ввериться убийце и вместо пастыря не найти волка. Так вот, владыка Игнатий писал все верно и сдержанно, точно и аккуратно. Пером его двигал Дух Утешитель. Нужно вникнуть в его словеса, особенно в части таких тем, как послушание и смирение.

Нельзя калечить народ Божий извращенно понимаемыми добродетелями. Нельзя бредить временами всевластия ушедших веков и плевать на бороду в благодушной самоуверенности, тогда как новые тучи уже собираются на горизонте. Нужно понять: Церковь — это Тело Иисусово. Она постоянно учится жить деятельной любовью. Или же Церковь — всего лишь некий административный аппарат, собирающий налоги, снимающий шкуру с подчиненных, маринующий просителей в прихожих, ищущий защиты властей и прочее. Тогда революции оправданы, тогда и кровь неизбежна. И неужели не учат историю те, кто сегодня командует жизнью? Ведь их кровь, при пренебрежении множеством повседневных ошибок, прольется в числе первых.

Нельзя гневить Бога. Он долго ждет, но больно бьет. Культивируя смирение, нужно смиряться самому. Говоря о послушании, нужно самому вслушиваться в голос совести и голос Слова.

Иначе ни слезы не прольется со временем над трупами тех, кто слишком долго цитировал Евангелие, не исполняя на деле его слова. Так уже было в истории, и было это до боли недавно, если измерять не годами, а поколениями.

6. Денежный идол и коварные хотелки

Воля к деньгам

Современный человек живет в мире, в котором нет открытого идолослужения. Нет храмов, посвященных языческим богам и всякой прочей нечисти, которая дуриет людям головы. В современном пространстве этого нет. Есть лишь некоторые формы идолопоклонства, которые просачиваются в жизнь. И язычество, и идолопоклонство будут развиваться по мере развития общей греховности человека. Но пока идолов в привычном понимании нет.

Зато есть духовные идолы. Самый мощный их них, самый великий, требующий вечного поклонения себе и получающий это поклонение, — идол сребролюбия. Это мотивировка действий подавляющего большинства людей. Люди гонятся за деньгами, которых вечно мало. Это и металл, и бумаги, и виртуальные деньги — сребролюбие меняет свою форму. Совершают ритуалы, обмахивают, целуют деньги, шепчут над ними, даже приносят в храм на водосвятные молебны — чтобы «денежка пришла». Хотя это и детская, наивная, глупая мысль, на самом деле дух сребролюбия — это очень мощный дух. И человек работает ему.

Если человек начинает отдавать (творить милостыню), со временем у него очистится душа. Сребролюбие исцеляется подаянием. Когда человек рождается, у него согнуты кулачки, он рождается маленьким эгоистом: сейчас весть мир в кулачки заберу, все будет мое! А когда он умирает, то руки у него разжимаются, и ничего в них нет. На протяжении жизни руки должны разжиматься. Признак мудрости — разжатие руки.

Человек по сути очень сребролюбив: денег ему все равно не хватает. Миллионерам еще больше не хватает, чем простому человеку. Это свойство материального богатства: иметь жадную душу, которой всего мало.

Денег всем не хватает, но это ерунда. И будет не хватать — это тоже ерунда. Господь даст ровно столько, сколько реально нужно, только не ленись: проси помощи в делах и делай сам. А вот насколько люди поработаны духом сребролюбия, насколько они уверены, что миром правят деньги, — это уже не ерунда. Ведь многие считают, что миром правит не Бог, а секс и деньги. Это два рычага, с помощью которых дьявол управляет людьми, подверженными духу сребролюбия. Но миром правит Господь и только Господь, и никто, кроме Господа!

Пусть человек проверит свою душу: насколько он сребролюбив, насколько сомневается во всемогуществе Божиим и не сомневается во всемогуществе денег.

Если человек уверен, что деньги могут все, он явный идолослужитель.

Доллар и Библия короля Якова

При умелом использовании доллар и Библия в англоязычном переводе действуют эффективнее, чем ракеты класса «воздух — земля». По крайней мере Вьетнам с воздуха так и не был подавлен или покорен, зато Южная Корея с помощью Библии и доллара стала верным сателлитом США. Это не вымысел, это слова коренного корейца, имевшего право на такие суждения. Придется с ним согласиться.

Раньше нужно было лет десять воевать, чтобы реклама «Мальборо» или «Колы» висела на каждом углу. Теперь воевать не надо. Вернее, надо, но иными способами. И раз реклама висит, то это значит, что война проиграна. Это сказал офицер-ракетчик, грустно озиривший постперестрелочную

действительность. С ним трудно не согласиться. Оружием нынче может быть все: Библия короля Якова, доллар, демократические ценности, знаковые товары типа джинсов или прохладительных напитков. Образно говоря, «все стреляет».

Человек оглядывается вокруг. Много битв уже отшумело. Отшумела джинсовая — кока-кольная — рок-н-ролльная канонада. Оттремели порнографические ковровые бомбардировки. Собрав свою жатву и искалечив множество душ, они умолкли, истощившись. А у человека уже задубела кожа — он не чувствует этих укусов. Они по-прежнему болезненны, но уже не смертельны. Продолжает гулять моровое наркотическое поветрие, как способ бесславного уничтожения молодой поросли. С этим змеем борьба еще предстоит.

Что до Библии, то искусственный голод на слово Божие, возвращенный десятилетиями в СССР, давал надежды на головокружительный успех протестантской миссии. И нельзя сказать, что успеха не было. Он был, но не такой, как ожидалось. Можно было смело надеяться, что, начав читать Библию с подачи американских друзей, люди и мыслить начнут исключительно американскими категориями. А там, глядишь, и новая геополитическая перекройка мира. Но так не случилось. Где-то православные просели, где-то опоздали и пострадали. Но в целом Новый Завет в Елизаветинском варианте не исчез. Даже под усиленным действием новых переводов Библейского общества. Русский протестант, вместо того, чтобы стать безраздельным хозяином религиозной ситуации (как мечталось), всего лишь занял некую собственную нишу. В этой нише он и днесь пребывает, учась смирению, как все вообще, кто живет на Руси.

Просевшей Библии короля Якова следует ожидать проседания Господина Зеленого Доллара. И он не замедлил просесть. Не может не проседать вслед за протестантской проповедью и валюта, на которой написано: «На Бога мы уповаем». Там облом — и здесь облом. Тут просели, там качнулись. И может показаться, что загадочная славянская душа выстояла, что она окончательно поглотила и утопила в себе джинсы, жвачки, баксы, порнографию, протестантские экстазы, белозубые приклеенные улыбки, однотипное кино, ЛГБТ-революцию и прочую нечисть с концами... Может показаться. Но пусть не кажется...

О «хватательном» рефлексе

Как выглядит человек, когда рождается? Какие у него ручки, у только что рожденного человека? Они у него сжаты в кулачки. Родители или люди, как-то связанные с детьми, имеющие младших братьев и сестер, или племянников, или крестников, знают, что ребеночку дай палец — и он ухватится, и будет висеть, как гимнаст. Ручку не разожмет.

У младенца сгибательные мышцы очень сильные, а разгибательные слабенькие. И он не хочет разгибаться, он прижимает, тянет к себе все и держит ручки в кулачках. Образно говоря, он показывает: «Все мое, я ничего никому не отдам! Я сейчас всех в кулак возьму. Подождите немножко, вы еще не знаете, кто я. А я пришел и сейчас все возьму в свои руки!»

Но проходит время, руки учатся сгибаться и разгибаться, сжиматься и разжиматься. «И потом уже уходит в путь всей земли», — как говорит Библия о смерти. Отправляется человек в вечный дом свой и, как вы знаете, руки разжимает.

Христиане имеют обычай класть руки крестообразно на груди: правая поверх левой. В таком положении идут к Причастию. То есть возле Чаши, не крестясь, складывают руки так, как будто уже готовы надеть некий деревянный костюм.

И этого еще надо удостоиться — так подготовиться к смерти. Потому что не знает человек, как и когда умрет. Ведь можно, не дай Бог, и сгореть, и утонуть, и не иметь погребения. Христиане молятся

каждый день—просят у Бога христианской кончины жизни, безболезненной, непостыдной, мирной и доброго ответа на Страшном Суде.

Уходящий из жизни человек разжимает руки, показывает: «Посмотрите, что я уношу с собой! Ничегошеньки, абсолютно ничего!» Ему вкладывают крестик в руку, если по-христиански, соблюдая традиции. Начиная со времен Феодосия Печерского и потом Александра Невского, ему кладут в руку еще разрешительную молитву. Собственно, все, больше ничего человек с собой не унес. Христианское погребение очень ярко и показательно.

Человеку сначала хочется все, а к финалу у него не остается ничего. В промежутке помещена вся суэта человеческой жизни: приобретения, желания, мечты, стремления, удачные предприятия, неудачные, нужные, ненужные. Много всего происходит в жизни человека. Однако ему нужно разобраться в этом промежутке: между тем, когда хочется все, и между тем, когда ничего не возьмешь с собой, что брать, чего не брать, а если брать, то как делиться, с кем и как, в чем полагать счастье...

Банальная вещь: человек ничего не принес с собой в этот мир, действительно ничего. И ничего из него не вынесет. То есть все, построившие мост, оставят мост за собой. Человек, написавший книгу, оставит ее за собой. Все, что человек посадил, прочитал, построил, он оставит за собой, а сам пойдет с пустыми руками в другой мир, унося совершенно иной багаж.

Камень, пробивающий стену равнодушия

Желание иметь, приобретать необходимо уравновешивать с другим желанием — с желанием отдавать. Желание отдавать — это признак духовного здоровья. В Евангелии нет этих слов, но они есть в Книге Деяний апостольских. Апостол Павел цитирует слова Иисуса Христа, которых нет в Евангелии. Господь наш сказал: «Блаженнее отдавать, чем принимать». Апостол Павел сам за Иисусом Христом не ходил, он лично не слышал из Его уст ничего, но он жил в той атмосфере, когда все, кто видел Господа, были живыми носителями этих знаний.

Один говорит:

— Я видел Господа.

Другие:

— Я один день был с Ним.

— Я был с Ним три дня.

— А я ел хлеб из Его рук.

— А я слышал такую проповедь...

— Я все три года с Ним ходил. Я все видел. Я видел Его Воскресение и хождение по водам, я видел чудесный лов рыбы. Я был с Ним там и там...

Особенно три апостола — Петр, Иаков и Иоанн...

—Я был с Ним в Гефсимании. Я видел Его на Кресте.

Они, конечно, были хранителями бесценных знаний. А апостол Павел ничего этого не видел, но он очень много слышал. И он, обращаясь к христианам, цитирует слова Господа: «Блаженнее более давать, нежели брать». Эта мысль убийственна для потребительского сознания: что блаженного в отдаче? Радость от приема всякому понятна. Приятно получать! А что блаженного в том, чтобы отдавать?

Если подумать над тем, почему же хорошо отдавать, то откроется очень много интересного.

Многие чувствовали это по себе, что, действительно, отдавать—это хорошо. Недавно произошла такая история. Некий молодой человек очень хотел машину. Совершенно понятное желание. И он хотел не простую машину, а очень хорошую. Машина сейчас превратилась из роскоши в средство передвижения. Можно купить себе какую-нибудь развалюшку, и если ты обладаешь техническими способностями и любовью к гайкам, то можешь собрать какой-нибудь, извиняюсь, «студебеккер», на котором ездил Остап, и тарыхтеть на нем по улицам города. Но хочется, конечно, красивое и быстрое.

Этот молодой человек, во многом себе отказывая, собирал деньги, копил на свой любимый автомобиль. Наконец-то он достиг желаемого: и родители ему помогли, и в банке он какой-то потребительский кредит взял. И вот он покупает себе машину и ведет себя с ней, как с живым человеком.

Многие автолюбители любят свою машину больше, чем родную маму. Они на нее дышат, с любовью трут всякие пятнышки, пока не ототрут их совсем. Они так ребенка не купают, как моют свою железяку! Это тоже особый признак современного человека — жаркая любовь к бездушным предметам.

Вот и тот молодой человек жадно любил свою машину, разговаривал с ней, называл ее «кисонькой», «ласточкой», «дорогой». «Кушай бензинчик!» — ласково говорил он ей.

Однажды он ехал по дороге, и вдруг в крыло ему попал камень — «Вам!» Молодой человек остановился на обочине, выскочил, готовый убить человека, который кинул камень в его драгоценную «ласточку». Увидел — стоит мальчишка. Тот сообразил, что его сейчас разорвут, и закричал: «Не бейте меня, пожалуйста, мне нужна помощь!» Подбежал и сказал: «У меня брат инвалид, в коляске. Тут рядом лежит, в канаве. Мы переходили мостик, я его вез домой, но не удержал, он упал у меня с этой коляски. А там, под мостиком, лужа... У меня нет сил его поднять, потому что я слабый. Он уже час лежит в луже. Я голосую, но никто не останавливается. В отчаянии я подумал: что делать? Поэтому бросил камень в первую попавшуюся машину, помогите мне!»

Человек пошел туда, вниз, спустился с откоса и поднял упавшего брата, поставил его коляску на ровное место, помог мальчишке выехать на твердый грунт. Потом сел в свою машину, поехал и вдруг почувствовал радость от этого случайного доброго дела гораздо большую, чем чувствовал, когда приобрел свою машину. Он решил не заделывать эту вмятину, чтобы она напоминала ему, что есть радость в жизни, которая гораздо сильнее и глубже, чем радость приобретения самой дорогой и долгожданной вещи. Такая вот непрдуманная история.

Люди считают, что большинство литературных сюжетов придуманы, что они интереснее, что так в жизни быть не может. Но чем чаще сталкиваешься с различными ситуациями, тем больше убеждаешься, что жизнь очень разнообразна и фантазия любого художника не способна превозмочь богатство реальных событий, предлагаемых жизнью. Большинство чудесных историй — настоящие, за исключением волшебных сказок, где тыква превращается в карету, а крыса в гувернера или кучера, хотя и это возможно в некоторых случаях.

Искусство брать и отдавать

Верующие обязаны детально знать священную географию, но о реке Иордан знают даже неверующие. Она стекает с Ливанских гор в виде небольшого ручейка. Потом она впадает, попутно набирая воды, в так называемое Галилейское озеро, которое в Священном Писании имеет несколько названий: озеро Геннисаретское, море Тивериадское или море Галилейское.

Это, конечно же, никакое не море, потому что оно со всех сторон окружено сушей. Это чрезвычайно красивые места, действительно красивые. Окрестности этого озера украшены

тропической растительностью, вода полна различных рыб.

И в этих окрестностях Господь Иисус Христос проводил очень много времени. Земля к западу от озера и до Средиземного моря называется Галилеей. Здесь произошло чудо умножения хлебов: Господь умножил пять хлебов до пяти тысяч. Он ходил по водам этого озера — это когда Петр попросил: «Если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде». Здесь Он произнес Нагорную проповедь. Здесь есть место, которое называется гора Блаженств, — там Он учил. Здесь находится город Вифсаида, где были рождены апостолы Андрей и Петр. Здесь Господь выбирал учеников. В общем, почти все время Он проводил здесь.

В Иерусалим Господь приходил очень редко, потому что там Его хотели убить. Чаше Он находился в Галилее, там еще есть город Назарет, откуда Иисус был родом — Его также называли Иисус Назарянин. Так вот, здесь было много рыбы, чудесная вода, растительность, прекрасное море. Оттуда вытекает Иордан, он течет вниз и впадает в довольно большой водоем, который называется Мертвым морем. За Иордан евреи тоже заходили, овладевали землей.

В Мертвом море очень большая концентрация соли. Там нет ничего живого — ни моллюска, ни ракушки, ни водоросли, там не квакает ни одна жаба, ничего там не живет. Ничего — ни в окрестностях, ни в самом этом море.

Утонуть там тоже невозможно, только если сильно захотеть: опустишь лицо в воду и будешь хлебать эту соленую воду. А так, в принципе, в нем сидят, в нем даже не плавают. Там лечатся всякими грязевыми ваннами. Предание говорит, что где-то в этих местах находились города, сожженные небесным огнем, — Содом и Гоморра.

Вот что заметили древние люди, живущие в этих местах: Галилейское озеро принимает воду и отдает, и оно живет. Живет полной, красивой жизнью. Мертвое море принимает иорданскую воду и ничего больше не отдает, потому что ничто никуда больше не просачивается. И оно абсолютно мертвое, абсолютно.

Налицо простой нравственный вывод: что берешь — отдавай, и будешь жить; берешь и не отдаешь — и ты уже мертв. Вопрос твоей фактической смерти — это вопрос времени, а в духовном смысле ты уже мертв. И эту простую вещь нужно, конечно, хорошо усвоить.

Человек спрашивает себя: «Что я буду отдавать? Я самый скромный человек, мне нечего отдать». И тут требуется некая коррекция взглядов. Руки есть? Есть, но они не у всех есть. Или, по крайней мере, не у всех такие сильные и молодые. Ноги есть? Есть, но они тоже не у всех есть, по крайней мере, такие резвые и молодые. Например, помыть окно для тебя—тьфу: вскочил, как ласточка, на подоконник, раз-раз-раз, прыг с подоконника — и побежал себе дальше. А для кого-то это целый подвиг.

Трудно представить, но для пожилого человека залезть в ванную и вылезти из нее — это преодоление полосы препятствий. Спуститься вниз по лестнице, пойти в магазин, особенно по скользким дорогам зимой, купить хлеба, подняться обратно в квартиру — это путешествие за «три моря», как у Афанасия Никитина. Молодые ноги это не чувствуют.

И если можешь, приходи к старикам, покупай им что-то, приноси, уноси. Это тебе легко, а для них это целый подвиг. Вот практический навык того, как можно делиться тем, что у тебя есть. Руки есть, ноги есть — значит, уже можно кому-то что-то сделать.

Или знания, например. Это великое дело. Человек их получает, а потом кому-то отдает. Лишних знаний не бывает.

Был такой случай. Как-то после службы к священнику подошел молодой человек и попросил разрешить ему сделать объявление в храме. Батюшка позволил. Тогда молодой человек, волнуясь,

произнес: «Братья и сестры, я математик по образованию, но работаю в одной компьютерной фирме, это мой хлеб. В принципе все, что я знаю в жизни, — это математика. Я хочу сделать что-то для Бога, для людей, но не могу ничего придумать, только вот в церковь хожу по воскресеньям. Вот что я хочу сказать: если у вас есть дети, которые не успевают по математике, обращайтесь ко мне!»

Дети учатся в одних и тех же школах, там преподают одни и те же предметы. Но не всем они даются одинаково. Кто-то стишок выучивает с первого прочтения, а с физикой у него трудности. Кто-то наоборот, физику, химию щелкает, а запомнить что-то гуманитарное ему тяжело.

В общем, если у кого-то из вас дети имеют проблемы с математикой, я буду приходить к вам время от времени, раз или два раза в неделю. Просто так, во славу Божию. И буду подтягивать по математике ваших детей. Это все, что я умею».

Сразу же отозвались какие-то папы и мамы, потому что у всех есть дети, и половина этих детей ни бум-бум в математике. Как в песне: «Папа у Васи силен в математике, учится папа за Васю весь год, где это видано, где это слыхано: папа решает, а Вася сдает!»

На следующей неделе подошли несколько женщин с предложениями позаниматься иностранными языками, сказали, что тоже хотят ради Бога что-то делать. «Мне понравилась идея», — говорит одна. «Я тоже хочу для Бога уроки давать, — говорит другая. — Буду приходить к вашим детям, особенно если они живут в одном районе. Смогу подтянуть ваших детей по немецкому языку, если они его учат в школе».

Потом владельцы автотранспорта стали предлагать свои услуги по подвозу людей до церкви: «Если кто-нибудь из старичков ходит к нам в церковь, то имейте в виду, что каждое утро в воскресенье в такое-то время я буду стоять со своим микроавтобусом на углу такого-то дома. В микроавтобус вмещается восемь-десять человек. Буду вас отвозить и привозить. Я буду делать это для Бога. Математику я не знаю, английского тоже, но у меня есть машина».

Затем возникла идея составить тетрадку, в которой написано с одной стороны: «Нуждаюсь в помощи», а с другой: «Могу помочь». И в графе «Могу помочь», например, какая-нибудь пенсионерка пишет: «Могу взять к себе одну-двух студенток бесплатно или за квартплату, есть свободная комната, живу одна».

Люди хотят делать что-то хорошее. Только сатана ненавидит всякое добро. Это ненависть, ужасная, упертая злоба ко всякого рода добру и желание погасить всякий разгорающийся добрый огонек. Люди гораздо лучше, чем они есть по факту. То есть внутри человек гораздо здоровее, гораздо красивее, он скрыт в своих силах души. Человек вообще феерически красив.

В чем духовная жизнь похожа на банковскую систему

Один богослов говорил, что когда Бог смотрит на человека, Он смотрит не на него, а внутрь него. Это как человек видит человека, один — другого, а тот — его. Морщинки, например, или какого цвета волосы, какого цвета глаза, какой рост. Бог это тоже видит, потому что Он видит все. Однако, глядя на человека, Он обращает Свой взгляд в некую глубину, которую мы не видим. Бог в глубине видит нашу красоту, которая сохраняется как нераскрытая потенция.

Кто думал до XX века, что расщепленный атом рождает такую жуткую энергию, которой хватит, чтобы расщепить соседний атом, а тот, в свою очередь, расщепляет соседний! Получается управляемый или неуправляемый ядерный процесс, с освобождением ужасающей энергии. Этой энергией либо всех согреешь и накормишь, либо всех уничтожишь.

Человек потенциален. Он такой атом, который нужно расщепить в управляемую сторону.

Безусловно, чтобы он знал, куда направить свою энергию, и чтобы он жил, чтобы принимал и отдавал. Принимал ласку, любовь, знания, веру, дружбу, а потом делился этим с людьми. Все это богатство умножается, оно действительно растет.

Вот в чем духовная жизнь похожа на банковскую систему: в том, что нужно отдавать некие капиталы в рост и получать проценты. Евангельские притчи в некоторых местах показывают, как духовная жизнь уподобляется накоплению процентов. Господь так и говорит: «Вот тебе талант серебра, вот тебе три таланта серебра, вот тебе пять талантов серебра». Потом Он собирает с них прибыль — сто процентов. Тот, кто получил пять талантов, приобрел еще пять талантов. Он принес стопроцентную прибыль!

Тут даже прибыль в пять-десять процентов считается удачной. Стопроцентную прибыль получают торговцы оружием или чем-то запрещенным. Чем нелегальнее торговля, тем больше процент прибыли. А Христос требует максимальной прибыли и хвалит того, кто принес пять талантов. Ясно, что Христу не нужны грехи. Прибыль с грехом пополам Христу не нужна. Однако Он требует максимальной прибыли.

Возможно, Господь будет судить человека не только по тому, что он сделал, но и по тому, что мог сделать. Получивший три таланта принес еще три таланта, а получивший один — закопал его. Он боялся, потому что духовная жизнь связана с риском, так же как и бизнес. «Война, ваша светлость, пустая игра. Сегодня — удача, а завтра—дыра!»

Бизнес такое дело, когда прогореть можно за шесть секунд. Вложился и прогорел. Обманули, обокрали, взяли деньги и уехали, не поставили вовремя товары. Это вечный риск. И духовная жизнь — тоже риск. Но Христос требует риска: рискуй, двигайся!

Господь Иисус Христос будет судить человека не только за то, что он сделал хорошего или плохого, а также и за то, что он мог сделать хорошего и не сделал. Человек же своей меры не знает.

Допустим, Вася мог быть Менделеевым или Ломоносовым, а из него получился только лаборант в средней школе. Хорошо, конечно, что из него не получился серийный убийца. Это тоже большая заслуга. Но он мог стать Менделеевым или Ломоносовым, а получился только лаборант. Обидно!

Петя кому-то чего-то недодал и пожалел себя, Миша не бросился, так сказать, в бой с открытым забралом, пересидел где-то в серьезных вопросах. Может быть такое? Может.

Суд воистину будет страшный, потому что он будет касаться скрытых тайн сердца. Человек хотел сделать, но не сделал или пытался, но не получилось. И Бог будет спрашивать за эти нереализованные попытки. Порой что-то нужно сделать, но человек думает: «Да ладно! Все сидят тихо, и я посижу».

А Господь, может быть, этого человека на другое звал. В жизни нужен риск. Нужна активная жизненная позиция, и нужно стремиться отдавать.

Отдавать — это настоящая радость. В притчах Соломоновых говорится примерно так: «Отпускай хлеб твой по водам, по прошествии времени опять найдешь его». То есть разжимай руку, отпускай. Хлеб действительно потом придет к тебе с избытком. Эта мудрость известна не только библейским людям, это общечеловеческая мудрость.

Существует множество примеров из народных сказок. В одной из них говорится о человеке, который идет на тяжелое задание. Потерял Иван-царевич Василису Прекрасную, а теперь ему нужно ее вернуть. Это очень тяжело. Железные сапоги истоптать, железную шапку сносить, Кощея найти и убить, чтобы вернуть свою любовь.

Вот идет Иван-царевич по лесу, кручинится, печалится: как ему любовь свою найти! Видит:

стоит какая-то яблоня. Он хочет сломать ветку, а она говорит: «Не ломай меня, я тебе пригожусь. Ты лучше яблочки оборви, а то мне тяжело стоять». Он обрывает яблочки, она вздыхает с облегчением: «Спасибо тебе! Встретимся еще».

Он дальше идет, а на пути печь стоит и говорит: «Затопи меня, пирожок съешь!» Иван-царевич говорит: «Спасибо!» — и печь топит, и пирожок съедает. Дальше идет, видит — заяц какой-нибудь попал в капкан или в силки. Заяц просит царевича: «Освободи меня, я тебе пригожусь!» Иван отвечает: «А чем ты мне годишься, косой?» — но освобождает его. И потом все эти яблони, печки, зайцы приходят ему на помощь. Здесь заключена великая мудрость!

И в этой древней мудрости есть еще момент: на муравья без нужды не наступай, потому что и он тебе пригодится. Потом найдешь его в нужное время. Это значит: отпуская свое добро по водам, оно потом обязательно в концентрированном виде, в различных формах вернется к тебе.

Надо отдавать. Это, так сказать, «наш ответ Чемберлену». Это христианский ответ обществу потребления. Общество потребления говорит: «Потребляй, покупай, имей и радуйся. И в этом смысл твоей жизни». А христиане дерзают сказать, что в этом есть только часть смысла жизни. Приобретать нужно, нужно зарабатывать. Очень приятно, кстати, заработать и купить.

Например, с первой полочки купить маме платочек, папе портсигар, братику машинку. Растратить, по сути, ее всю на тех, кто рядом с тобой. — хороший обычай. Ну, конечно, что-то и себе оставить. Но, в принципе, растратить ее на других. «Я заработал—я возвращаю. Мама, это тебе, папа, это тебе». Прекрасно, да? Заработать — это приятно.

Приятно съесть заработанный хлеб, приятно тратить на других то, что заработал сам. Приятно делиться, поэтому в приобретении нет ничего плохого. Отдача — это такая радость, которая не сравнится с радостью приобретения. Радость отдачи больше, чем радость приобретения.

Сила разжатой ладони

В «Преступлении и наказании» Федора Михайловича Достоевского Раскольников убил старуху. Родион Раскольников решил себя испытать: тварь ли он дрожащая или право имеет. То есть сможет ли он построить свою будущую жизнь, переступив через кровь ненужного, как ему кажется, человека. И он убивает эту старуху, параллельно убивая еще одну невольную свидетельницу.

Достоевский показывает, что взявший в руки топор одной кровью не обойдется. Топор рикошетом будет бить еще по кому-то невинному. Топором дела не решаются, а если ты его возьмешь, то обязательно убьешь и невинного человека. Это очень важный момент, это прозорливые слова.

Как только Раскольников убил старуху, он тут же переступил границу ада и жизни и стал жить в аду. Он говорит, что не старуху убил, а себя. Все теории его рассыпались в прах, а он оказался в аду. То есть он еще по земле ходил, а душа уже была в аду. Это как в фильме «Матрица»: люди ходят по земле, а души их неизвестно где пребывают. Что это такое? Человек живет в двух мирах. Тело ходит по земле, а душа у него уже находится в другом мире.

Раскольников жил в аду до тех пор, пока он не помог семье чиновника Мармеладова, раздавленного лошадью, не организовал похороны, не отдал все деньги, которые у него были, и не познакомился с Соней. То есть как только он начал отдавать и помогать кому-то, находящемуся рядом, он впервые за долгое время почувствовал, что жизнь к нему вернулась. У него наступил период небольшого духовного облегчения именно через сострадание и через отдачу.

Если спросить человека, хотел бы он получить в наследство большое богатство, тот ответит: «Да, конечно!» Каждый хотел бы получить богатство. Однако есть люди, которые насколько хотят,

настолько и бояться денег. Например, житель Канады или Великобритании сорвал джек-пот и получил огромную сумму денег: 25 миллионов долларов с вычетами больших налогов. Чем не богатство? Есть интересная статистика, касающаяся жизни людей, внезапно ставших богатыми. Например, работал человек на заправке и вдруг выиграл джек-пот. Или работала женщина посудомойкой и тоже выиграла джек-пот. Через некоторое время (два-три года) люди, внезапно озолотившиеся, впадают, оказывается, нередко в состояние гораздо большей бедности, чем были до счастливого выигрыша.

Некогда был репортаж про бездомную женщину, которая нашла на свалке в свернутом виде огромную сумму долларов. Кто-то прятал, забыл и выкинул, а она нашла. Вы думаете, что ее жизнь улучшилась? Ничего подобного! Она как была нищей и бездомной, так и осталась. Она половину пропила, половину подарила... То есть человек не умеет распоряжаться деньгами.

Если человек не готов к богатству, то оно рождает в его жизни такие проблемы, о которых он и не знал: с бандитами, с семьей, со здоровьем. Он обрастает вещами, которыми не умеет толком пользоваться. Он начинает вести какой-то новый образ жизни, а в конце концов все заканчивается проблемами и еще большей бедностью. Деньги — это же не только благословение, это еще и проклятье. Огромная сумма денег, упавшая к вам в руки, может стать кошмаром!

Предположим, человек стал сказочно богат, получив большое наследство. Что он будет делать? Как Анджелина Джоли — или доктор Айболит—поедет в Африку кормить и лечить бедных детей? Да ничего подобного! Он будет кутить, прожигать деньги, обрастать друзьями — они же сразу появятся. И начнутся цыганские пляски, тройки, выезды за город по ночам. И барышни тучей его облепят, как комары в летний вечер. И начнется непонятно что — до тех пор, пока будут деньги или пока не родится метафизическая тоска. Периоды владения сказочным богатством сопряжены с периодами метафизической тоски.

В древности есть отличные примеры. Республиканский Рим был очень бодрым и жизнерадостным. Римляне в период достижения могущества спали на земле, укрываясь плащами, пили воду из ручья, грызли сухую корку, без страха умирали за родину и были очень дисциплинированы.

А Рим периода расцвета и упадка, императорский Рим, в который стекались уже все богатства мира,—это город, полный разврата, лени, жадности, хитрости и великой тоски. Великая поэзия Рима периода упадка — это лирическая поэзия, звуки величественной и трудно переносимой грусти. Людям грустно жить и грустно умирать. Люди не знают, зачем они живут и что будет дальше.

Этот случай произошел в XIX веке в Петербурге. Один юноша получил в наследство большое богатство и стал прожигать свою жизнь направо и налево. И на каком-то этапе он вдруг почувствовал, что жизнь потеряла для него всякий вкус. Ему все стало неинтересно. Настолько ему все это опротивело — женская любовь, предательская дружба, изобилие удовольствий, — что он решил покончить жизнь самоубийством.

Кстати, процент самоубийств в сытом обществе гораздо больше, чем процент самоубийств в обществе голодных. Это не апология голода, конечно, но это факт. Там, где жизнь хороша, люди с ней расстаются добровольно чаще на пике уныния, депрессии, бессмыслицы. Изобилие благ при отсутствии высших целей — кратчайший путь к самоубийству.

Только формы самоубийства будут разные. Наркотики — это тоже одна из форм самоубийства. И терроризм — это, кстати, форма самоубийства, форма реакции на чрезмерную сытость. Это озлобленная реакция голодных на чрезмерную сытость богатых. Чья-то сытость сильно раздражает человека, и он желает как-то прореагировать на нее. Чрезвычайная сытость крайне опасна. Это, кстати, относится и к вопросу — зачем нужны посты? Пост имеет жизнеутверждающую ценность.

Одним словом, наш молодой человек, который испытал в своей жизни все, как Соломон, решил

покончить жизнь самоубийством. И только решал, как это сделать: застрелиться, или броситься с моста в реку, или отравиться, или еще какие-то варианты. Занятый этими мрачными мыслями, он увидел на углу одной из улиц Петербурга бедно одетую женщину с маленьким ребенком. Она просила милостыню.

Кто бывал в Петербурге, представляет себе, насколько это сырой город. Погода там не позволяет долго ходить по улицам плохо одетым, даже летом. А зимой, осенью, весной там слякотно, промозгло. То есть плохо одетый человек, стоящий на улице с утра до вечера, это очень несчастный человек. Это человек, вызывающий жалость.

Мама с ребенком мерзнут и ждут милостыни. А молодой человек идет и размышляет: куда бы ему стрелнуть, в какой висок — правый или левый? И вдруг он обратил внимание на этих людей, и его сердце дрогнуло от жалости. Денег у него с собой было много, и он дал женщине довольно большую сумму. Она от удивления заплакала, не понимая, что случилось. А юноша вдруг ощутил настоящую радость. Он в эту секунду понял: вот оно, вот настоящая жизнь! То, что было вчера на Васильевском острове — с цыганами, плясками, с красной икрой. — это не жизнь. Молодой человек сказал женщине: «Стой, никуда не уходи, я сейчас приду!» И он побежал и принес ей еще больше денег, обеспечивая на всю жизнь вместе с ребенком. Он просто принес ей феерическое счастье, как Николай Чудотворец.

Потом он начал искать: кому бы еще помочь? Он бегал по городу, чтобы раздать то, что у него осталось, а у него еще было много...

Тот человек закончил свою жизнь в Пантелеймоновом монастыре на Афон. Он ушел в монашество и умер на Святой Горе. Это подлинная история. А вернула его к жизни подлинной от разврата и бессмыслицы, от жизни мнимой, милостыня. Такова сила разжатой ладони.

Достоевский, когда писал про Раскольникова, знал, о чем пишет. Он знал истину: отдай — и будешь жить. Что отдал, то твое!

Служение пылинок

Человеку сегодня очень важно знать, какую великую радость рождает отдача. Благородными профессиями являются те, в которых человек что-либо отдает. Например, профессия спортивного тренера. Казалось бы, что особенного — учить мальчишек играть в футбол? Но на самом деле вокруг сплошная безотцовщина. Один, другой парень без отца растут, третий парень растет с отцом, но отец такой, что лучше, если бы он рос без него.

И вдруг попадаете мальчишке хороший тренер. А хороший тренер — это же не только человек, который учит по мячу бить, а который рассказывает, почему нельзя пиво пить, почему одни слова нельзя говорить, а другие можно, и вообще учит, что такое мужчина и как себя нужно преодолевать. Хороший тренер учит не просто какому-то конкретному виду спорта — плаванию, гимнастике, футболу. Он учит жизни.

И множество людей через спортивную секцию стали вторыми родителями для ребят, которыми никто никогда не занимался. Они отдавали себя. Не просто передавали знания о каком-то виде спорта, они еще брали человека под крыло, учили его жить, и так, чтобы он понимал и чувствовал, что он кому-то нужен в этой жизни.

Это, конечно, не только тренеры, но еще и преподаватели, и воспитатели, и доктора. В идеале это милиционеры, адвокаты, судьи, прокуроры — это все те, кто служит другому человеку. По большому счету, таким должен быть каждый человек, он должен отдавать себя и в этом находить радость.

Христос поговорил с самарянкой, она побежала в город и сказала, что Мессия пришел и говорил с ней. Жители пригласили Его к себе, и Господь прожил у них несколько дней. Горожане говорили этой самарянке: «Мы уже не по твоим словам веруем в Мессию, мы сами видели, сами убедились».

Это очень важная вещь, потому что на каком-то этапе ты просто веришь чьим-то словам. Например, я верю, что Бог есть, потому что моя мама верит в Него. Она у меня хорошая, я ее люблю, и я ей верю. Раз мама верит в Бога, значит, Бог есть. Но на каком-то этапе этой веры недостаточно, и ты должен сказать, что веришь в Бога, потому что сам знаешь, что Бог есть. Это уже личная вера.

Вот так же и с отдачей. Научиться отдавать и ощущать при этом истинную, подлинную радость — это великий опыт. У индусов (я слышал краем уха) есть такая пословица, скорее жизненное правило: «Не ешь один». Это древнее, очень древнее правило... Допустим, мама собирает ребенка в школу, где нет обеда, и в кулечек кладет ему бутерброд и яблоко. Говорит:

— С кем ты сидишь за партой?

— С Колькой.

Мама яблоко — чик — разрежала на половинки, также и бутерброд пополам разделила:

— На... На большой перемене дай Кольке, а половину себе возьми. Этот бутерброд тебе, а этот Кольке. Раз ты сидишь с Колькой за партой, вы с ним друзья, надо, чтобы ты не жевал в одиночку в углу, а чтобы учился делиться тем, что у тебя есть.

И если ты этому научишься, то приобретешь очень полезный жизненный навык. Тебе будет в жизни гораздо легче, чем другому человеку, который не привык делиться. По крайней мере, тебя в армии бить не будут. Ведь в любой более-менее экстремальной мужской компании человек, который лазает по чужим тумбочкам или ест в одиночку, будет жить плохо. Если же ты привык делиться, чужое не берешь, а своим делишься, значит, ты хороший человек, тебе будет везде хорошо. Тебя Бог покроет, и все будет в порядке.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский и Крымский, епископ-доктор — великий чудотворец и исповедник. Он настоящий гигант, колосс. Владыка провел много лет в тюрьмах, ссылках и различных поселениях. Во время долгих голодовок против произвола лагерной администрации у него начинались разные психические расстройства, он неоднократно был на грани жизни и смерти. И каждый раз, когда он попадал в заключение, лагерное начальство пыталось его сломать.

Тогда проводили гуманитарные акции, во время которых советская власть пускала иностранных представителей Красного Креста или Армии спасения в тюрьмы с посылками, едой, с теплыми вещами. Дескать, посмотрите: здесь нормально живут, работают, перевоспитываются. Однажды через Горького и его жену в тюрьму, в которой находился святитель Лука, попала партия полушубков. Один из них достался владыке, а он этот полушубок пожертвовал.

Святитель увидел молодого уголовника, который сидел в одиночной камере по шиколотку в воде и погибал от сырости и холода. Епископ нашел возможность передать ему в камеру свой тулуп. Эта новость по перестуку, по азбуке Морзе, облетела всю тюрьму. Все воры узнали, что этот доктор уголовника спас от смерти, пожертвовав ему свою верхнюю одежду. И в этой тюрьме его больше никто не обижал. А потом эта весточка о добром деле, как Ангел Хранитель, ходила за святителем всю его лагерную жизнь. Куда бы он ни попал, блатные по своим каналам связи сообщали: этого не троньте, он нашим помогал. Так однажды сделанное доброе дело везде хранило святого человека от расправы уголовников.

Мы с вами знаем, что враждебные Церкви государственные структуры в те годы ломали духовенство именно при помощи блатных. Они сажали человека в камеру к людям без моральных

принципов, чтобы они его унизили, сломали, раздавили. И многих действительно унижали и ломали.

Человек даже не предполагает, как отзовется одно его доброе дело. Оно потом будет ходить за ним действительно как тень или Ангел, осеняя его в местах его пребывания. Перед тобой пойдет, чтобы ты не споткнулся, и за тобой пойдет, чтобы тебя в спину не ударили...

В первых житиях святых, написанных о монахах, есть житие Антония Великого, написанное Афанасием Великим. Это житие было переписано с греческого языка на разные языки и попало в Западную Европу... Оно произвело в христианском мире эффект взорвавшейся бомбы. Люди, когда прочли это житие, просто опешили: неужели так можно жить? Люди затем массово пошли в Египет, Палестину, Сирию, чтобы посмотреть на монахов, которые не едят сутками, наизусть учат Священное Писание, беседуют с ангелами, которые не видят ни одного живого лица по многу лет.

Онуфрий Великий прожил 63 года в пустыне, и он за это время не видел ни человека, ни животного. Ангелы приносили ему Причастие. Мария Египетская 47 лет прожила в пустыне, ни разу не видела ни человека, ни животного. Лишь за год до смерти она увидела Зосиму, который ее причастил.

Когда люди прочли об этом, они убедились, что действительно есть такие подвижники. После этого странники возвращались к себе домой и устраивали монашеские общины по некоторому подобию жизни, хотя бы слабому, тех удивительных монахов. Люди ходили в пустыню, чтобы научиться у них вере, любви, терпению. Об этом говорится в молитве Оптинских старцев: «Научи меня молиться, верить, терпеть, прощать и любить».

В то время жил один богатый юноша. Он до тошноты пресытился «благами» роскошной жизни и предложил своему воспитателю пойти к монахам, чтобы узнать у них, в чем смысл жизни. И они отправились в путь.

Шли они долго и заблудились. У них оставался запас еды и воды, и они его экономили. Шли-шли, и вдруг поняли, что не могут они найти дорогу к этим монахам, а вода заканчивается. Воспитатель ослабел быстрее и слег. Молодой говорит ему: «Я понесу тебя». Но от этого идти стало еще тяжелее, вы сами понимаете. Потом воды совсем мало осталось, потом осталась совсем капелька. И старик сказал: «Пей сам. Я уже немолод, мне пора умирать». А молодому стало жалко своего воспитателя, которого он помнил с детства, как тот с ним играл и в юности, и в детстве, и воспитывал его, и учил, и спутником ему везде был. И он влил эту оставшуюся воду в его уста. И вдруг говорит: «Стоп! Я понял, идем обратно!» Старик сказал: «Подожди, мы же не нашли монахов, не узнали, в чем смысл жизни». А молодой ему ответил: «Я уже все понял. Только что, когда отдал тебе последнюю воду. Смысл жизни состоит в том, чтобы отдавать последнее». Они развернулись и побрели обратно.

Действительно, все эти истории об одном: о том, что нужно жить не для себя. Как, например, любой орган в человеке живет не для себя. Глаз не для себя смотрит. Ухо не для себя слышит. Пальцы не для себя ловкие. Ноги не для себя сильные. Сердце не для себя стучит. Все работает для всех. Один за всех и все за одного.

И в человеческом обществе примерно так же все происходит. Люди специально созданы Богом, чтобы каждый умел что-то, но никто не умел всего. Чтобы пирожник нуждался в сапожнике, сапожник нуждался в аптекаре, аптекарь нуждался в детском докторе, а детский доктор нуждался в трубачисте. Чтобы каждый делал что-то, но все нуждались друг в друге.

Господь каждому дал какую-то силу и какую-то немощь. Баланс силы и слабости — это и есть человек. Он не должен быть суперменом и супергероем. Он просто не имеет права на это. Он сначала должен быть просто человеком, должен знать свои слабые и сильные стороны, он обязан знать сильные стороны других, чтобы покрывать их слабость, а силой их пользоваться в хорошем смысле.

Вот так Бог слепил человечество — это многорукое, многоголовое, многосердечное, многоглазое тело. Человечество представляет собой некоего единого Адама. Адам чрезвычайно расплодился и размножился в человеческом роде. Тот один Адам с той одной Евой, которые для всех нас являются нашими фактическими праотцами, чрезмерно расплодились и размножились в роде человеческом.

Гранитная скала, разбитая в пыль. И каждая пылинка — это отдельный человек, а собранные вместе — это Адам. Все общество, все роды — целый единый Адам. И вот этот Адам таким образом сотворен Богом, чтобы все нуждались во всех, чтобы каждый имел нужду в каждом, никто бы ни над кем не превозносился, а все служили друг другу теми дарами, которые получили.

Главное — внимание!

Христиане должны общаться. Времена сейчас таковы, что скажи банальность — и прослынешь пророком, настолько естественное стало непонятным. Мужья не разговаривают с женами и жены — с мужьями. Некогда. Да и не о чем (как ни жутко это звучит). Дети и родители не делятся новостями. Священники редко говорят между собой на темы молитвы, служения, заповедей. И в этом царстве увеличивающегося взаимного отчуждения и погружения в ненужность стоит сказать банальность, как она загремит громом среди ясного неба. Нужно общаться! Но общаться не в смысле «трепать языками», или «болтать о том о сем». И не в смысле «мыть кости отсутствующему ближнему». Общаться так, как написал апостол Павел евреям: «Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и к добрым делам. Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай; но будем увещевать друг друга, и тем более, чем более усматриваете наступление дня оного» (Евр. 10,24-25).

Наблюдаем ли мы наступление оного дня? Перечтем посмертные вещания святого Нила Мироточивого. Тот говорит, что сребролюбие есть предтеча антихриста. Сребролюбие — это дух, тонко разливающийся и проникающий глубоко в помыслы. Проникнув, он формирует мировоззрение и весь образ жизни. Нет сомнения, что такая антидуховная работа кропотливо проводится во множестве душ. Ее не видно по причине грубой завесы плоти, но она обнаруживает себя в разговорах и поведении. Бояться электронных печатей просто глупо в ситуации, когда на духовном уровне печати ставятся ежедневно, а мы бесчувственны к этому. Простота быта, бескорыстие, умение отдавать и делиться — вот дети противоположного сребролюбию духа. Пока эти качества есть, можно жить. Если же исчезнут, то хлеб станет невкусен и вода перестанет утолять жажду.

Итак, день оный приближается, и христианам стоит увещевать друг друга, поощряя к любви и добрым делам. Сейчас люди стали хлопотливы и беспокойны, как падшие духи. Те покоя не имеют, и у людей смятение внутри и беготня снаружи. Суета мешает людям жить, но они же сами и добровольно погружаются в нее, чтобы не слышать голоса совести. Суетой люди «спасаются», как ни абсурдно это звучит. «Спасаются» от единого на потребу. И нужна суета грешнику, как холодный рассол наутро тому, кто вчера забыл меру в застолье. Ради суеты людской стихии напряглись, говорит преподобный Нил, и год бежит, словно месяц. Месяц бежит, словно неделя; неделя, как день, а день, как час. Ускорение времени заметно всем, следовательно, христианам необходимо усматривать наступление оного дня и увещевать друг друга.

Еще говорит Нил, что зависть есть печать антихриста на сердце человека. Зависть глупцов наводняет площади мятежными толпами. Холодная зависть отпетых негодяев руководит глупой завистью «демократических» толп: «Там целая страна наводнена убийствами и мятежами, пожарами и грабежами» (Крылов. Сочинитель и разбойник). Этот пожар безумия назван «пиршеством свободы». Его хотят щедро распространять, как и бессовестный сифилитик не стыдится делиться болезнью со здоровыми людьми посредством блуда. И если однажды придут глашатаи бесовской «правды и

справедливости», придут, чтоб разжечь в сердцах зависть и недовольство, нужно помнить: в случае согласия с «проповедниками» согласившийся тотчас окажется в расстрельных списках. Бесы не любят тех, кто им поддается. Они их используют, презирая. Перед наступлением одного дня безумие зависти и недовольства, быть может, охватит целые континенты, но уже и сегодня, и вчера звучали и звучат голоса: «Хочу вот это, как у него». «Почему у них есть, а у нас нет...» и прочее. Следует поэтому остужать друг друга словами истины и здравого смысла.

О чем же христианам говорить, сходясь и собираясь? О Господе: у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование — все сие да будет к назиданию (1 Кор. 14, 26). Нужно пытаться научить себя говорить о Господе, не фальшивя и не съезжая в сентиментальность. У каждого есть духовный опыт. Не может быть, чтобы у христианина не было такого опыта. Этим опытом нужно делиться с осторожностью, подбирая слова. Вот Серафимы в видении Исаии боятся Господа и покрывают крылами лица и ноги (см.: Ис. 6,1-7). Но они любят Его, и им сладко говорить о Нем. Поэтому Серафимы взывают друг ко другу: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» Они даже не Богу поют, но «взывают друг ко другу», то есть говорят один другому о Господе. Так нужно поступать и людям. Люди, говорящие о Господе, в день страха и гибели будут укрыты Богом, Тем, о Ком беседовали со страхом во время мира.

Зависть есть печать антихриста на сердце человека. Зависть глупцов наводняет площади мятежными толпами. Холодная зависть отпетых негодяев руководит глупой завистью «демократических» толп. Этот пожар безумия назван «пиршеством свободы».

Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему (Еф. 4, 25). Говорить ложь не значит лишь расхваливать залежалый товар или с корыстной целью подставлять ближнего. Говорить ложь означает хвалить мнимые ценности: возвеличивать хитрость, превозносить грубую силу, воспевать безнаказанный разврат, поклоняться деньгам и успеху. Все это и многое другое — подлинная ложь, в которой плавают человечество, словно рыба в соленой воде. Говорящие о мнимом и ускользающем лгут друг другу, убеждая себя в силе того, что уготовано огню, и в красоте того, что, по сути, безобразно. Поэтому говорит апостол: отвергнув ложь, говорите истину. А если человек не может говорить истину, не может прославить Бога без примеси фальши чистыми устами, пусть молчит. Это тоже великое занятие, ценность которого многим из нас незнакома.

7. В сетях уныния

«Сбит с ног — сражайся на коленях.

Идти не можешь — лежа наступай!»

Упавшего, опустившегося человека можно и нужно жалеть и миловать. Вместе с тем крайне опасно внушать этому человеку, что мы всем миром обязаны его жалеть, а он имеет полное право требовать к себе любви и уважения. Так, чего доброго, получится некий собирательный персонаж из произведений Достоевского. Это будет нищий с апломбом или калека с претензией. Это будет грешник, не желающий каяться, но вооружившийся христианской риторикой. Если хотите — Мармеладов, который гордо скажет: «Да, господа, я падший. И вы не лучше, просто вы одеты чище. Да-с. Однако извольте меня любить таким, каков я есть, да поискренней любите и посострадательней. И права никакого нет у вас не любить меня, ибо я существо глубоко страдающее». И прочее, и прочее. Нет. Жить и думать надо иначе. Упал — вставай. Болит — терпи. И не называй грех нормой, а болезнью — необходимостью. Милость — это именно милость, то есть не заслуженная любовь, а неофициально заслуженная пенсия.

В том, что человек устает, нет никакого сомнения. В том, что человек может упасть, да так, что не поднимется, — тоже сомнений нет. Но в том, что сознание должно мягко сдвинуться в сторону падения как неизбежности, уверенности нет. Люди придумали слово «выгорание» и согнали в категорию «выгоревших» всех подряд. Кто-то трижды женился, кто-то зело осквернился, кто-то просто устал служить и решил переквалифицироваться, как Остап, в управдомы. А люди всю эту разношерстную армию дезертиров поместили добрым словом «выгоревшие» и дружно их жалеют. Что-то здесь не так. Во времена оные некоторые фронтовики протягивали руку к прохожим со словами: «Я в танке горел. Дай рубль на водку!» Ужасно увидеть расстриг, гордящихся своим выгоранием «на производстве». Мол: «Я Богу служил и перенапрягся. Теперь за скобки выпал, но вы уважать меня обязаны, ибо я жертва». А жертвы ведь бывают разные. Вот попутал монашку бес, и она замуж вышла. А теперь живет в вечном страхе и с мыслью: что она Богу на Суде скажет? Или свалил с ног хитрый сатана какого-нибудь доброго игумена, подбил его влюбиться и детей наплодить. Но теперь тот тихо и со стыдом живет, и только Бог знает, какие молитвы из его сердца временами рвутся. Это одно. Здесь есть место и страху, и жалости. Но если такая же монашка, такой же игумен скажут, подбоченься: «Ну и что? Выгорели мы. Понятно? Нас жалеть надо!». А люди ответят: «Да-да, мы вас жалеем, бедненькие вы!» — это будет ложью и подменой смыслов, о которых и подумать стыдно.

Во-первых, не надо никуда спешить. Ни с постригами, ни с хиротониями. Пусть лучше женатый мечтает о монашестве, чем монах — о женитьбе. А то хотел, предположим, ребенок в монахи (уж больно поют красиво, и одежды черные на ходу так мистически развеваются). Его взяли и постригли с поспешностью. Потом он стал иеродиаконом, потом иеромонахом, потом игуменом. Все быстро — за пару лет. Уже мечтать осталось только о епископстве, а ему всего-то лет 25 от роду. И вдруг скучно стало молодому человеку, а потом сильно захотелось ему жениться. Вот тебе один из сценариев «выгорания». Службы надоели, романтика улетучилась, естество о своих правах заявило. А ведь парнишку просто не стоило постригать и посвящать раньше возраста канонической зрелости и без искуса. Вот и все. Таких случаев много. Всюду на изнанке «выгорания» находится поспешность, сырость, неосновательность стремлений, мечтательность. Со временем мечты рассеиваются, просыпаются страсти, и тогда нападает враг.

Неосновательный человек, стоящий на песке, а не на камне, оказывается не готовым нести крест. Он думал, что в солдаты идут, чтоб на параде в красивой форме маршировать, а его на войну отправили. Вот он и сбежал с фронта под предлогом «выгорания». Осудить его? Нет, воздержаться, по заповеди. Но можно ли считать, что это норма? Ни в коем случае. Не норма это, а грех, требующий

покаяния, а не извинения.

Всех людей жалко, потому что у каждого в груди незаметная глазу дымящаяся рана. Но сентиментальные слюнки по теме «выгорания» пора вытирать. Евангелие говорит: положил руку на плуг — вспять не оборачивайся. Еще учит: поминайте жену Лотову. Да и мудрость народная говорит: семь раз отмерь — один отрежь. Думай крепко, человек, прежде принятия решения, а когда решение принял — сомнения прочь. Настало время служения, а не сомнения. Основатель ВЛВ генерал армии Маргелов (дядя Вася, как называет его десантура) так сказал: «Сбит с ног — сражайся на коленях. Идти не можешь — лежа наступай!» Неужели Церковь недостойна ждть от своих служителей такой же стойкости, верности и храбрости? Если сказать десантнику, что существует «выгорание» и что можно по этой причине бросить оружие, он ответит коротко и сурово. Так зачем же бросать духовное оружие? Ладно бросать — оправдывать скопом всех тех, кто его бросил?! И из-за чего бросил? Бабские прелести, зеленые доллары, ночные фантазии и физическая усталость. Кажется, список полный.

Про «выгорание» в слове Божиим есть притча. Это притча о десяти девах. У тех пяти, что остались без елея, он в лампадах выгорел. У мудрых тоже выгорел (ибо что еще делать елею в лампаде, как не выгорать?). Но у мудрых был запас, и они, подлив масла, пополнили светильники. У глупых же запаса не было. Следовательно (вонмем!), выгорание елея происходит у всех без исключения. Все рискуют потерять огонь в светильнике веры — потому что елей мало-помалу расходуется. Но весь вопрос в том, что масло в светильник подливать нужно регулярно, и накапливать запас, и всячески его сохранять. Выгорание будет катастрофическим и необратимым, если не заботиться о запасе масла. Это значит: твори добро во Христе, умножай молитвы, запасайся елеем Святого Духа сегодня — во дни изобилия веры. Потом неизбежно наступят дни скудости, дни сухости и тяжких испытаний. В те дни выживут те, у кого был запас.

Некто из отцов сказал: «Умножай молитвы, когда ты помнишь Господа, чтобы, когда ты забудешь Его, Он вспомнил тебя». Человек живет сегодня ради добра, сделанного вчера. И если вчера он ничего не сделал ради Христа, то сегодня чувствует себя оскудевшим, а завтра — выгоревшим. И кто не озаботился заранее о том, чтобы разбогатеть плодами Духа, тот будет наблюдать, как догорают последние капли его веры. Потом лампада закоптит, вспыхнет и угаснет. А человек отвернется от ворот Иерусалима и понуро пойдет в Иерихон. Так исполняется слово: *имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет* (Лк. 19, 26).

Нет ни злорадства, ни осуждения по отношению к тем, кто пал. Есть только страх и жалость. Но есть усиливающееся неприятие от болтовни про выгорание. Есть чувство, что не от любви эта болтовня, а от лукавства. С опаской нужно хранить запас масла, приобретать новое, и пусть горит елей. Но пусть не гаснут лампы у мудрых дев.

Самоукорение — ближайший путь ко спасению

Укорять себя можно и нужно непрестанно. Так учат святые отцы. Самоукорение — это добродетель, это аскетическое упражнение. Чувство вины и самоукорение — это разные вещи. Для чего нужно самоукорение? Для того чтобы не гордиться. А кому нужно не гордиться? Тому, кто склонен к этому. А кто склонен к этому? Наверное, все, но в разной степени.

Побежденный боксер и его соперник, уходящий с ринга с поднятыми руками, находятся в разных положениях. Один подавлен, другой — наоборот. Именно тот, кто победил, должен укорять себя, сдерживать и смирять. Если же он не смирит себя, то вскоре тоже будет побит.

Что же касается чувства вины, то простому человеку вечно макать себя куда-то носом может быть опасно. Человек может загнать себя в угол. Иногда его нужно утешить, поддержать, поднять в

собственных глазах: «Да у тебя все получится!» Обычно такое говорят детям, но многие люди инфантильны. Они и в старости часто остаются детьми. Их надо ободрять, а не прессовать.

Самоукорение — это внутреннее усилие, и его надо скрывать. По примеру того, как Господь сказал о постящемся человеке: «Лицо свое умой и голову помажь, и явись людям с веселым лицом». Если натянул на себя постную физиономию, посыпал голову пеплом, ни в коем случае не появляйся таким перед людьми.

Самоукорение — это тайна сердца. Самоукоряющийся говорит себе: «Я должен всегда себя укорять, потому что я вижу, что каждый мой шаг несовершенен перед лицом Бога моего». И даже среди самых добрых дел укоряющий себя человек видит, что они, эти добрые дела, дырявые, как сыр. Гоголь говорил: самая сильная скорбь не оттого, что в мире много зла. Самая большая скорбь оттого, что в добре добра нет, что добро дырявое. То есть внутри самого добра, как червяк в яблоке, хранится зло. Страшно то, что зло есть всюду, даже в добре. Когда человек знает, что самые добрые движения его души дырявы, гнилы, что они несовершенны, тогда он понимает, что ему нечем по-настоящему гордиться. Это и есть здоровое самоукорение.

Что же касается вины, то эта тема любима миром, она очень раскручена. Немцев, к примеру, заставляют с пеленок себя чувствовать виноватыми перед евреями, хотя родилось уже два поколения людей, не имеющих никакого отношения к фашизму. Есть много специалистов, вызывающих в нас чувство вины за то, в чем мы лично не виновны. Это чтобы давить на эмоции и легче управлять.

Куда полезнее говорить об укорении себя самого. Это внутренний труд, это внимание к себе и наблюдение за своими стопами. Это труд, ведущий к ясному пониманию, что никогда, даже в самых добрых своих состояниях, человек не бывает абсолютно добрым. Всегда сохраняется иррациональный остаток для греха. И человеку всегда есть в чем себя укорить, за что на себя шикнуть изнутри, чтобы не гордиться и чтобы не осуждать.

Когда человек убежден в своей полной правоте, он демонизирует мир. Тогда у него все пальцы получаются указательными, и он видит всех остальных виноватыми. Если он своих грехов не видит, он видит чужие грехи.

В молитве Ефрема Сирина говорится: «Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». Если человек не будет укорять себя, он будет укорять всех вокруг. Тогда весь мир плох, а он хорош. Разрушается же система ложных ценностей, если есть самоукорение. Человек начинает спокойнее смотреть на окружающий мир, в нем пробуждается сострадание.

Нужно для этого, чтобы луч Солнца правды, луч Христа проник в душу, и стало заметно: в добре добра не хватает. Не все хорошо внутри человека, там сплошной кошмар. Если же человек этого не увидел, то укорение себя будет имитацией и аутотренингом. Стоит молиться Богу, чтобы Он открыл очи сердца, и человек увидел себя и мир в более правильном виде, нежели сегодня.

Укорять себя надо. Есть за что. Но при этом нужно и улыбаться ближнему, и не натягивать на себя показную постную личину. Нужно тайно поститься Богу, Который видит тайное и воздаст человеку явно.

Время плакать и время смеяться

Люди любят смеяться. На самом ли деле им так весело, когда они громко смеются, или за готом люди скрывают страх и отчаяние, трудно сказать. Сами смеющиеся точно об этом не скажут. Либо себя не поймут, либо тайну не раскроют. Они просто скажут, что им весело, и солгут, не моргнув глазом. Самим себе солгут. Начав разговор о смехе, приплели гусей к смеющимся людям, ибо говорим, что те «гогочут». Сейчас приплетем еще и коней, потому что скажем о шумно смеющихся, что те не

только гогочут, но и ржут. Гусь глуп, а конь похотлив. Ржущий и гогочущий человек тоже похотлив и глуп. Иначе бы не смеялся, или смеялся бы меньше и тише. Эти слова не о ком-то далеком и чужом. Это о себе самом слова, потому что есть и во мне немалая любовь к смеху. Любовь, за которой скрывают свои черные лица печаль и отчаяние.

Во времена уныния и бессмыслицы смех особенно громок. Пир во время чумы, пир Валтасара, Нероновы оргии—это все было накануне смерти, накануне гибели без покаяния. Такой смех надрывен. Он—звуковой фон, саундтрек для того самого пира во время чумы. И все пересмешники и хохотунчики, служители индустрии хохота—часто не более чем слуги безумия, воцарившегося в массовом сознании. Много поводов для смеха предоставил во дни оны грешным современникам Ной.

— Вы слышали? Этот безумец строит уже который год какой-то огромный ящик, и говорит, что будет потоп. Ха-ха-ха!

— Да, слышал. Он туда собрался животных взять и уверен, что это ему повелел Бог! Ха-ха-ха!

— Да. Этот ящик он называет ковчегом и хочет плавать на нем, когда мы будем тонуть. Хи-хи-хи!

— Мы? Тонуть? Здесь и дожди-то редки. Я надорвал себе живот от смеха, когда обсуждал вчера с друзьями эту глупость. Рядом ни реки, ни моря. Одни горы. А он уже угробил на свое глупое строительство несколько десятилетий. Можно ли так бездарно распорядиться отпущенными годами жизни? Ха-ха-ха!

— Оставьте в покое этого больного человека. Пусть строит свой огромный ящик и пусть лезет в него, когда начнется потоп, который никогда не начнется. Займемся лучше чем-нибудь более приятным.

Насмешники уходили, не пряча улыбок, для более «приятных» дел, за которые однажды-таки пролился необычный дождь, и размокли горы, и всякая плоть была покрыта водой. А Ной был зрелищем. Он был посмешищем, причем таким посмешищем, которое и многолетнее, и бесплатное. Над Ноем только слепой не смеялся, да и тот, вероятно, подхихикивал, слыша людскую молву.

Говорят, легко смеяться над боксером, но не так легко уворачиваться от его ответных усмешек. И над святыми смеяться легко, пока не пришло время исполнения сказанного. Над блаженными чудаками одно удовольствие всласть поржать, пока в дверь не постучали. Можно даже пресс подкачать, хохоча над затеями святого человека. Многие москвичи подняли тонус, наблюдая за блаженным Василием и его выходками. Мол, зачем ему это, что за глупость заниматься подобными делами? Но эти вопросы праздны. Праздны и пусты. Время все расставит по местам.

Праведный Лот, когда говорил со своими зятьями, то есть с теми мужчинами, которые согласны были взять в жены его дочерей, сказал им: «Встаньте, выйдите из сего места, ибо Господь истребит сей город» (Быт. 19,14). Реакция названных зятьев на слова несостоявшегося тестя была такой же, как реакция людей эпохи Сошес1у С1иБ, хотя телевизоров, как вы понимаете, тогда не было. Зятьям показалось, что Лот шутит. Шутит человек. Что непонятно? Старый, глупый. Так бывает. Что, и пошутить нельзя?

И при Ное, и в Соломе так привыкли к шуткам, что без хлеба им было легче, чем без них. Смерть — шутка. Зачатие — шутка. Рождение — тоже шутка. Нож в ребро, пуля в грудь, автомобиль в стену — все шутка. Муж раньше времени из командировки вернулся. Еврей, русский и поляк в одном купе едут. Грешник со святым Петром у ворот рая беседу ведут. Чем не темы? Все перемелем в шуточной мясорубке.

А чё? Нельзя, что ли? Где написано, что нельзя? И вопрос не в том, чтобы смех запретить, как сделает вывод некто глупый. Смех не запрещаем, ибо корни его лежат в естестве человеческом. Смех до Страшного Суда останется. Но суть в том, что есть время плакать и время смеяться (Еккл. 3,4), и

время плакать поставлено перед *временем смеяться*, то есть оно по смыслу первое.

Нужно научиться вовремя плакать и вовремя смеяться. Нужно еще научиться не плакать тогда, когда подобает веселиться, и не смеяться тогда, когда впору плакать. То есть подобает учиться различать времена. В этих вещах опасно ошибаться. И когда грешники веселятся, святым не до смеха. А когда святые будут радоваться и веселиться, ибо мзда их многа на Небесах, тогда грешникам придет время рвать волосы на голове и посыпать голову пеплом. Проверьте себя по этому камертону.

И главное: если кто-то (может, и сам Лот!) скажет вам: «Уходи отсюда, ибо Господь обрек это место на проклятие», Боже вас сохрани счесть эти слова шуткой.

Тест на скрытое уныние

В практике верующей женщины, врача-психолога, был такой случай. В некоей семье маленький ребенок, лет 5-6, начал воровать. Залезает в карманы в доме и тянет все, что в руку попадет. Беда! Оставьте такого kleптомана без внимания, и через небольшое время по нему тюрьма заплачет. Родители обратились к психологу. Психолог стала разбираться с ребенком при помощи сказок. Есть такая практика — терапия через сказку. «Выдумай, — говорит доктор ребенку, — и расскажи мне какую-то сказку или историю с чудесными персонажами, чтобы ты сам там был». Ребенок начал придумывать историю, в которой он то ли ежик, то ли медвежонок, и ему срочно нужно найти маму. Мама куда-то потерялась. И вот он собирается в дорогу и хочет идти за леса и за горы в поисках потерянной мамы. В этом месте маме еще ничего не ясно, а доктору ясно почти все.

«Ребенок не ваш?» — спросила осторожно наедине доктор. Мама — в обморок. «Откуда вы знаете?!» Действительно, ребенок усыновленный. Но усыновленный в столь малом возрасте, что знать ничего о своем усыновлении не может и никого, кроме нынешних папы и мамы, на их месте представить не способен. Вот тут и проявилась соль события. Сознание ребенка девственно и чисто. Он живет в семье, у него есть любящие родители. Но в душе, где-то гораздо глубже того, что мы называем сознанием, у ребенка рана. Он чувствует себя сиротой, человеком, потерявшим мать. Боль этой раны заставляет его тревожиться и искать. Искать то, чего при свете дня он никак не сможет объяснить и осмыслить, но что проявляется с помощью мифа, сказки. Итак, ребенок ищет мать, а воровство — это всего лишь этап неосознанного приготовления к путешествию, этап накопления запасов.

Можете себе представить, насколько глубоко могут быть спрятаны мотивы человеческой деятельности и как далеки они могут быть от громко декларируемых целей! Маленький человек в этом отношении ничем не отличается от взрослого человека. Он может что-то думать о себе, что-то говорить, и речи его будут свежи и невинны, как фата невесты, как свежесвыпавший снег. Но действовать при этом он временами будет исходя из внутренних импульсов, прячущихся от сознания и поднимающихся из темных и непознанных душевных глубин. Вот откуда регулярное удивление общества, когда на скамье подсудимых вдруг оказывается «примерный семьянин, с отличной характеристикой с места работы». И все вздохи о гуманизме и XXI веке, о высшем образовании так печальны и бесполезны, когда люди действуют не в согласии с дипломом о высшем образовании, а согласно античным мифам, которых они, кстати, даже не читали.

Целая страна, далеко ходить не надо, на уровне деклараций изображает себя который год девочкой в лентах и бантиках, с цветными шариками в руке. А на уровне подсознания при первом же приближении там моментально испаряется девочка и появляется вурдалак.

Такая сказкотерапия, которая выявила в ребенке скрытую травму, возможна и в отношении взрослых. Надо что-то почитать, о чем-то подумать, попробовать что-то написать. Вообще если

глаголы «читать» и «писать» присутствуют в жизни, то есть надежда на уменьшение зоны действия глаголов «стрелять», «стреляться» и «вешать», «вешаться». И недаром некто сказал, что, если XXI век не будет веком гуманитарным, его не будет вообще. Итак, сказкотерапия для взрослых.

Вот один факт из жизни, имевший место на неких литературных курсах. Молодой человек получает задание написать сказку или историю с вымышленными персонажами. Задачи сделать из него Андерсена не стояло. Сказки вообще тяжелее писать, чем романы. Стоит задача привести в действие скрытые механизмы его внутреннего мира, так, чтобы он сам это увидел. Молодой человек открыто заявляет, что он пацифист, борец за чистую экологию, а главные его мечты — преодолеть во всем мире детский голод и найти лекарство от рака. Что же он придумал? А придумал он историю про двух мальчиков, которые с родителями поехали в лес на пикник и в шутку убежали от них вглубь леса. А потом заблудились и пробродили в лесу до темноты. Потом мальчики вышли на широкую опушку, над которой сияла круглая луна, и стали громко кричать: «Ау!» В ответ на их крик со всех сторон на опушку вышли волки. Вышли на двух ногах, как люди, а не как животные. И одного мальчика съели сразу, а второму отгрызли руку, но он убежал. Когда он выскочил из леса, увидел огни ближней деревни. А волки его уже догоняли. Мальчик подбежал к ближайшему дому, стал стучать в него и кричать: «Впустите меня! Спасите!» Дверь открылась, а на пороге стоял волк на двух ногах, потому что они жили в этой деревне...

В этом месте хорошо было бы проснуться, вытереть пот и отдышаться. Но это был не сон, а сказочная история, придуманная пацифистом, который мечтает одолеть онкологические заболевания и детский голод. Вот так. Ни больше, ни меньше. Среди тех, кто заявляет о себе, что любит всех людей, велик процент глубоко травмированных чем-то людей, что становится очевидным после написания ими художественного текста объемом с альбомный лист.

Важно не то, что человек сказал вслух, а то, что ему снится. И не то важно, что плавает на поверхности сознания посреди обрывков газетных передовиц. Важно то, о чем думает сокровенное человеческое «я», скрытое от самого человека. Поэтому в Писании столько сказано о внутреннем человеке, о тайне сердца, о сокровенных движениях души, о смирении, наконец, потому что знающий о себе чуть больше человек гордиться уже не хочет. Отход от христианства превращает современного человека в носителя черного нутра и засахаренной фразеологии. Печаль эту нужно знать в лицо. И пусть исцеление от нее чрезвычайно тяжело (полное исцеление достижимо только при подлинной святости), все же нужно стараться быть честнее, сдержаннее и осторожнее, зная о расстоянии между тем, что вертится на языке, и тем, что копошится на дне сердца.

Молитва по расписанию?

Писатели прошлого восторгались поездами и одновременно ужасались, видя их. Летит, коптит, режет тьму впереди фонарными огнями. А куда летит? Ты не знаешь. А все, кто сидят внутри, знают. Все они (спящие, спорящие на самые разные темы, жующие) совершают осмысленное путешествие из пункта А в пункт Б. Именно это и завораживает: осмысленное путешествие многих из одной точки в другую, совершаемое снаружи стремительно и шумно, но комфортно внутри.

При этом человек, стоящий на полустанке с флажком в руке или фонарем, воспринимается как фигура скорбная. Чуть ли не трагическая. Мелькнул в окне и исчез для тебя навеки. А ведь у него тоже жизнь в груди — неповторимая и таинственная.

У Чехова много таких персонажей: обходчиков, дорожных инженеров, провожающих ежедневно взглядом окутанные паром железные чудовища и думающих: «Они вот едут, а я здесь стою. Небось, они знают, где счастье, и едут к нему. А я здесь стою». И что-то еще в этом духе. Но на самом деле человек, стоящий на полустанке, и человек, мчащийся в вагоне, — читатели одной и той же книги.

Они связаны между собой, как караульный, шагающий по коридору тюрьмы, и заключенный, сидящий в тюремной камере. Оба заморожены быстрым движением. Первый — железного чудища перед глазами. Второй — деревьев за окном или вот этого стационарного зрителя с флажком в руке. Дорога завораживает.

В дороге есть нечто, похожее на всю вообще жизнь. Пребывание в дороге — это пребывание в промежуточном состоянии. Один из семи древних мудрецов говорил, что пребывающий на палубе корабля временно не числится ни среди мертвых, ни среди живых. Это из-за опасностей морского плавания. Но и обычная, весьма комфортабельная, дорога сегодня все равно помещает человека в промежуточное состояние. Человек вырван из пункта А, еще не доставлен пока в пункт Б. Соответственно человек предан размышлениям и переживаниям, отдаленно напоминающим переживания души, покинувшей тело.

Локализация промежуточных мест характеризуется смесью многолюдства и одиночества. Вокзалы, аэропорты, станции, остановки метро и автобусов. Здесь каждый сам по себе и всех одновременно много. Это как Страшный Суд: все собраны вместе, но каждый путешествует по своему маршруту, то есть отвечает за свое. То, что ты кому-то нужен, чувствуешь только в узком кругу (в семье, на приходе). То, что ты никому не нужен, чувствуешь особенно остро в транспортном муравейнике (острее — только в эмиграции). С этой точки зрения любое путешествие дает нам серьезный заряд метафизических ощущений. Оно словно ставит нас на грань религиозного откровения.

Кто только не писал о поездах! Блок писал: «Вагоны шли привычной линией, подрагивали и скрипели. Молчали желтые и синие. В зеленых плакали и пели». М. Львовский писал: «Вагончик тронется, перрон останется. ..» Герои Толстого и Достоевского исповедовались случайным попутчикам именно в вагонах поездов, потому что они словно придуманы для исповеди. Потом Платонов писал, что паровоз нежнее человека, и его жалеть надо. «С любимыми не расставайтесь», — писал Кочетков. Его герой тоже «полуплакал-полуспал» опять-таки в прокуренном вагоне, «когда состав на скользком склоне от рельс колеса оторвал». Еще было: «На дальней станции сойду — трава по пояс» и «Дорога, дорога, ты знаешь так много». В общем, понятно, что много всего было. Всего, собственно, и не перечислишь, как ни старайся. Но если песенная и книжная поэзия не может равнодушно пройти мимо такого чудища, как стоящий под парами пассажирский состав, то это о чем-то говорит. Железнодорожный материализм («Наш паровоз, вперед лети!»), оказывается, пропитан насквозь мистикой.

Да разве вся жизнь человеческая не есть путешествие из пункта А в пункт Б? И когда ты, путник, долго сидишь на одном месте, то чувствуешь некую иллюзию оседлости. Иллюзию потому, что путешествие в сторону вечности не прекращается ни на секунду даже для домоседа. Дорога возвращает душе чувство устремленности, чувство временной бездомности, чувство опасности, ибо всякое путешествие, хочешь не хочешь — экстрим. Из этих чувств рождается молитва Богу, и глубоко безбожно общество, не понимающее острую необходимость часовен и храмов на вокзалах и в портах — речных, морских, воздушных. Люди расстаются и плачут, обнимаясь; они готовятся преодолеть враждебное пространство, окунаются в неизвестное будущее, рискуют, надеются вернуться и встретиться. Следовательно, храм в таких местах нужен точно так же, как он нужен в больницах или в военных частях.

К железнодорожному вокзалу обычно примыкает базар. То же касается и морского (речного) порта — к нему примыкает зона торговли и бурного отдыха. В этом смысле зона путешествий часто примыкает к зоне жизненной изнанки, то есть грязи. Все, что прячется от дневного взгляда на оживленной улице, здесь свободно выпячивается. Лучше всех об этом знает вокзальная милиция и все, кто здесь работает. С аэропортами несколько чище из-за повышенного контроля безопасности и

территориального удаления от городов. Если бы город шумел прямо у забора аэропорта, тамошняя милиция возилась бы с теми же проблемами, что и милиция вокзальная.

Вокзал — образ границы между мирами, которые на карте обозначены буквами «А» и «Б» и между которыми проложена стрелка маршрута. На границе миров может скапливаться грязь. Будущие мытарства — это что? Это грязь на границе. В аэропорту аналог подобных мытарств—усиленный паспортный контроль. Все чище, но и жестче. Проходя зону контроля в потоке безразличного многолюдства, человек заранее испытывает нечто связанное со Страшным Судом. И это еще одна черта промежуточных мест — здесь человек, одетый в форму, в любое время может подойти к тебе с вопросом на необязательно понятном языке.

Собственно, о чем этот небольшой рассказ? Если человек молится только тогда, когда молится, то он никогда не молится. Так сказал один старец. И если человек думает о Боге только когда видит храм или переступает его порог, то он не думает о Боге вовсе. Думать о Боге можно и нужно в больнице, в вагоне метро, в осеннем лесу и, конечно, в путешествии. Оно, путешествие, обнажает в нашей жизни одну всегда присутствующую, но не всегда заметную черту. А именно: нынешняя жизнь есть состояние не оконченное, но промежуточное. Мы движемся. Над этим стоит задуматься. Это нужно почувствовать. Из этого нужно сделать выводы.

Имя человеку — немощь, и молитву ему дает Господь

Среди текстов, которые читают священники, часто встречаются слова об «отвержении уст». Обычно говорится так: «Даждь нам благодать во отвержение уст наших». И на этих словах стоит остановить свое внимание.

Их можно найти в тех утренних молитвах, которые тайно (про себя) читают иереи во время звучания в храме Шестопсалмия. Это выражение есть в литургии святого Василия Великого: «Даждь нам слово во отвержение уст наших, во еже призвати Духа Святого на хотящие предложитися Дары». И можно найти еще много мест в молитвенных текстах, где этот смысл ярко подчеркнут: «Дай мне, Господи, благодать, чтобы уста мои открылись на Твое прославление». Получается, что для призывания Бога, для того, чтобы просто разлепить уста и сказать: «Господи!» — нужна особая благодать.

Эти слова известны не только священникам, но и мирянам. А то ведь подумают, чего доброго, что у священников есть свои тайные и закрытые источники знаний (требники, служебники и прочее). Нет. В смысле — требники есть, а тайных знаний нет. То, что знает священник, может знать и мирянин. Никакие тайные дисциплины священству не преподаются. Вот и в покаянном 50-м псалме, который всем известен, говорится: «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою». То есть закон один: «Ты мне откроешь уста, а я прослаблю Тебя этими устами, открытыми Тобою».

Открытие уст — что может быть проще? Открытие уст — это такая невинная, ежедневная и привычная процедура, что требовать для нее особой благодати как-то непривычно. Человек с плачем открывает уста в час выхода из чрева, и потом только с перерывом на сон не может их закрыть всю жизнь, до самого дня смертного. Посмотрите на себя, посмотрите вокруг: люди сплошь и рядом открывают (отверзают) свои уста, попросту говоря, расширяют рты, не спрашивая ни у кого помощи. Впору бы просить противоположного, а именно умения держать язык за зубами. Или умения закрыть рот вовремя и не открывать его не по делу. Так мы, кстати, и просим Великим постом: «Дух празднословия не даждь ми». Вот где насущная нужда, всем понятная и не вызывающая противоречий. И если сложить это «открывание» и «закрывание» да связать их с благодатью Божией, то получится, что без благодати Божией ни закрыть рот вовремя, ни открыть его не получится. Человек будет открывать и закрывать уста не вовремя и не по делу. Нужно будет молчать, а он начнет стрекотать без

умолку. Потом настанет его черед говорить, а человек замолкнет вдруг, словно в рот воды набрал. И это потому, что живет человек без благодати Божией. Благодать нужна, чтобы органы речи действовали в согласии с нравственным законом, а не беспорядочно.

Бытовое сознание шепчет человеку в левое ухо: «Не делай проблем на ровном месте. Захочешь — откроешь рот и скажешь что хочешь; захочешь — закроешь рот. Ты — хозяин рта своего, как и легких, и языка, и всего прочего». А Дух веры говорит ему: «Без благодати Господа даже уста разлепить не сможешь. Захочешь помолиться и не сможешь, потому что это Бог дает молитву молящемуся. Знай это, и на язык смотри, как на кимвал, на легкие — как на мехи органные, на голосовые связки — как на струны. Ты — инструмент. Сложный и красивый инструмент, но без игрока бесполезный. Играет же на нем Господь. Смиряться».

Призвать Бога от всего сердца — это то же, что спастись, как написано: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Иоил. 2, 32). Эти слова святой апостол Павел относит к Господу Иисусу (см.: Рим. 10, 8-13). И можно ли спастись без благодати? Даже вопрос абсурден. Категорически нет. Значит, и призвать Господа с верой без благодати нельзя. Захочет человек — и не сможет, поищет — и не найдет. Ссохнутся празднословные уста, и сердце тщеславное окаменеет, если Бог благодати не даст.

А ведь есть множество людей, которые болеют особой немотой — немотой на призывание имени Божия. «Как пройти к гастроному?» — спросить могут, а «Где Ты, Господи?» — не спрашивают. Это подлинная болезнь, и людскими средствами она не лечится. Одно лекарство — благодать Божия. Надо просить: «Дай им, Господи, благодать во отвержение уст, да призовут Тебя, Единого Истинного Бога, и спасутся». И о себе самих стоит думать со страхом и без самонадеянности.

То, что сегодня, вчера и третьего дня некто призывал Бога, вовсе не значит, что этот подарок у него навсегда в кармане. Это совсем не значит, что человек с легкостью и всегда сможет призвать Спасителя по имени.

Имя человеку — немощь. Человек может ожесточиться, человек может устать. И в уныние впасть может человек, и веру утратить тоже может. Любой человек, А тогда не призовет уже он Бога, просто не сможет. И самые простые слова дадутся ему с такой тяжестью, что будет это очень и очень удивительно. Поэтому вы, призывающие Господа, не вменяйте свою молитву в заслугу себе. Она есть дар свыше. Да и вообще всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов (Иак. 1, 17). Вместо того чтобы считать молитву своей собственностью и гордиться ею, лучше будем в простоте просить у Бога благодати во отвержение уст. Будем просить для себя и «для того парня», то есть для тех немых, которые пока Господа не призвали. Да дастся и им благодать, вначале для наполнения сердца. А потом, когда в сердце станет тесно, уста сами по благодати заговорят: от избытка бо сердца уста глаголют (Мф. 12, 34).

Религиозная гордость — один из худших недугов души

Когда совершается погребение или заупокойная литургия, прочитывается 16-е зачало из Евангелия от Иоанна. Это очень известный текст. Там есть такие слова: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24).

Слова о том, что верующий «на суд не приходит», особенно любимы многими протестантами. Однажды уверовав в Воскресшего Господа, они затем всю последующую жизнь стремятся убедить себя и окружающих в своей непреложной спасенности. Для православного человека, воспринимающего спасение не как одноактное событие, а как труд всей жизни, эти слова звучат иногда наивно, но чаще всего — экзальтированно и поверхностно.

Люди уверовали и надеются на спасение, но Царство Божие силою берется, и только употребляющие усилие восхищают его. Нужно помнить и еще одно слово Христово, относящееся к спасению. Он сказал: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк. 6, 37).

Эти слова стоит вспомнить хотя бы ради того, чтобы сопоставить их со словами о том, что уверовавший на суд не приходит.

Если истинно верующий не судится, и если не осуждающий не будет осужден, то не значит ли это, что перед нами слова Господа об одном и том же? Не значит ли это, что человек истинно уверовавший и человек не осуждающий — это один и тот же человек?

Если это так, то истинная вера проявляется именно как отказ от осуждения, как приход души в состояние некоей неспособности судить о любых грехах, кроме своих.

Стоит посмотреть на способность осуждать (и не осуждать) и на любовь осуждать (и не осуждать) как на критерий гибельности или спасительности своего состояния. Гибельно верующий (да извинят мне такое выражение) не имеет более сладких занятий, чем превозношение себя на фоне осуждения других. Спасительно же верующий видит себя одного в неприглядном виде, видит грязь свою в свете Евангелия и отказывается выгибать грудь колесом и смотреть на других людей сверху вниз.

Пример человека верующего, но погибающего, при этом уверенного в своей избранности и в гибели остальных, мы видим в притче Господа о мытаре и фарисее. Нас в данном случае интересует последний.

Фарисей решительно отделил себя от всех людей! Это поразительно, но это правда. Он в своих благодарениях говорил Господу: *«Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди»* (Лк. 18,11). Вот так. Ни больше, ни меньше. (Читаем дальше и проверяем себя на «вшивость»!)

Всех же людей, от которых фарисей себя мысленно отделил, он определил емко и кратко: грабители, обидчики, прелюбодей. Затем, не удовольствовавшись перечислением чужих грехов, фарисей ищет пищу для осуждения перед глазами и быстро находит: или как этот мытарь. Далее он перечисляет свои дела, которыми искренне гордится. Это пост и десятина. Поскольку фарисей молится, то он имеет и молитву.

Имея молитву, пост и милостыню, чего ему не хватает? Да всего не хватает, поскольку то, что он имеет, никуда не годится. И невдомек этому влюбленному в свои добродетели самохвалу, что в это же самое время в душе мытаря происходит нечто трогательно великое, благодаря чему мытарь уйдет из храма *оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.*

Говорить об этом стоит для того, чтобы взглядеться в евангельское зеркало. А взглядеться в него необходимо, чтобы понять: не больны ли мы самым худшим видом недугов — религиозной гордостью? Недавно только вышедшие на ниву Господню, недавно положившие впервые руку на плуг, уже научились поднимать брови, смотреть свысока, приклеивать ярлыки. Уже они во всем разбираются, уже знают о «подводных течениях» и «тайных движениях». Толком еще грехи свои не оплавав, при таком подходе уже делают бесполезными все будущие труды, потому что приобретают «мнение» о себе и не боятся судить поспешно.

Сложность в том, что религиозная жизнь почти всегда есть жизнь, протекающая внутри правил и уставов — внутри традиции. А ничто так не питает гордыню и самовлюбленность, как строгое соблюдение уставов и правил. Эта же законническая строгость сильно влияет на отношение к окружающим людям. На них наклеиваются ярлыки, вроде «свой», «чужой», «скверный», «пропавший»,

и картина мира в глазах ярого законника становится удивительной со знаком «минус».

Фарисейство — жуткое явление, и это дано познать не столько из книг, сколько из собственного сердца. Собственно, и саму притчу о мытаре и фарисее Господь произнес *некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других* (Лк. 18,9). То есть Он произнес ее для верующих, поскольку данный недуг свойственен всем вообще, но более всего тем, кто стремится к праведности.

Очевидно, не просто так, а ради великой пользы и по причине крайней необходимости читается эта притча и толкуется священниками в преддверии Великого поста.

Учения о праведности, о простоте и чистоте, о примирении и прощении, наконец о смирении — есть тайны Божии, открытые для претворения их в жизнь. Если какому-то народу Бог открывает нечто, то затем Он же и требует действий в духе откровения. За пренебрежение тайнами и за отказ от движения в указанном направлении наказание как раз и приходит. *Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения: так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною* (Ос. 4,6).

Христианам открыто Евангелие, значит, не нужно судить тех, кому оно не открыто, но стоит тщательно исполнять открытое. И долгожданное воцерковление, без которого не поднимется из грязи и праха страна и ее народ, должно быть правильным и глубоким, а не истеричным и не самовлюбленным.

Нужно верить право, чтобы не идти на суд, и не нужно судить других, чтобы не судиться в ту же меру. Но наипаче нужно внимать апостолу, говорящему: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть» (2 Кор. 13,5).

Вот это последнее — самое горькое: быть не тем, чем должны быть; не быть, но казаться.

Благодарность — лекарство от зависти, невнимательности и уныния

Вопрос на засыпку: может ли быть счастлив человек, страдающий завистью, невнимательностью и неблагодарностью? Кому как, но мне лично счастье такого человека представляется невозможным. Зависть будет непрестанно привлекать взор этого человека в «прекрасное далеко», туда, где лучше, потому что нас там нет.

Невнимательность будет скрывать от глаз множество красивых вещей и событий, удивительных, трогательных. Неблагодарность заставит топтаться по головам любимых и кусать ласкающие руки.

Все будет не так на свете человеку. Весь мир будет ему не «таков». В порыве страстных неудовольствий жизнью человек дерзнет сказать словами Сальери, что, мол, нет правды не только на земле, но даже выше.

Если это заразное внутреннее состояние завладеет множеством душ в отдельно взятом государстве, то дела в нем пойдут совсем худо. А внутренние состояния, без сомнения, могут быть заразными. Словно «трихины» из бредового сна Раскольников на каторге, волны беспокойства, недовольства, ворчливого раздражения могут передаваться от души к душе, невзирая на расстояния.

Мы живем именно в такой ситуации. Не древнее пьянство и не новый разврат являются сейчас главными пороками, а уныние. Уныние, рожденное недовольством, невнимательностью, завистью и неблагодарностью. «И ничего во всей природе благословить он не хотел» — вот диагноз. Это бесовское состояние.

А как же «всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите»?

Где спасение от тоски? Конечно, не в умножении удовольствий. Внимательный человек должен знать, что умножение удовольствий углубляет тоску и делает ее неисцелимой. Исполнение всевозможных желаний способно дать только один несомненный опыт, а именно: от исполнения желаний подлинное счастье не приходит. Жажда распаляется, иллюзии отлетают, а счастье не приходит.

Чтобы жить, и трудиться, и радоваться, человеку нужно благодарить. Благодарность—это естественное и сильное лекарство и против зависти, и против невнимательности, ну и, конечно, против неблагодарности.

Вот почему главная христианская служба — это Евхаристия («Благодарение»), а главная часть этой службы знаменуется словами: «Благодарим Господа!»

Благодарим за сотворенный мир, за вход в сей мир и будущий исход, за ведомые и, много более, неведомые бывшие благодеяния. Нужно научиться ходить в храм именно для благодарения. Все остальное приложится, как второстепенное, на своем месте. Придется и свечи ставить, и записки писать, и панихиды заказывать, и молебны слушать. Но главное — идти в храм, чтобы благодарить Господа.

«Благодарный» — он же по-славянски и «благодатный». А «благодатный» — это человек энергичный, сильный, умный, внимательный. Он, по апостолу, *«на всякое благое дело приготовлен»* (2Тим.3,17).

Унылое и ворчливое христианство—это добровольное гетто. Сильное христианство — это христианство радостное, о Господе радостное. «Благовестите день от дне спасение Бога нашего». К этому и нужно звать людей, не нашедших пока пути к литургии.

Все реформаторы обещают человеку счастье, и если полагать это счастье в исполнении обещаний, то придется умереть несчастным. Но человек должен быть счастлив не «когда-то» и «где-то», а сегодня. И это возможно, если стоит перед Богом человек и не говорит: «Дай!», но «Благодарю Тебя!»

У Сэлинджера, автора «Над пропастью во ржи», есть две повести, объединенные в одну книгу— «Фрэнни и Зуи». Героиня по имени Фрэнсис (Фрэнни) —учится на актрису. Это молодая интеллектуалка, ищущая смысла жизни и духовных озарений. Ее тошнит от чванства, от поверхностных знаний, которыми кичатся преподаватели, от мелких интересов сверстников. В своих духовных поисках она находит книгу «Откровенные рассказы странника» и начинает творить Иисусову молитву (зю!). Эти духовные упражнения еще более обострили в ней отторжение от мирской жизни, но не дали ни силы, ни радости. Получилось мрачное и озлобленное подвижничество.

Спасти сестру от опасных духовных экспериментов над собой пытается ее родной брат Зуи. Брата возмущает, что Фрэнни в грош не ставит мать, которая лезет к дочери с нежностями и пытается кормить ее, отошавшую, бульоном. Его возмущает, что сестра пытается относиться к молитве как к психофизической практике. Для нее молитва — не способ общения с Богом, Которого она любит, а почти магический способ достижения «благодатных» состояний и озарений. Он говорит сестре: «Скажу тебе одно, Фрэнни. Одну вещь, которую я знаю. И не расстраивайся. Ничего плохого я не скажу. Но если ты стремишься к религиозной жизни, то да будет тебе известно: ты же в упор не видишь ни одного из тех религиозных обрядов, которые совершаются прямо у тебя под носом. У тебя не хватает соображения даже на то, чтобы выпить, когда тебе подносят, чашку освященного куриного бульона. Даже если ты пойдешь и общаришь весь мир в поисках учителя — какого-нибудь там гуру или святого, — чтобы он научил тебя творить Иисусову молитву по всем правилам, чего ты этим добьешься? Как же ты узнаешь подлинного святого, если ты неспособна опознать чашку освященного

бульона, когда тебе суют ее под самый нос? Можешь ты мне ответить?»

Чашка бульона была «освящена» заботой и любовью матери, то есть тем, на чем стоит мир. А все мы очень виноваты в том, что не умеем опознавать «освященный» бульон, «святые» улыбки, «священные» рукопожатия и прочие небесные дары, ежедневно предлагаемые нам под неброской земной упаковкой. Именно из-за этой неспособности опознавать святое в повседневном мы и несчастны.

Невнимательность. Неблагодарность. Зависть. Все это и есть «трихины» дьявола.

Сами религиозные порывы не лечат человека при неправильном устройении души, не лечат и приносят нежелательные плоды. Молитвенное подвижничество невозможно, если человек неспособен оценить простую красоту и искреннюю теплоту. Вот он, духовный закон, действующий неумолимо: в жизни ничего невозможно достигнуть, если невнимательность и неблагодарность закрыли человеку глаза на повседневное «обыкновенное чудо».

Люди окружены милостями и погружены в сплошное чудо. Поэтому благодарное удивление должно стать одной из доминант внутреннего состояния. Этому нужно учиться всем: и тем, кто, как ему кажется, воцерковлен; и тем, кто ищет дорожку в Церковь; и всему народу, наконец.

Не зря «Благодарим Господа!» — главные слова нашей главной службы.

Научиться тому, что умеем

Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом», — учат отцы Церкви. А что нужно сделать, чтобы человек стал человеком?

Человек похож на цыпленка. Он рождается дважды — об этом говорит Иоанн Кронштадтский в одной из проповедей. Курица рождает не цыпленка, а яйцо. Затем яйцо нужно прогреть, но несильно, иначе будет яичница, а цыпленок так и не появится. С человеком то же самое: его сначала надо родить, но это только подобие яйца. Далее следует воспитание. Оно и есть прогревание ради появления человека, ради превращения мертвого яйца в теплый пищащий комочек.

Маугли из произведения Киплинга имел прототипов в той же Индии. Там часто в джунглях пропадали украденные обезьянами или волками дети. Причем английскими или индийскими учеными в 1950-х годах были зафиксированы случаи, когда животные не ели, а воспитывали украденных младенцев.

Такие дети не превращаются в красавцев типа Маугли из советского мультфильма. Они превращаются в нечто непонятное: это не зверь и не человек. Ни то ни се. Они чешут задней ногой за ухом, рвут мясо зубами, воют на луну и, если их возвращают в человеческие жилища, тоскуют, чахнут и умирают, так и не научившись разговаривать и есть вилкой и ложкой.

Это потому что у них упущены какие-то важные этапы воспитания. А самые важные этапы воспитания — это внутриутробное развитие и первые несколько лет жизни. Как говорил Толстой, между мною трехлетним и мною семидесятилетним разница очень небольшая, но между мною только что родившимся и мною трехлетним разница огромная.

Самое важное закладывается тогда, когда младенец припадает к груди матери или к бутылочке с искусственным питанием, когда над его колыбелькой молодая мама поет «Богородице Дево, радуйся» или «Я буду вместо, вместо, вместо нее, твоя невеста, честно, честная Ё», когда носящая дитя мама или курит папиросу, или причащается раз в месяц.

За каждый день внутриутробного развития проходят астрономические периоды, в строении

земли они называются геологическими эрами. Упущенные моменты внутриутробного, сразу после рождения, ближайшего дошкольного или первых лет школьного воспитания невосполнимы.

То, чему человек не научился в 12-13 лет, в 24 года уже не научится или научится, но с титаническими усилиями и хуже, чем мог. Навыки, которые в 14-15 лет он не приобрел по части труда, терпения, физической выносливости, перенесения боли, в 30-40 лет уже поздно набирать, потому что в человеке происходят необратимые изменения.

Священники традиционно говорят об обожении человека, о том, что Церковь существует, чтобы довести его до Царствия Божьего и на земле сделать его сыном Неба, гражданином Небесного Царства, чтобы он был благодатен и жил не по природе. Чтобы, как говорится в молитве оглашения, «он не был чадом тела, но чадом Твоего Царствия». Но люди уже накопили столько ошибок и пропусков в гражданском, общественном и личном воспитательных процессах, что когда начинают обоживать этого калеку, то он вообще разваливается.

Получается жуткое зрелище, наподобие Паралимпийских игр, когда одноногие люди метают молот или диск, а слепой бежит кросс. Это памятник человеческому мужеству, но смотреть на это очень больно. И современная духовная жизнь похожа на Паралимпийские состязания, потому что мы почти все изначально искалечены и, несмотря на это, пытаемся совершать какие-то подвиги.

Есть не только христианские добродетели, но и важные дохристианские добродетели. Прежде чем упражняться в христианских добродетелях, нужно поупражняться в добродетелях дохристианских, которыми был богат мир до Рождества Христова: еврейский — сознательно ожидавший Мессию, нееврейский — не ожидавший, но предчувствовавший. Евреи упражнялись в Писании и пытались хранить то, что Бог им заповедал. Язычники ценили другие вещи: храбрость на войне, простоту в быту, мудрое слово, умение слушать другого и сдерживать свой гнев (такого человека чтили выше полководцев), не поработаться богатству и терпеть превратности судьбы. Они выстраивали целые богословские школы, учившие, как прожить жизнь достойно и правильно с минимальным количеством грехов.

Трудолюбие — не христианская добродетель, а общечеловеческая. Приход к больному в больницу — не только евангельское дело, но и общечеловеческое. Для христиан евангельское в нем только одно: ты приходишь сознательно ко Христу, который учит в больном видеть Себя. Если же ты Христа в больном не видишь, но все равно к нему идешь, потому что он больной и нуждается в твоей помощи, то это добродетель общечеловеческая. Это простейший способ стать человеком — пойти к тому, кому больно, и по возможности облегчить его страдания теми средствами, которые у тебя есть под рукой или в сердце.

Кто-то из историков подсчитал, что первые семьсот с лишним лет после основания Рима у римлян не было ни одного развода. Много о дохристианских добродетелях и их важности пишет замечательный английский мыслитель Честертон. Почему Бог дал власть над миром римлянам? Потому что они были добродетельнее, чем все народы земли. Они были храбры на войне, просты в быту — спали на земле и пили простую воду, не боялись терпеть, страдать и умирать в период опасности, были целомудренны в браке, гнушались половыми перверсиями, которыми «цвел» весь Восток (персы, финикийцы, греки). Они были естественно добродетельны. А человеку сейчас не хватает не только христианских добродетелей, но и вообще человечности.

Классическая литература поставила горький диагноз: на Руси легче найти святого, чем порядочного. Святых на Руси было много, негодяев тоже хватало, а вот в простых порядочных людях всегда ощущается недобор. Нехватка среднего звена. Качка из стороны в сторону, «из глубины воззвак к Тебе» (из бездны — вверх, и сверху — вниз) — расшатает любого. Возможно, эти «плюсы» и «минусы» русской души, качка справа налево и сверху вниз — просто отсутствие воспитания и недисциплинированность. Просто разболтанность души. Сначала нагадить, так что стыдно людям в

глаза смотреть, а потом слезы лить неделями. А потом, когда устанет лить слезы человек или слезы закончатся — опять нагадить, чтобы слезы появились.

В таком режиме жить нельзя. Нужно воспитывать в себе аккуратность, честность, исполнительность. Нужно исполнять то, что пообещал, учиться думать о ком-то, кроме себя, и не превращать христианскую жизнь в торжество духовного, подкрашенного эгоизма: раньше думал только о своих карманах, а теперь — только о своих грехах.

Прежде чем идти на сияющие высоты христианских добродетелей, необходимо научиться здороваться с людьми на улице. Прежде чем бросить курить, необходимо научиться окурки бросать в урну, а не под ноги. Прежде чем научиться читать Иисусову молитву устами и в уме, надо постараться сморкаться в платок, а не зажимая одну ноздрю пальцем, ближнему на ботинок.

Духовный закон гласит нам, что большого без маленького не существует. Нужно препоясаться и застегнуться, приготовившись к длинной незаметной работе, начиная с самых простых вещей. Тогда начнется постепенный путь к обретению смысла и глубины во всем остальном.

По сути, рецептура дана в одной из латинских пословиц: научись сначала делать то, что ты уже умеешь, — и тебе откроется неизвестное.

Так, двигаясь от меньшего к большему, глядишь, до чего-то человек перед смертью и дойдет.